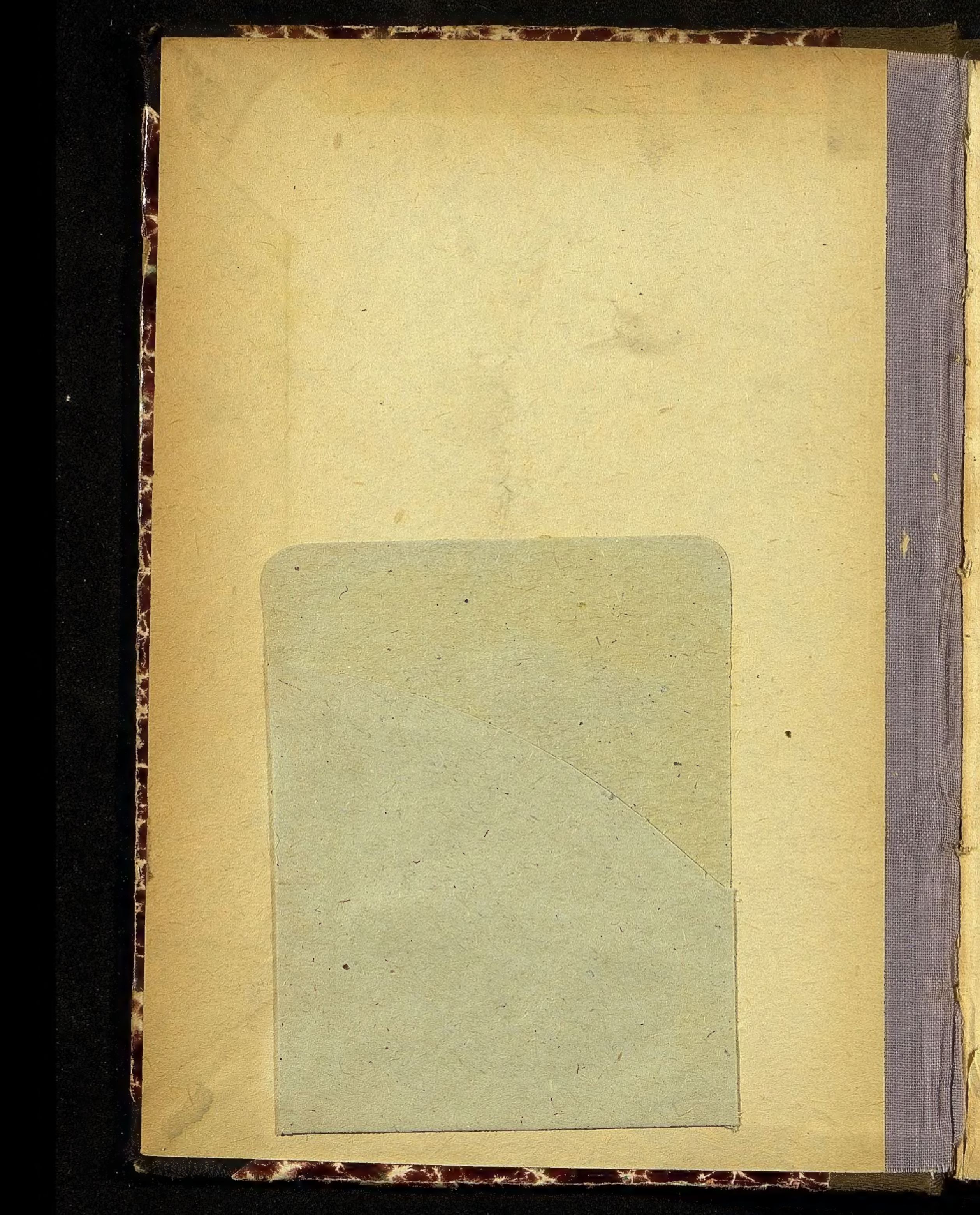
Роснер.

Воспоминания

кронпринца Вильгельма.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

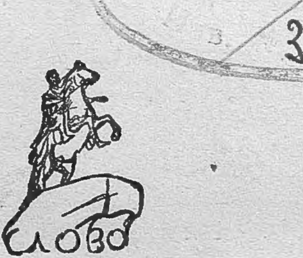
ВОСПОМИНАНІЯ
КРОНПРИНЦА ВИЛЬГЕЛЬМА

ВОСПОМИНАНІЯ

КРОНПРИНЦА ВИЛЬГЕЛЬМА.

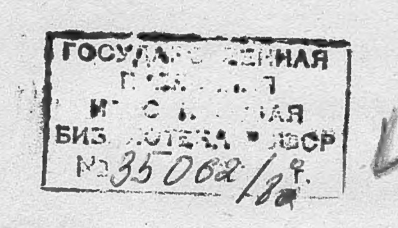
НА ОСНОВАНІИ ЗАМѢТОКЪ,
ДОКУМЕНТОВЪ, ДНЕВНИКОВЪ
И БЕСѢДЪ СОСТАВИЛЪ

КАРЛЪ РОСНЕРЪ

1 9 2 2

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Островъ Вирингенъ, 9 ноября 1921 г.

Дорогой Роснеръ!

Въ разговорахъ и письмахъ мы съ Вами часто обсуждали вопросъ, слѣдуетъ-ли мнѣ собрать и оформить въ книгѣ воспоминанія о пережитомъ мною въ мирное время, въ годы исполинской борьбы и въ дни одиночества на тихомъ островѣ Вирингенъ. Многое говорило въ пользу этого плана — многое противъ него. Меня соблазняла возможность высказать въ такой книгѣ послѣднюю правду о многихъ неясныхъ событіяхъ тревожныхъ лѣтъ политическаго кризиса, длившагося съ начала девятнадцатаго столѣтія, — правду о неразгаданныхъ проблемахъ нашей стратегіи и, наконецъ, о горестныхъ обстоятельствахъ нашего крушенія. Ибо я имѣлъ возможность наблюдать событія мірового значенія, находясь въ непосредственной близости къ престолу германскаго императора. Ближе, чѣмъ милліоны другихъ нѣмцевъ, я могъ постигать механику историческаго процесса, чреватаго роковыми послѣдствіями, но былъ такъ-же безсиленъ повліять на эти событія, какъ и всякій другой. — Судьба кронпринца, которую испытываетъ на себѣ каждый первенецъ изъ дома Гогенцоллерновъ!

Первоначально одно только желаніе отдать себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ побудило меня написать эти отрывочныя замѣтки, — разрозненные листки, повѣствующіе о моемъ развитіи, о встрѣчахъ съ выдающимися личностями, — излагающіе мое отношеніе къ великимъ политическимъ проблемамъ довоеннаго времени и, наконецъ, записи, относящіяся къ

періоду войны и роковымъ днямъ октября 1918 года. Все это необработано, отрывочно, но все-же связано извѣстнымъ внутреннимъ единствомъ. Сегодня, въ день третьей годовщины злополучнаго 9 ноября я снова просмотрѣлъ эти листы, — нѣкоторые изъ нихъ отложилъ въ сторону, другіе дополнилъ, и наконецъ, пришелъ къ опредѣленному рѣшенію относительно ихъ судьбы. Многіе, я знаю, сочтутъ мой поступокъ страннымъ и не поймутъ меня.

Въ ближайшіе дни Мюльднеръ ѣдетъ опять на родину въ виду нѣкоторыхъ неотложныхъ дѣлъ. Ему поручено явиться къ Вамъ и передать Вамъ всю кипу моихъ записокъ и писемъ. Я прошу Васъ придать этому матеріалу, — съ которымъ Вы ознакомились еще въ пасторатѣ на Вирингенѣ, — форму книги.

Въ распредѣленіи матеріала и въ художественной его обработкѣ я предоставляю Вамъ полную свободу. Если Вы пожелаете опустить нѣкоторыя изъ моихъ замѣтокъ, то я не возражаю. Если же сочтете нужнымъ, на основаніи нашихъ разговоровъ и собственныхъ наблюденій, сдѣлать кое-какія добавленія — то я и на это согласенъ.

Вы спросите: почему я обращаюсь именно къ Вамъ? Да потому, что вы меня знаете, и я Васъ знаю уже много лѣтъ. Вы знаете, къ чему я честно стремился, но Вы знаете также мои слабости. При всемъ Вашемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ, Вы были въ Вашей критикѣ всегда откровенны со мной. Вы заглянули въ мой внутренній міръ, когда были моимъ гостемъ на островѣ. А потому Вы лучше всякаго другого сумѣете понять и оцѣнить мои Вирингенскія записки. И наконецъ, вспоминая наши разговоры въ боевые дни подъ Вердэномъ, подъ Шарлевиллемъ, въ Шампани и на Марнѣ, Вы сможете подтвердить, что все изложенное здѣсь о моемъ отношеніи къ войнѣ и къ нашей политикѣ во время войны, не пустая болтовня и не дешевая мудрость человѣка, который заднимъ умомъ крѣпокъ, а мысли и опасенія, которыя

я уже тогда высказывалъ. Да, Вы знаете, что я уже тогда пытался всѣми силами бороться съ грозно надвигавшейся опасностью.

Съ лучшимъ привѣтомъ и въ надеждѣ, что Вы исполните мое желаніе

Вашъ преданный Вамъ
Вильгельмъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Когда я годъ слишкомъ тому назадъ писалъ свою книгу «Король», пытаясь въ ней въ виду цѣлаго потока искажающихъ характеристикъ обрисовать обликъ кайзера такъ, какъ онъ мнѣ представлялся, и изобразить окружающую его среду такъ, какъ я ее видѣлъ, — у меня порою являлось желаніе возстановить одновременно такимъ же способомъ и подлинный образъ кронпринца. Его подлинный образъ — ибо я знаю его съ давнихъ временъ и знаю, что черты его характера не имѣютъ ничего общаго съ тѣми карикатурными представленіями о немъ, которыя столь распространены въ широкихъ кругахъ нашей родины и за границей. — Тогда я отказался отъ этой мысли, ибо она не укладывалась въ тѣсныя рамки моей книги и нарушила бы ея художественный замыселъ. Я ограничился характеристикой лишь одной трагической фигуры, кронпринца же вывелъ ея партнеромъ только въ одной изъ набросанныхъ мною сценъ.

Привлекалъ меня тогда еще другой планъ, — и я не разъ его обдумывалъ — изобразить во второмъ самостоятельномъ трудѣ тотъ трагизмъ, который въ первой книгѣ остался нераскрытымъ — судьбу сына и наслѣдника, выросшаго подъ знакомъ своего собственнаго новаго міровоззрѣнія и тѣмъ не менѣе сокрушеннаго общей катастрофой. Однако я не поддался этому соблазну: non bis in idem.

Черезъ годъ послѣ окончанія первой книги я получилъ выше приведенное письмо изъ Вирингена, за которымъ вскорѣ послѣдовали и обѣщанныя рукописи. Само письмо а также значеніе, которое эти записки и документы представляютъ для исторіи, заставили меня снова вернуться къ раньше отвергнутому плану. А вмѣстѣ съ тѣмъ — богатый, почерпнутый изъ личнаго опыта матеріалъ предуказалъ уже ту литературную форму, которая одна только соотвѣтствовала бы существу предмета.

Итакъ я охотно и съ благодарностью за оказанное мнѣ довѣріе приступилъ къ издательской работѣ. Я взялся за нее съ тѣмъ большею готовностью, что получилъ разрѣшеніе отбирать матеріалъ, а мѣстами, гдѣ это казалось необходимымъ, дополнять его, изъ лично пережитаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ записяхъ кронпринца, составленныхъ имъ на память и безъ всякихъ пособій въ одиночествѣ изгнанія, обнаруживались тѣ или другіе пробѣлы. Произвести разграниченіе первоначальнаго рукописнаго текста и этихъ разрозненныхъ дополненій, хотя бы путемъ примѣчаній, я счелъ неумѣстнымъ, ибо это нарушило бы плавность и единство изложенія въ цѣломъ.

Берлинъ, 15 января 1922.

Карлъ Роснеръ.

Мартъ 1919.

Вечеръ, — и я еще разъ прошелся по тихимъ пустыннымъ дорожкамъ среди обвѣянныхъ вѣтромъ, разрыхленныхъ пастбищъ. Сквозь мглу и мракъ.

Ни души — ни голоса человѣческаго. Одно лишь завываніе вѣтра морского, напирающаго на меня и пронизывающаго меня сквозь одежду. Это мартовскій вѣтеръ. Скоро наступитъ весна. И я здѣсь уже четыре мѣсяца.

Вокругъ надо мной широко раскинулись сверкающія звѣзды, тѣ же, что сіяютъ и надъ Германіей. А ниже на горизонтѣ спускающейся ночи сигнальные огни маяковъ Денъ Овера и Текселя посылаютъ свои лучи на Зуйдерзэ.

Въ тревогѣ поджидаетъ меня мой товарищъ у калитки садика. Неужели я такъ долго отсутствовалъ?

Теперь я сижу въ этой маленькой комнатѣ моего пастората, передо мной горитъ керосиновая лампа — она коптитъ и слегка пахнетъ, а въ желѣзной печкѣ тлѣетъ скудный огонекъ.

Ни одинъ звукъ не нарушаетъ тишины. Одно лишь завываніе вѣтра надъ великимъ одиночествомъ спящаго острова.

Четыре мѣсяца.

И снова и снова въ этотъ безконечно долгій срокъ, который я прожилъ, все время чего то ожидая и прислушиваясь къ чему-то далекому, меня посѣщала мысль: «А что, если написать откровенно, обо всемъ, что тяготитъ твою душу?»

Такъ было и сегодня. Весь день — и сейчасъ на пустынной дорогѣ. — Итакъ, я попытаюсь!

—Пусть эти страницы, воскрешающія и уясняющія прошлое, помогутъ мнѣ избавиться отъ этого душевнаго смятенія и придти къ покою и ясности. Пусть онѣ будутъ воспоминаніемъ о безвозвратно ушедшемъ, отчетомъ о моихъ поступкахъ, намѣреніяхъ и упущеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіемъ правды о многихъ важныхъ событіяхъ, о которыхъ до сихъ поръ имѣютъ лишь ложное и превратное представленіе.

Честно и безъ всякихъ прикрасъ я буду записывать событія такъ, какъ я ихъ вижу. Я не буду скрывать своихъ собственныхъ заблужденій и не буду выискивать чужихъ ошибокъ. Я хочу себя принудить къ объективности и сдержанности даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одно воспоминаніе о минувшемъ заставляетъ меня краснѣть и подымаетъ въ моей душѣ бурю гнѣвнаго негодованія и самой горькой обиды. Начну совсѣмъ издалека, съ отрочества.

Когда я обращаю свои взоры назадъ къ моему дѣтству, передо мной какъ-будто раскрывается давно исчезнувшій міръ, полный солнца и свѣта. Нашъ родительскій домъ въ Потсдамѣ и въ Берлинѣ — мы всѣ любили его не меньше, чѣмъ любой другой ребенокъ, окруженный любовью и заботами своихъ близкихъ, любитъ свой домъ. Да и радости нашего ранняго дѣтства были несомнѣнно тѣ же, что у всякаго веселаго и бойкаго мальчугана. Сдѣлана ли игрушечная сабля изъ дерева или изъ жести, обита ли лошадка настоящей телячьей шкурой или же скромно выкрашена масляной краской, для сердца ребенка это безразлично, ибо гордое сознаніе счастья даютъ сами символы мальчишеской мужественности — сабля и лошадь. Точно также и наши дѣтскія проказы были тѣ же, что продѣлываетъ каждый бравый нѣмецкій мальчикъ, съ той лишь разницей, что мы портили болѣе цѣнные ковры и болѣе дорогую мебель. Съ кѣмъ и когда бы я ни дѣлился въ непринужденной

бесѣдѣ воспоминаніями о героическихъ подвигахъ дѣтскаго возраста, всегда и вездѣ я убѣждался въ одномъ: въ развитіи нашего воображенія есть ступени, на которыхъ всякій мальчикъ, будь онъ принцемъ царской крови или же сыномъ простого крестьянина, рабочаго или буржуа, ищетъ тѣхъ же самыхъ приключеній и дѣлаетъ одни и тѣ же геніальныя открытія: таковы похожденія въ обширныхъ и таинственныхъ чердакахъ и въ затхлыхъ погребахъ, опыты съ открытымъ водопроводнымъ краномъ, который затѣмъ никакъ не закрывается, когда потоки воды грозятъ наводненіемъ, нападенія со снѣжками на почтенныхъ и педантически корректныхъ чиновниковъ, которые внезапно теряютъ свое достоинство и, побагровѣвъ, ругаютъ тебя «проклятымъ сорванцемъ».

Средоточіемъ для насъ дѣтей служила съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, наша горячо любимая мать. Она была источникомъ окружавшей насъ любви и тепла. Что бы радостно или горестно ни волновало наши юныя сердца, все встрѣчало у нея полное пониманіе и сочувственный откликъ. Всѣмъ наилучшимъ въ нашемъ дѣтствѣ, нѣтъ, болѣе того, всѣмъ наилучшимъ, что вообще могутъ дать родительскій домъ и семья, мы были обязаны ей, и только ей. Ибо, чѣмъ она была для насъ въ раннемъ дѣтствѣ, тѣмъ она и осталась, когда мы стали юношами и достигли совершеннолѣтія, — та же она для насъ и теперь, эта добрѣйшая и лучшая женщина, для которой жить — значитъ помогать, жертвовать собой, расточать свои силы для блага другихъ.

Будучи старшимъ сыномъ, я былъ съ матерью особенно близокъ. Со всѣми своими малыми и крупными просьбами, заботами и желаніями я приходилъ къ ней; но и она съ своей стороны честно дѣлила со мной всѣ свои надежды и опасенія, всѣ радости исполненія и горести разочарованія. Въ разногласіяхъ, возникавшихъ временами между мною и отцомъ, она всегда выступала посредницей, примиряя и задабривая насъ,

и я не знаю такой мысли, такого дѣла, съ которыми я бы не могъ обратиться и дѣйствительно не обращался къ ней. Эти отношенія глубокой любви и полнаго довѣрія сохранились между нами и въ тяжелые военные годы, да и сейчасъ они не нарушены тѣми гнетущими внѣшними условіями, которыя насъ въ настоящее время разъединяютъ.

Особенно благодаренъ я судьбѣ за то, что въ эти мучительные дни она находится около моего несчастнаго отца, — она — вѣрнѣйшая спутница его когда то въ счастьѣ, теперь въ несчастьѣ. Всегда готовая къ самопожертвованію, всегда серьезная и чистая, всегда сильная своей добротою и любовью.

Съ гордостью могу я сказать въ качествѣ сына: вотъ образецъ настоящей нѣмецкой женщины, подлинная сущность которой раскрывается именно въ томъ, какъ она несетъ тяжкій долгъ супруги и матери, — особенно видно это теперь, когда исчезло великолѣпіе придворной жизни и обнажились чисто человѣческія черты ея облика.

Наше отношеніе къ отцу было иное. Онъ былъ всегда ласковъ съ нами и по своему насъ любилъ, но могъ намъ конечно удѣлять не слишкомъ много времени. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства я знаю лишь нѣсколько такихъ, когда я вижу его среди насъ непринужденно веселымъ и всецѣло увлеченнымъ мальчишескими играми. Мнѣ кажется, что онъ никогда не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ превосходства взрослаго человѣка, чтобы среди насъ почувствовать себя снова мальчикомъ. Въ его присутствіи мы поэтому не могли избавиться отъ чувства нѣкоторой связанности и даже тѣ нарочитыя рѣзкости въ тонѣ и выраженіяхъ, которыми онъ, желая снискать наше довѣріе, подчеркивалъ свое хорошее расположеніе, скорѣе запугивали насъ. Бывало такъ, что онъ еще сидитъ съ нами, но въ мысляхъ уже давно покинулъ насъ. Мы, дѣти, это прекрасно чувствовали, и въ такія

минуты онъ казался намъ безличнымъ, разсѣяннымъ и совершенно чуждымъ нашимъ дѣтскимъ сердцамъ.

Только сестрицѣ моей удалось сызмала завоевать теплый уголокъ въ его сердцѣ.

Кромѣ того, отъ отца исходилъ цѣлый рядъ непривычныхъ для насъ, мальчиковъ, принудительныхъ мѣръ. Такъ, когда мы входили въ его рабочій кабинетъ (чего онъ очень не любилъ) мы должны были держать руки на спинѣ, дабы не уронить что-нибудь съ его стола. Та почтительность и то военное послушаніе, которыя внушались намъ по отношенію къ отцу съ самыхъ раннихъ лѣтъ, точно такъ же усугубляли нашу неувѣренность и робость передъ нимъ. Даже я и мой братъ Фрицъ, которыхъ никогда не считали робкими, испытали это на себѣ; и лишь постепенно по мѣрѣ развитія я избавился отъ этого стѣснительнаго чувства.

Воспоминаніе о рабочемъ кабинетѣ отца воскрешаетъ въ моей памяти одинъ мелкій эпизодъ моего дѣтства, неизгладимый и незабвенный для меня уже по одному тому, что то былъ мой первый визитъ князю Бисмарку. Произошло это раннимъ утромъ. Собираясь ѣхать съ братомъ Эйтель-Фридрихомъ на занятія въ Бель-Вю, я слонялся нѣкоторое время безцѣльно по нижнимъ покоямъ дворца. При этомъ случайно забрелъ въ небольшую комнату, въ которой старый князь сидѣлъ надъ бумагами за письменнымъ столомъ. Къ моему ужасу онъ поднялъ на меня глаза. На основаніи моего прошлаго опыта, я долженъ былъ предполагать, что онъ меня сейчасъ же гнѣвно вышвырнетъ за дверь. И я уже началъ было удирать, какъ онъ неожиданно подозвалъ меня къ себѣ. Положивъ перо на столъ, онъ взялъ меня своей исполинской рукой за плечо и взглянулъ на меня въ упоръ своими большими проникающими въ душу глазами. Затѣмъ кивнулъ головой и сказалъ: «маленькій принцъ, Вы мнѣ нравитесь, сохраните навсегда Вашу свѣжесть и непосредственность — —».

Съ этими словами онъ меня поцѣловалъ, и я стрѣлой вылетѣлъ изъ комнаты. Послѣ этого происшествія я такъ возгордился, что въ теченіе нѣсколькихъ дней совершенно игнорировалъ своихъ братьевъ. Что за чудо — безъ позволенія я ворвался въ рабочій кабинетъ, и меня не выгнали и не побранили даже! А между тѣмъ это былъ рабочій кабинетъ стараго князя! . . .

Несомнѣнно и дальнѣйшее наше воспитаніе способствовало все большему и большему отдаленію отъ отца. Образованіе наше было вскорѣ цѣликомъ ввѣрено домашнимъ учителямъ и гувернерамъ, черезъ которыхъ мы и узнавали, доволенъ ли его величество нами или нѣтъ. Уже здѣсь въ раннемъ дѣтствѣ и въ предѣлахъ семьи мы испытали на себѣ «систему третьяго», — т. е. присущую отцу склонность, избѣгая личныхъ объясненій, принимать доклады черезъ посредниковъ и черезъ нихъ же передавать свои рѣшенія. Принципъ этотъ, весьма соблазнительный для столь занятого человѣка, какимъ несомнѣнно всегда былъ государь, съ годами пускалъ все болѣе и болѣе глубокіе корни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ роли посредника оказывались падкіе на власть, и столь-же угодливые сколь настойчивые политики и придворные, это приводило къ замалчиванію или одностороннему освѣщенію событій, что и послужило впослѣдствіи причиной многихъ бѣдствій.

Кабинетъ, въ особенности кабинетъ гражданскаго управленія, былъ въ сущности ни чѣмъ инымъ какъ личной канцеляріей, начальникъ же кабинета служилъ рупоромъ и посредникомъ всѣхъ мнѣній, высказывавшихся такъ или иначе по тѣмъ вопросамъ, которые относились къ его вѣдомству; а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ обратнымъ передатчикомъ всѣхъ высочайшихъ резолюцій. Въ идеѣ этотъ постъ предполагаетъ безусловную справедливость и объективность. Это сугубо важно, когда государь (чего не могли не знать его приближенные) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

легко поддается влiянiю и утратилъ благодаря пережитому имъ разочарованiю свою душевную твердость. Въ такихъ случаяхъ отвѣтственность лицъ, занимающихъ названный постъ и превышающихъ границу своихъ полномочiй, столь же велика, какъ ихъ власть. Если же сверхъ того они объединяются для закрѣпленiя своего положенiя и влiянiя, окружая государя плотной стѣной своихъ придворныхъ сподвижниковъ, то въ основу всѣхъ окончательныхъ рѣшенiй государя неизбѣжно ляжетъ совершенно искаженная картина дѣйствительности. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать истинныхъ виновниковъ всѣхъ его неправильныхъ рѣшенiй и резолюцiй.

Однако, кому теперь еще охота говорить о злѣ, которое долголѣтнiе начальники гражданскаго и морского кабинетовъ причинили нѣмецкому народу своими ежедневными докладами съ глазу на глазъ у государя. Изъ той сѣти политическихъ сужденiй и мнѣнiй, которой они прочно окутали кайзера, внушая ему свою точку зрѣнiя, онъ уже не могъ самъ высвободиться. Если же иногда и обрывалась какая-нибудь петля этой сѣти, если порой собственныя наблюденiя или же мужественное слово посторонняго человѣка и открывали государю глаза, то уже на другой день ежедневная ихъ служба давала имъ возможность исправить изъянъ и сгладить произведенное непрошеннымъ совѣтчикомъ впечатлѣнiе. Я знаю, что ни одно изъ этихъ лицъ не поступало такъ въ сознанiи всей пагубности своего влiянiя. Въ концѣ концовъ всякiй считаетъ свой политическiй рецептъ единственно правильнымъ и несущимъ успѣхъ. Возвращаясь опять отъ носителей принципа къ самому принципу, я увѣренно говорю, что начальникъ кабинета, который въ еще большей степени влiялъ бы на кайзера и подсказывалъ его рѣшенiя, могъ бы стать величайшимъ благомъ для насъ всѣхъ и для отечества, еслибы только это былъ твердый, сильный и увѣренный въ своихъ цѣляхъ человѣкъ. Такого

мужа, однако, судьба, къ сожалѣнію, не послала нашему государю. Свойственная кабинетской политикѣ и ея приверженцамъ тенденція представлять государю факты въ прикрашенномъ видѣ, преуменьшать грозно надвигающіяся опасности и усыплять возникавшія у него съ все большей и большей настойчивостью сомнѣнія и опасенія, — эта тенденція, говорю я, продолжавшаяся вплоть до наступленія катастрофы, — не послужила на благо народу и отечеству.

Однако, дѣятельность этихъ совѣтчиковъ короны оставалась всегда невидимой и неуловимой, и не разъ еще передъ государемъ встанетъ горестный вопросъ, была ли та рука, которая руководила имъ при ихъ выборѣ, въ особенности при выборѣ многолѣтнихъ начальниковъ морского и гражданскаго кабинетовъ, дѣйствительно счастливой. Только лучшіе умы и самыя мужественныя сердца изъ всѣхъ слоевъ германскаго народа могли бы быть вполнѣ достойными приближенными и сотрудниками.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ было то, что только канцлеръ пользовался правомъ личнаго доклада съ глазу на глазъ, на докладахъ же остальныхъ министровъ и т. д. присутствовалъ всегда начальникъ соотвѣтствующаго кабинета. На доклады по военнымъ и морскимъ вопросамъ являлся, кромѣ того, еще дежурный генералъ-адъютантъ фонъ Плессенъ. Благодаря этому кабинеты получали извѣстный перевѣсъ надъ министрами и другими отвѣтственными лицами.

Однако, я отклонился далеко въ сторону и возвращаюсь опять къ воспоминаніямъ моего юношества.

Остановился я на «системѣ посредника».

Когда мы поступили на военную службу, государь и съ нами, своими сыновьями, сталъ сноситься черезъ начальника военнаго кабинета или черезъ генерала фонъ Плессенъ, причемъ случалось, что иногда даже по самымъ невиннымъ дѣламъ чисто личнаго харак-

тера мы получали распоряженія изъ кабинета его величества.

Непосредственнаго дружескаго общенія между отцомъ и сыновьями почти не было. Было ясно, что государь избѣгалъ всякихъ личныхъ объясненій, въ которыхъ ему пришлось бы принять какое-нибудь рѣшеніе, — и здѣсь на сцену всегда являлось третье лицо. Изъ-за пустяковъ, съ которыми можно бы сразу покончить отеческимъ наставленіемъ, онъ доводилъ дѣло до оффиціальныхъ объясненій съ посредниками, — что часто при моемъ органическомъ отвращеніи ко всякаго рода формализму и помпѣ, приводило къ еще большему обостренію положенія. Возможно, конечно, что господъ, являвшихся ко мнѣ съ сознаніемъ исключительной важности своей миссіи, я не всегда встрѣчалъ съ той серьезностью и почтительностью, на которую они разсчитывали, и за это они платили мнѣ тѣмъ, что при случаѣ внушали его величеству сомнѣніе въ моей зрѣлости и умѣньѣ держаться съ должнымъ достоинствомъ. Несомнѣнно эти посредники не мало повинны въ томъ, что порою самыя незначительныя недоразумѣнія и конфликты обострялись или же подавали поводъ ко всякаго рода предубѣжденіямъ и ложнымъ толкованіямъ. Иногда мнѣ даже казалось, что мелкія интриги разростались въ настоящую травлю. Что бы я ни сказалъ и ни сдѣлалъ, все немедленно доносилось отцу; я же былъ тогда молодъ и безпеченъ и несомнѣнно часто говорилъ и поступалъ весьма необдуманно.

Поэтому, въ моменты наибольшей натянутости нашихъ отношеній, когда по требованію государя я долженъ былъ являться къ нему въ полной формѣ, и онъ меня съ глазу на глазъ основательно отчитывалъ, — я испытывалъ истинное облегченіе. Въ такихъ случаяхъ мы понимали другъ друга лучше всего; это была единственная возможность быть съ нимъ откровеннымъ.

Приведу довольно невинный случай въ поясненіе сказаннаго. Я всегда былъ восторженнымъ любителемъ всякаго рода спорта: парфорсной охоты, скачекъ, поло и т. п. Однако и здѣсь я встрѣчалъ съ его стороны ограниченія, опасенія и запреты. Поистинѣ я чувствовалъ себя часто браконьеромъ.

Такъ, въ виду опасности мнѣ было запрещено участіе въ парфорсной охотѣ и въ скачкахъ. Но именно потому я и любилъ эти виды спорта.

То было послѣ публичныхъ скачекъ Берлинско-Потсдамскаго общества верховой ѣзды, въ которыхъ я впервые принялъ участіе. Я надѣялся, что дѣло обойдется безъ скандала.

Однако, на другое же утро государь меня вызвалъ въ служебной формѣ въ Новый дворецъ.

Настроеніе грозное.

— Ты участвовалъ въ скачкахъ?

— Такъ точно.

— Ты знаешь, что тебѣ это запрещено?

— Такъ точно.

— Почему же ты нарушилъ запретъ?

— Да потому, что скачки — моя величайшая страсть. А кромѣ того, — я такъ считаю, — кронпринцъ долженъ былъ показать своимъ товарищамъ, что онъ не боится опасности и даетъ имъ хорошій примѣръ.

Мгновенье онъ молчитъ и размышляетъ. Затѣмъ снова обращается ко мнѣ:

— Что же, ты по крайней мѣрѣ выигралъ?

— Къ сожалѣнію, графъ Кенигсмаркъ опередилъ меня на голову.

Онъ сердито ударяетъ по столу.

— Досадно! — а теперь убирайся поскорѣй!

Этотъ разъ отецъ понялъ и меня и спортсмена во мнѣ. Съ годами ко мнѣ все чаще и чаще стали обращаться представители разныхъ круговъ общества съ просьбою либо заинтересовать императора тѣмъ вопросомъ, который они считали особенно важнымъ, либо же добиться благопріятнаго его рѣшенія, либо

же указать ему на тѣ или другіе недостатки управленія. На передачу всѣхъ этихъ ходатайствъ я принципіально соглашался только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ возможность, предварительно ознакомившись съ существомъ вопроса, убѣдиться въ ихъ правильности. Однако и за всѣмъ этимъ оставалось еще многое, о чемъ приходилось докладывать. Большею частью это были непріятныя вещи, о которыхъ онъ, по моему мнѣнію, долженъ былъ знать, но которыя безъ меня оставались бы ему неизвѣстными.

Самый тяжелый шагъ въ этомъ направленіи я предпринялъ въ началѣ 1907 г., когда я долженъ былъ ему открыть глаза на князя Филиппа Эйленбурга. Собственно говоря, это было прямой обязанностью отвѣтственныхъ министровъ довести до свѣдѣнія государя о скандальной исторіи, получавшей постепенно все болѣе и болѣе широкую огласку и представить ему весь относящійся сюда матеріалъ. Однако, они держали его въ полномъ, слѣпомъ невѣдѣніи. Тогда пришлось мнѣ рѣшиться на этотъ шагъ. — Никогда въ жизни не забуду растеряннаго полнаго отчаянія и ужаса взгляда моего отца, когда я въ саду мраморнаго дворца говорилъ ему о поведеніи его близкаго друга. Нравственная чистота императора была такъ велика, что онъ лишь съ трудомъ могъ представить себѣ возможность такого рода извращеній. Въ этомъ случаѣ онъ поблагодарилъ меня за мое вмѣшательство безъ всякихъ оговорокъ.

Въ противоположность дѣлу Эйленбурга, большинство вопросовъ, о которыхъ я либо по собственному побужденію, либо по почину другихъ, докладывалъ государю, относились къ внѣшней и внутренней политикѣ; или же они касались руководящихъ политической жизнью лицъ. Вѣрнѣе: то были лица вялыя и нерѣшительныя, но цѣпко державшіяся за мѣста, которыя должны были бы занимать люди съ яснымъ умомъ и сильною волей. Въ такихъ случаяхъ государь меня большею частью спокойно выслушивалъ и

принималъ иногда соотвѣтствующія мѣры. Но чаще всего послѣ моего ухода его переубѣждали другіе, приходившіе послѣ меня. При такихъ условіяхъ было неизбѣжно, что мои доклады и предложенія въ концѣ концовъ стали возбуждать неудовольствіе государя. Онъ много путешествовалъ, и я видѣлся съ нимъ сравнительно рѣдко. Вотъ почему при нашихъ встрѣчахъ приходилось разсматривать такое множество вопросовъ и сообщеній, что это стѣсняло и безпокоило государя. Я самъ сильно страдалъ отъ такого положенія вещей, однако не зналъ какъ найти выходъ къ лучшему. Какъ бы то ни было, я считалъ своей обязанностью открыто сообщать государю все, что онъ, по моему убѣжденію, долженъ былъ знать, но чего онъ обычно никогда не узнавалъ.

Однако, несмотря на такую напряженность отношеній и несмотря на то, что нѣкоторыя черты моего характера всегда раздражали отца — въ особенности мое нежеланіе приспособиться къ требованіямъ высокаго стиля, — онъ всетаки любилъ меня по своему и въ глубинѣ души даже гордился мною.

Конечно, въ обществѣ много сплетничали, перешептывались и даже писали о моихъ личныхъ отношеніяхъ съ державнымъ отцомъ. Если бы я обладалъ талантомъ придавать этому значеніе, я долженъ былъ бы очень скоро выиграть въ собственномъ мнѣніи. Постоянно повторялись разсказы о полномъ разладѣ между нами, о рѣзкихъ внушеніяхъ съ его стороны и о явномъ или скрытомъ фрондированіи съ моей. Все это, какъ я уже указывалъ и чего я отнюдь не намѣренъ замалчивать и затушевывать, иногда заключало въ себѣ зерно истины. Зерно, изъ-за котораго старыми бабами обоего пола каждый разъ подымалось отчаянное кудахтаніе. Итакъ, повторяю еще разъ: разногласія между нами дѣйствительно бывали уже давно, и случалось, что по этому поводу происходили объясненія. Однако, по существу эти конфликты, — поскольку они касались чисто лич-

ныхъ, а не политическихъ вопросовъ, — не имѣли больше значенія и глубины, чѣмъ тѣ, что во многихъ семьяхъ возникаютъ между отцомъ и сыномъ, какъ между представителями двухъ поколѣній и двухъ міровоззрѣній, — съ той лишь разницей, что повышенная воспріимчивость придворной жизни откликалась на каждое такое простое событіе необычайно сильнымъ эхо. Но самой сущности моихъ отношеній къ отцу всѣ эти слухи ничуть не затрагиваютъ.

Столь обычное явленіе, когда отецъ и сынъ рѣзко отличаются по характеру, темпераменту и душевному складу, какъ мнѣ кажется, имѣло мѣсто и здѣсь, по крайней мѣрѣ, поскольку я могу судить объ отцѣ и о себѣ самомъ. Въ исторіи нашего рода явленіе это повторялось съ равномѣрной правильностью.

Быть можетъ, насъ раздѣлялъ тотъ великій поворотъ нашего времени въ сторону болѣе свободнаго, не скованнаго традиціей міровоззрѣнія, которому я сочувствовалъ, а онъ относился враждебно. Какъ бы то ни было, чѣмъ болѣе я оріентировался въ жизни, тѣмъ болѣе нѣкоторые изъ его взглядовъ, мнѣній и поступковъ становились для меня чуждыми и непонятными. Прежде всего сюда относилось то, къ чему я, уже будучи мальчикомъ, становился во внутреннюю оппозицію, именно придворный этикетъ въ той формѣ, какъ онъ тогда соблюдался. Мнѣ было непріятно видѣть, какъ люди изъ-за предписанныхъ и отчасти совершенно устарѣвшиххъ нормъ утрачивали свою свободу и становились какъ бы исполнителями извѣстныхъ ролей. Мало того даже безспорно умные люди теряли, благодаря вліянію этой среды, свое собственное мнѣніе и спускались до уровня посредственности. Потому впослѣдствіи я и самъ по мѣрѣ возможности избѣгалъ всякой придворной помпы и декоративности, и въ моемъ собственномъ кругу, насколько это позволяли обстоятельства, устранилъ весь этотъ хламъ отжившихъ формъ. То, чего

я искалъ въ часы отдыха и досуга, были не чопорные придворные салоны и дипломатическіе гала-спектакли, а непринужденное общеніе въ тѣсномъ кругу съ самыми разнообразными людьми, театры, концерты, охота и спортъ.

Общеніе со сверстниками привлекало меня всегда гораздо больше, чѣмъ общество пожилыхъ людей. хотя я сознательно никогда не избѣгалъ послѣдняго. По своей природѣ я всегда стоялъ ближе къ дѣйствительности, чѣмъ мой отецъ, и гораздо больше общался съ людьми самыхъ разныхъ профессій, а главное выслушивалъ ихъ; поэтому у меня сложились свои собственныя убѣжденія, заставлявшія меня предостерегать отца и противорѣчить ему. Но я всегда видѣлъ въ кайзерѣ своего отца и державнаго государя, уважать и почитать котораго для меня было въ одинаковой мѣрѣ и влеченіемъ сердца и велѣніемъ долга.

Я снова перелисталъ эти страницы, на которыхъ я въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ заносилъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и о моихъ отношеніяхъ съ родителями. И мнѣ кажется, что я не вполнѣ отдаю должное отцу, повѣствуя лишь о его мелкихъ слабостяхъ, и что необходимо, для полноты картины подробнѣе остановиться на его характеристикѣ. Когда я подыскиваю понятіе, которое могло бы обозначить самое глубокое въ его существѣ, мнѣ каждый разъ навязывается слово, которое я съ трудомъ рѣшаюсь примѣнить къ человѣку нашего времени; такимъ оно кажется пустымъ и потертымъ, такъ часто и необдуманно оно, какъ мелкая монета, расточалось. Это слово — благородный. Кайзеръ благороденъ въ лучшемъ смыслѣ слова, онъ искренно стремится къ добру и къ Богу, и мысли его отличаются рѣдкой чистотой. Безусловная, а иногда быть можетъ даже без-

удержная правдивость, ласковая довѣрчивость и готовность признать эти же свойства въ другомъ — вотъ основныя черты его характера. Говорятъ Талейранъ гдѣ-то сказалъ: la parole a été donnée à l'homme pour déguiser sa pensée, — по отношенію къ отцу мнѣ всегда казалось, что рѣчь ему дана для того, чтобы ни малѣйшая складка его богатаго и кипучаго ума не оставалась скрытой отъ взоровъ партнера. Онъ всегда отдавалъ себя цѣликомъ, открыто и не высылая, такъ сказать, развѣдки, — щедро расточая свои неистощимыя духовныя сокровища, въ которыхъ сочетались богатыя знанія съ пышной фантазіей. Въ своихъ нравственно-религіозныхъ основахъ онъ былъ лишенъ всякой фальши; всякую скрытность, лживость и неискренность онъ призналъ бы презрѣнной и не совмѣстимой со своимъ достоинствомъ. Чтобы кайзеръ могъ когда-либо захотѣть достигнуть цѣли кривыми путями или черезъ сознательную ложь, я себѣ совершенно не могу представить.

Возможно конечно, что это свойственное всякому чистому человѣку стремленіе къ правдивости находило у кайзера мощную опору въ переоцѣнкѣ имъ непосредственнаго личнаго воздѣйствія, которое онъ оказывалъ на людей. Онъ увѣренъ, что въ личномъ общеніи побѣда ему обезпечена уже при первомъ натискѣ, и что онъ одинаково не нуждается ни въ мелочныхъ пріемахъ длительной осады, ни въ сложныхъ трюкахъ дипломатической софистики. Тысячу разъ мнѣ приходилось видѣть, что производимое его личностью впечатлѣніе дѣйствительно было очень сильно, и что даже люди съ самостоятельнымъ характеромъ легко подпадали его неотразимому вліянію. Быть можетъ только не надолго.

Однако, именно эти успѣхи, достигнутые имъ уже въ молодости, а въ еще большей мѣрѣ то удивленіе и та лесть, которыми его окружали угодливые друзья и придворные, препятствовали ему правильно оцѣнить цѣлесообразность такой безудержной откры-

тости въ сношеніяхъ съ людьми, и понять, что отдѣльная личность, — будь то даже самъ кайзеръ, — въ конечномъ счетѣ легковѣсна передъ лицомъ великихъ, захватывающихъ весь міръ теченій нашего времени.

Что онъ такъ долго не сознавалъ всей серьезности надвигавшейся опасности, объясняется повидимому именно тѣмъ неправильнымъ представленіемъ, которое онъ имѣлъ о своемъ личномъ вліяніи. Эту слабость искусно использовали его умные партнеры, играя на его довѣрчивости и внушая ему увѣренность въ прочности положенія. Потому то и случилось, что, когда необычайно высокое давленіе экономическихъ и политическихъ силъ уже толкало человѣчество на неизбѣжный путь войны, онъ все еще разсчитывалъ, что своимъ вліяніемъ въ Лондонѣ и въ Петербургѣ ему удастся остановить колесо исторіи.

Способность правильно, т. е. объективно и реально - политически оцѣнивать людей и обстоятельства имѣетъ для всякаго правителя и государственнаго дѣятеля громадное значеніе. Кайзеръ не обладалъ этой способностью въ полной мѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что нѣкоторые изъ отвѣтственныхъ министровъ и начальниковъ кабинетовъ были недостаточно настойчивы въ попыткахъ внести въ его взгляды и мнѣнія необходимыя поправки.

Въ основѣ своей души отецъ — человѣкъ исключительной сердечной доброты. Ему больше всего хочется доставлять радость и видѣть вокругъ себя довольство, но онъ это скрываетъ, дабы не показаться мягкимъ и неспособнымъ къ царственной сдержанности.

Въ своихъ мысляхъ и чувствахъ онъ вполнѣ идеалистъ и всецѣло довѣряетъ тому, кто вновь вступаетъ въ кругъ его сотрудниковъ. О настоящемъ и будущемъ онъ судилъ всегда лишь по тому, какъ оно отражалось въ мірѣ его собственныхъ идей. Этотъ

міръ тѣмъ болѣе утрачивалъ свою реальность, чѣмъ нещаднѣе судьба разбивала одну его часть за другой, чѣмъ ожесточеннѣе разгоралась скрытая и явная борьба за наше національное существованіе, какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и внѣ ея.

Особо почетное мѣсто занимаетъ въ его проникнутой рыцарскимъ духомъ этикѣ понятіе вѣрности. Онъ требуетъ ее безъ оговорокъ, и нѣтъ такого прегрѣшенія или упущенія, которое могло бы его больше потрясти, чѣмъ то, что онъ признаетъ вѣроломствомъ. Вотъ примѣръ: никогда онъ не простилъ князю Бюлову ноябрьскихъ дней 1908 года, когда канцлеръ не оказалъ ему той поддержки, на которую онъ именно тогда расчитывалъ. Тяжелые конфликты этихъ дней, бурныя засѣданія рейхстага и газетная травля, — все это, насколько я понимаю, означало для него нѣчто гораздо большее, чѣмъ ударъ, нанесенный его положенію и достоинству какъ государя. А между тѣмъ именно такъ представлялось дѣло всѣмъ постороннимъ. Тогда я могъ заглянуть въ сердце моего державнаго отца глубже чѣмъ кто либо другой, кромѣ развѣ моей дорогой матери, и я глубоко убѣжденъ, что его вѣра въ себя получила тогда подъ гнетомъ этихъ почти непонятныхъ и нестерпимыхъ для него впечатлѣній ударъ, отъ котораго она впослѣдствіи уже не могла вполнѣ оправиться. Та твердость и сила воли, которыми онъ обладалъ раньше, были въ эти дни сломлены, и я думаю, что первые зародыши тѣхъ колебаній и непослѣдовательностей, которыми отличается послѣднее десятилѣтіе его царствованія и въ особенности годы войны, коренятся именно въ событіяхъ того времени. Ибо съ тѣхъ поръ кайзеръ все болѣе предоставлялъ веденіе дѣлъ своимъ отвѣтственнымъ совѣтчикамъ въ кабинетахъ, самъ же соблюдалъ въ высказываніи своихъ мнѣній и сужденій величайшую сдержанность, доводя ее иногда до полной пассивности. Имъ овладѣлъ какой-то безотчетный страхъ

передъ новыми конфликтами и вытекающими отсюда отвѣтственными рѣшеніями. Тутъ-то и выдвинулись люди, болѣе угодливые и усердные, чѣмъ сильные характеромъ. Искусно воспользовавшись создавшимся положеніемъ, они втянули въ сферу вліянія своихъ узкихъ бюрократическихъ идей все то, что по смыслу прежней конституціи составляло прерогативу свободной монаршей воли.

Однако, я не хочу быть несправедливымъ и слишкомъ строгимъ въ оцѣнкѣ этихъ совѣтчиковъ его величества. Возможно даже, что въ тѣ мучительно-тревожные дни онъ былъ имъ благодаренъ за то, что они съ такимъ усердіемъ ломали себѣ изъ за него голову, — возможно также, что они, причиняя зло, сами серьезно вѣрили, что дѣлаютъ добро.

Какъ въ эти годы внутренней слабости и замкнутости, такъ и раньше, когда его вѣра въ себя не была еще сломлена, воля императора была всегда направлена на добро, и онъ считалъ самымъ высшимъ благомъ для имперіи — миръ. Ничто не должно было его нарушить, и онъ хотѣлъ его всѣми средствами обезпечить для отечества. Глубокій трагизмъ его жизни и жизненной работы заключается именно въ томъ, что все, что онъ предпринималъ ради этой цѣли, роковымъ образомъ давало противоположные результаты и привело въ конечномъ итогѣ къ тому положенію, при которомъ число нашихъ враговъ росло съ каждымъ днемъ.

Апрѣль 1919 г.

Недѣли прошли, а я все не возвращался къ этимъ страницамъ. Причиной тому были вѣсти съ родины, отъ которыхъ сердце разрывалось на части. Бѣдное отечество, внутри растерзанное, оно бьется въ отчаянной схваткѣ съ цѣлой сворой безжалостныхъ и жадныхъ «побѣдителей»! Мнѣ казалось, что передъ лицомъ необычайныхъ событій и проблемъ нашего времени, отдѣльный человѣкъ не вправѣ заниматься

такимъ исканіемъ, вспоминаніемъ и установленіемъ мелкихъ событій изъ собственной жизни. Итакъ, дѣйствительно должна была наступить весна, прежде чѣмъ я снова вернулся къ начатому дѣлу.

Весна съ ярко зелеными пастбищами, гдѣ около грязныхъ, почти задыхающихся въ своей зимней шубѣ овецъ-матокъ весело прыгаютъ маленькіе забавные барашки, и гдѣ воздухъ чистъ и прозраченъ, несмотря на никогда не затихающій вѣтеръ.

При такомъ освѣщеніи все принимаетъ лучшій, болѣе живописный видъ, да и у людей лица становятся ласковѣе и открытѣе. Вспоминая теперь первые мѣсяцы на этомъ островѣ, я вижу, что тогда, при всемъ желаніи «to make the best of it», нельзя было ничего сдѣлать. У всѣхъ сдержанность и недовѣріе — у рыбаковъ, крестьянъ и коммерсантовъ въ Остерландѣ, Гипполитусгофѣ и Ден-Оберѣ. Всѣ опасливо сторонились, завидя меня. «Кронпринцъ!» а это значило: «убійца Вердэна, насильникъ женщинъ»! Все, что Антанта при помощи своей лживой печати и черезъ своихъ агентовъ вбила въ головы этимъ добрымъ людямъ, — прочно засѣло въ ихъ памяти. И притомъ ни малѣйшей возможности объясниться съ ними обо всѣхъ этихъ нелѣпыхъ выдумкахъ.

А квартира была такая, которую съ трудомъ только можно было отопить и освѣтить, ибо желѣзныя печи отказывались грѣть, а наша пресловутая лампа коптитъ и можетъ горѣть только тогда, когда есть вдоволь керосину. Приходилось поэтому, какъ только наступала темнота, залѣзать въ постель, лежать тамъ безъ сна и мучиться все тѣмъ же, доходя почти до сумасшествія въ неустанныхъ поискахъ отвѣта: Какъ это случилось? Въ чемъ вина? И какъ этого можно было избѣгнуть?

Нѣтъ, теперь жизнь стала болѣе сносной и терпимой.

Теперь жители острова уже знаютъ, что у меня нѣтъ ничего общаго съ распространенной обо

мнѣ клеветой, недовѣріе ихъ исчезло, и естественная простота ихъ характера снова выступила наружу. Всѣ кланяются привѣтливо, а большинство протягиваетъ мнѣ руку. Бываетъ даже, что меня приглашаютъ, а тогда я сижу въ маленькой чистой комнатушкѣ за чашкою какао и пробую свое знаніе голландскаго языка.

Особенно много сдѣлалъ для облегченія моей судьбы — бургомистръ Пееребоомъ. Онъ первый, пренебрегшій ходячими предразсудками, увидѣлъ во мнѣ человѣка и пришелъ ему на помощь. Онъ и его семья. Ему и его сердечной и энергичной женѣ я обязанъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ улучшеній въ моемъ скромномъ хозяйствѣ, въ пасторатѣ и многими цѣнными указаніями, научившими меня понимать новыхъ людей и новую среду. Непосредственную помощь мнѣ оказали также нѣсколько нѣмцевъ: превосходный и ловкій въ обхожденіи графъ Бассенгеймъ, знавшій Голландію не хуже своей прекрасной Баваріи, всегда преданный, умный и трогательный въ своей заботливости баронъ Гюнефельдъ, бывшій раньше вице-консуломъ въ Маастрихтѣ. Затѣмъ нѣсколько нѣмецкихъ коммерсантовъ, вѣрные и готовые къ жертвамъ люди, которымъ я обязанъ благодарностью на всю жизнь. Итакъ, неизмѣнной остается лишь забота о родинѣ и тоска по ней и по тѣмъ людямъ, съ которыми я связанъ.

Не объ этомъ, однако, — о той другой жизни, которая въ уединеніи острова кажется мнѣ иногда такой далекой, какъ будто долгіе годы меня отъ нея отдѣляютъ, — вотъ о чемъ я поведу рѣчь.

Какъ наслѣдника престола, меня воспитывали въ духѣ тѣхъ особыхъ воззрѣній, которыя по традиціи считались обязательными для прусскаго принца. Сомнѣній въ ихъ годности или правильности ни у

кого въ семьѣ не возникало, ибо всѣ въ молодости пошли по той же самой дорогѣ. — Я отнюдь не отрицаю цѣнности именно старо-прусскихъ традицій, но я думаю, что обычное, скованное узкими рамками, воспитаніе принца, въ которомъ строгость придворнаго этикета вмѣстѣ съ опасливою заботливостью родительскаго дома совершенно связываютъ воспитателя, учителя и совѣтчика, скорѣе пригодно создать человѣка, неоригинальнаго, способнаго развѣ только на успѣшное выполненіе чисто представительныхъ функцій, чѣмъ образовать современную личность, прочно укорененную въ реальной жизни нашей эпохи. Поддайся я этой системѣ воспитанія, и она неизбѣжно завела бы меня со временемъ на совершенно замкнутую, одинокую и отчужденную отъ міра позицію. Самое худшее при этомъ я вижу не въ той китайской стѣнѣ, которая окружаетъ воспитанника, а въ вызываемой такимъ методомъ воспитанія неспособности эту стѣну замѣчать. Такъ создается иллюзія свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полная ограниченность умственнаго кругозора.

Уже рано — сначала инстинктивно, слѣдуя природнымъ наклонностямъ, — а затѣмъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, вполнѣ сознательно и обдуманно, я сопротивлялся всѣмъ попыткамъ низвести все, что было во мнѣ самобытнаго, къ общему уровню «нормальнаго» прусскаго принца. Здѣсь столкнулись двѣ діаметрально противоположныя другъ другу точки зрѣнія. Съ одной стороны — традиціонная, особенно выдвинутая въ царствованіе моего отца идея о «возвышенномъ» (Erhabenheit) положеніи государя, который долженъ — какъ это выражено въ самомъ словѣ — будь онъ княземъ, королемъ или кайзеромъ, стоять неизмѣримо выше своихъ подданныхъ. — А съ другой стороны — мое убѣжденіе, въ томъ, что правителю надлежитъ знать жизнь изъ собственнаго опыта, ту настоящую жизнь, которою живетъ во всѣхъ своихъ слояхъ народъ. Долженъ только доба-

вить, что мои попытки, остаться вѣрнымъ этой идеѣ и въ своихъ поступкахъ, были причиной многихъ непріятностей и столкновеній.

Наше воспитаніе и общій укладъ нашей жизни въ родительскомъ домѣ были самые простые. Насъ отнюдь не баловали и менѣе всего это дѣлали наши военные воспитатели. — Первымъ изъ нихъ — мнѣ было тогда семь лѣтъ — былъ впослѣдствіи извѣстный генералъ фонъ Фалькенгайнъ. О немъ я вспоминаю съ чувствомъ особо глубокаго уваженія и благодарности. Онъ меня не изнѣживалъ, ничего мнѣ не прощалъ и внушилъ мнѣ уже въ эти ранніе годы, что мужчина не долженъ знать словъ: опасность и страхъ. Стойкую бодрость убѣжденнаго солдата въ лучшемъ смыслѣ слова передалъ онъ мальчику. Съ ранняго дѣтства я былъ страстнымъ любителемъ лошадей и верховой ѣзды. На нашихъ прогулкахъ верхомъ по дивнымъ оркестностямъ Потсдама генералъ фонъ Фалькенгайнъ устраивалъ всегда такъ, что намъ приходилось на пути преодолѣвать препятствія. Плетни, заборы, ограды, канавы и ямы заставлялъ онъ насъ брать безъ оглядки. «Возьмите препятствіе сначала сердцемъ», — говаривалъ онъ при этомъ, «все остальное потомъ ужъ приложится». Слово это я проношу черезъ жизнь, и каждый разъ, когда переживаю что-нибудь тяжелое, да и теперь, въ эти сѣрые часы гнетущаго одиночества и отчаянія, я вижу его передъ собой и оно снова вселяетъ мнѣ бодрость своей простой солдатской мудростью.

Еще мальчикомъ я долженъ былъ упражняться въ роли вѣстового и развѣдчика. Точно также меня обучали чтенію картъ. Нашему тѣлесному развитію служили гимнастика, маршировка и плаваніе.

Къ моимъ отроческимъ годамъ относится одно событіе, глубоко запавшее въ мою юную душу; я долженъ былъ представиться князю Бисмарку, — на этотъ разъ оффиціально, по-настоящему — не такъ,

какъ въ то памятное утро, когда я ворвался въ его рабочій кабинетъ.

Отъ отца я получилъ приказаніе надѣть форму и встрѣтиться съ нимъ въ Фридрихсруэ — тамъ мы собирались отпраздновать исполнившееся восьмидесятилѣтіе стараго канцлера. Надѣть форму — было для меня въ ту пору всегда величайшимъ счастьемъ; теперь же оно было сугубо великимъ, вѣдь мнѣ предстояла встрѣча съ тѣмъ человѣкомъ, котораго я своимъ здоровымъ инстинктомъ чтилъ, какъ героя древне-германской саги! Въ ночь передъ поѣздкой я не сомкнулъ глазъ!

Бисмаркъ сильно страдалъ тогда подагрой и встрѣтилъ насъ, опираясь на палку, въ замкѣ.

За завтракомъ онъ поразилъ меня своей свѣжестью и живостью. Однако, кромѣ этого общаго впечатлѣнія, у меня ничего не сохранилось въ памяти; помѣшало тому возбужденіе, овладѣвшее мною по случаю моего перваго «оффиціальнаго» выхода. Кромѣ того, — я долженъ въ этомъ признаться — меня не мало смущалъ тогда большой догъ князя, неожиданно изъ подъ стола положившій мнѣ на колѣни свою холодную влажную морду и недвусмысленно ворчавшій каждый разъ, когда я пытался незамѣтно отъ него избавиться.

Послѣ завтрака отецъ мой сѣлъ на коня и присоединился къ полку Гальберштадскихъ кирасировъ, шефомъ котораго былъ назначенъ канцлеръ. — Полкъ этотъ, выстроенный на полянѣ недалеко отъ замка, ожидалъ во главѣ съ Его Величествомъ прибытія стараго князя. Я удостоился чести ѣхать съ нимъ въ коляскѣ. По дорогѣ князь съ подлинно отеческой ласковостью показывалъ мнѣ красоты парка въ Фридрихсруэ.

Мой отецъ сказалъ очень красивую рѣчь и вручилъ князю саблю великолѣпной работы. Князь отвѣтилъ немногими, но сильными словами.

Потомъ мы поѣхали домой. Я замѣтилъ, что старый канцлеръ очень усталъ; долгое стояніе, повиди-

мому, черезчуръ его утомилю. Онъ дышалъ тяжело и порывисто и пытался разстегнуть стѣснявшій его воротникъ формы, но безуспѣшно. Тогда я, самъ пугаясь своей смѣлости, быстро наклонился и помогъ ему. Онъ привѣтливо кивнулъ головой и съ благодарностью пожалъ мнѣ руку.

Мы уѣхали въ тотъ-же день послѣ обѣда.

Въ этотъ чудный день, который мнѣ особенно дорогъ среди моихъ воспоминаній дѣтства, я въ послѣдній разъ видѣлъ величайшаго нѣмца 19-го вѣка.

Наше научное образованіе мы получали въ началѣ черезъ домашнихъ учителей. Я считаю это принципіально неправильнымъ, такъ какъ домашнее обученіе совершенно устраняетъ благотворное вліяніе товарищескаго соревнованія. Когда я впослѣдствіи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ апрѣлѣ 1896 г. поступилъ въ кадетскій корпусъ въ Плёнѣ (Plön), въ моихъ познаніяхъ обнаружились крупные пробѣлы, которые пришлось заполнить занятіями въ сверхурочные часы.

Въ этотъ Плёнскій періодъ моимъ гувернеромъ и гувернеромъ моего брата Эйтель-Фридриха былъ генералъ фонъ Линкеръ, типъ благороднаго прусскаго офицера старой школы. Его исключительно серьезной натурѣ было порою нелегко входить въ душевный міръ незрѣлыхъ мальчугановъ и находить тамъ естественную опору для воспитательнаго воздѣйствія. Вѣдь мы были тогда еще настоящими дѣтьми! Онъ не признавалъ ничего, кромѣ службы и долга, школы и работы, — и снова службы и работы. Когда я нѣсколько подросъ, между нами часто происходили столкновенія. Въ молодости я, конечно, не былъ образцовымъ юношей, чье мѣсто въ витринѣ мужского пансіоната, — но я никакъ не могу повѣрить, чтобы во мнѣ было такое множество недостатковъ, какое ежедневно во мнѣ находилъ генералъ фонъ Линкеръ. Кромѣ того, меня часто оскорбляла его

чопорная и крутая манера обращенія, хотя съ его стороны тутъ не было никакого умысла.

Именно генераломъ фонъ Линкеромъ пользовался впослѣдствіи кайзеръ въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ посредника, для улаженія возникавшихъ между нами недоразумѣній и конфликтовъ. Я конечно признаю съ благодарностью, что генералъ фонъ Линкеръ никогда не злоупотреблялъ этой навязанной ему ролью для обостренія треній — это противорѣчило его прямому и благородному характеру; но я не могу скрыть, что иногда его порою рѣзкія выступленія безъ всякаго повода съ моей стороны не только не смягчали разлада, а углубляли его.

Супругу генерала мы, кадеты Плёнскаго корпуса, очень любили.

Въ Плёнѣ тогда устроили для моего брата Эйтель-Фридриха и для меня особыя школы принцевъ. Каждый изъ насъ получилъ трехъ товарищей. Общеніе съ остальными кадетами намъ не было запрещено, но — все изъ-за того же упомянутаго выше воспитательнаго принципа, — на это смотрѣли косо. Правда, мы не особенно считались съ такой изоляціей и съ первыхъ же дней пользовались каждымъ случаемъ, чтобы вступать и со всѣми остальными кадетами въ самыя тѣсныя товарищескія и дружескія отношенія. Футбольные матчи, лодочныя гонки, битвы снѣжками, все это — дорогія мнѣ воспоминанія дѣтства. Многіе изъ тогдашнихъ моихъ товарищей по корпусу, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ общественнымъ кругамъ, сдѣлались моими добрыми друзьями, съ которыми меня и въ дальнѣйшей жизни связывали и до сихъ поръ связываютъ самыя крѣпкія узы. Во время войны я часто встрѣчалъ гдѣ-нибудь далеко во Франціи того или другого изъ моихъ корпусныхъ товарищей и тогда, несмотря на страшную серьезность момента, на короткое мгновеніе передъ нами вставало, какъ мимолетная улыбка, воспоминаніе о тѣхъ далекихъ, безпечныхъ годахъ юности.

По моему особому желанію мнѣ разрѣшили въ Плёнѣ поступить въ ученіе къ токарю. Въ домѣ Гогенцоллерновъ принято, чтобы каждый принцъ учился какому-нибудь ремеслу. Въ общемъ, не слѣдуетъ, конечно, относиться къ этому ученичеству слишкомъ трагически. По историческому происхожденію — это прежде всего красивый жестъ, символъ. Я не знаю, могло ли бы пріобрѣтенное въ Плёнѣ знаніе токарнаго искусства оказать мнѣ практическую помощь въ жизни, хотя я и впослѣдствіи занимался имъ съ охотой. Но я знаю лишь одно: мастеръ и ученикъ отнеслись къ дѣлу честно и добросовѣстно. Мой добрый хозяинъ заставлялъ меня серьезно работать, и я дѣлалъ эту работу съ искреннимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что вся окружающая обстановка — и скромное, опрятное хозяйство, и самый укладъ жизни нѣмецкаго ремесленника — мнѣ чрезвычайно нравилась.

Здѣсь на островѣ потребность физической работы, вновь пробудившаяся у меня въ послѣднія недѣли весны, привела меня въ кузницу Яна Луйта. Когда я работаю подъ его руководствомъ, а сынишка его раздуваетъ мѣхи, и желѣзо подъ моими ударами брызжетъ искрами, я часто вспоминаю мое ученіе въ токарной мастерской въ Плёнѣ.

Къ нашимъ знакомствамъ въ Плёнѣ принадлежали, кромѣ товарищей по корпусу, семьи учителей и нѣкоторые ученики мѣстной гимназіи, съ которыми мы поддерживали дружескія отношенія. Кромѣ того, у меня было нѣсколько «друзей» среди мѣстныхъ крестьянъ. Бывая у нихъ, я часто самъ брался за плугъ. Какъ я гордился, когда мнѣ удавалось провести ровную и прямую борозду!

Попутно я долженъ упомянуть еще объ одномъ событіи дѣтства, хотя оно и относится къ 1887 г., т. е. къ болѣе раннему времени. Это — первое морское путешествіе, особенно сильно занимавшее тогда мое дѣтское воображеніе.

Королева Викторія праздновала пятидесятилѣтіе своего царствованія, мои родители поѣхали въ Англію на торжества и взяли меня съ собой.

Старую Королеву я увидѣлъ впервые на большомъ празднествѣ въ Сенъ-Джемсскомъ паркѣ, сидящей въ креслѣ на колесикахъ передъ великолѣпной, богато убранной палаткой.

Она была со мной очень ласкова, долго гладила меня по головѣ своими прекрасными, слегка дрожащими старушечьими руками и поцѣловала меня. Къ сожалѣнію я совершенно не могу припомнить того, что она мнѣ говорила. Помню только, мое воображеніе занимала не усталая старушка, а два исполинскихъ индуса, стоявшихъ на караулѣ передъ ея палаткой.

Огромная толпа, наводнившая Сенъ-Джемсскій паркъ, толпа, въ которой были представлены почти всѣ народности земного шара, произвела тогда на меня глубокое впечатлѣніе. Правда, по молодости своей я не могъ еще понять великой символики этого зрѣлища, символики мірового могущества Англіи; я лишь благоговѣйно впитывалъ въ себя подавляющее богатство нахлынувшихъ на меня впечатлѣній. Но и этого было достаточно, чтобы предохранить меня на всю жизнь отъ неправильной оцѣнки Англіи.

Періодъ до начала 19-го столѣтія обнимаетъ мое дѣтство и отрочество. Послѣдующіе годы — были для меня годами ученія. Послѣ сдачи экзамена на аттестатъ зрѣлости я былъ 6 мая 1900 г. объявленъ совершеннолѣтнимъ и зачисленъ отцомъ въ первый гвардейскій пѣхотный полкъ, въ которомъ по традиціи каждый прусскій принцъ начиналъ свою военную службу. Это былъ хорошій обычай, ибо полкъ выдѣлялся своей образцовой службой, и юныхъ принцевъ подвергали здѣсь основательной муштровкѣ. Впослѣдствіи меня причислили въ чинѣ лейтенанта ко второй ротѣ, которой когда-то командовалъ отецъ. Я говорилъ себѣ: «здѣсь ты дѣлаешь первые шаги по тому пути, который черезъ годы ученія долженъ

тебя привести къ великимъ жизненнымъ задачамъ».

Исполненный юношеской вѣры въ свою жизнь и свою будущность, я горѣлъ святымъ желаніемъ честно и добросовѣстно исполнить свой долгъ. Никогда не забуду того великаго момента, когда я въ старой дворцовой капеллѣ въ Берлинѣ присягалъ моему державному отцу и верховному вождю.

Казармы перваго гвардейскаго пѣхотнаго полка, полковой домъ и офицерское казино стали теперь моей новой родиной, а военная служба — моей новой школой. Мой ближайшій начальникъ, командиръ моей роты графъ Ранцау былъ типомъ стараго опытнаго и добросовѣстнаго прусскаго фронтовика. Отличаясь исключительной пунктуальностью, совершенно не щадя себя и цѣликомъ отдаваясь службѣ, онъ предъявлялъ къ офицерамъ и солдатамъ самыя строгія требованія. Точность въ мельчайшихъ подробностяхъ и строгость ко всякому попустительству сочетались въ немъ съ чувствомъ справедливости и сердечной теплотой. За развитіемъ каждаго изъ своихъ подчиненныхъ онъ слѣдилъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Рота его глубоко уважала. Теперь этотъ превосходный человѣкъ покоится передъ Реймсомъ во французской землѣ.

Общей любовью и уваженіемъ пользовался также мой первый полковой командиръ полковникъ фонъ Плеттенбергъ. Это былъ идеальный начальникъ, не дававшій спуску, но всегда справедливый. Съ любовью вспоминаю я тоже моего стараго батальоннаго командира, маіора фонъ Плюскова. Это былъ великанъ среди и безъ того рослыхъ офицеровъ полка; онъ славился какъ фронтовикъ, и его любили, несмотря на его строгость, какъ неизмѣнно добраго начальника.

То, чему я тогда научился въ первомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку, послужило базой для всей моей военной карьеры. Здѣсь я вполнѣ оцѣнилъ великое значеніе вѣрности въ маломъ, желѣзной

дисциплины, лишь по недоразумѣнію опороченной прусской муштровки и понялъ, что только этими средствами удается связать множество головъ и силъ въ одно мощное цѣлое. Воспитанная на этихъ началахъ армія одержала великія, незабвенныя побѣды 1914 г. Въ долгіе годы войны пришлось, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе отклоняться отъ этой испытанной старо-прусской системы обученія, что отразилось крайне пагубно на арміи и ея боеспособности.

Въ общемъ моя офицерская жизнь была удивительно хороша. Я былъ молодъ и здоровъ, съ увлеченіемъ служилъ, и вся жизнь казалась мнѣ залитой солнцемъ. Въ дружескомъ кругу дорогихъ мнѣ сверстниковъ я пользовался благами товарищества, этого главнаго источника силы прусскаго офицерства. Увы, сейчасъ зеленый дернъ на равнинахъ Франціи или Россіи покрываетъ прахъ большинства этихъ мужественныхъ и вѣрныхъ людей, бывшихъ тогда столь же молодыми и веселыми и столь же вѣрившими въ жизнь, какъ я. Вокругъ меня стало пусто.

Три милыхъ друга были мнѣ тогда и позже въ теченіе многихъ лѣтъ особенно близки: то были лейтенанты графъ Финкенштейнъ, фонъ Ведель и фонъ Митцлаффъ. Они дѣлили со мной радости и горести, пока судьба не разлучила насъ навсегда. Финкенштейнъ и Ведель пали въ рядахъ нашего стараго прекраснаго полка, — дорогой мнѣ Ведель у Колонфей (Colonfey), а храбрый Финкенштейнъ во главѣ своей роты у Бапома. Митцлаффъ былъ въ годы войны нѣкоторое время адъютантомъ въ моемъ штабѣ, принялъ затѣмъ эскадронъ на востокѣ и вернулся наконецъ батальоннымъ командиромъ на западный фронтъ. Печальной дымкой подернуто воспоминаніе о моей послѣдней встрѣчѣ съ этимъ вѣрнымъ товарищемъ. То было лѣтомъ 1918 г., незадолго до послѣдняго большого наступленія подъ Реймсомъ. Будучи въ штабѣ моей храброй седьмой запасной дивизіи, я случайно узналъ, что мой другъ Митцлаффъ стоитъ со

своимъ батальономъ вблизи. Я сейчасъ-же отправился къ нему и нашелъ его въ небольшой полуразрушенной снарядами избушкѣ. Сидя на сломанной походной кровати за бутылкой вина, добытой имъ откуда-то въ честь моего прiѣзда, мы долго бесѣдовали съ нимъ, вспоминая прошлое и обсуждая будущее. Мы оба знали, какъ серьезно положенiе и какъ наши войска переутомлены. Однако Митцлаффъ не унывалъ. Потомъ долгое пожатiе рукъ, и я вернулся въ свою штабквартиру, а онъ двинулся со своими солдатами на передовыя позицiи. Три недѣли спустя я стоялъ у его свѣжей могилы.

Нѣсколько дней послѣ нашей встрѣчи онъ палъ героемъ, ведя свой батальонъ въ атаку на непрiятельскiя позицiи. Онъ былъ послѣднимъ изъ моихъ трехъ друзей.

Цѣлый годъ я оставался въ первомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку. Распредѣленiе занятiй каждаго дня регулировалось расписанiемъ, которое наканунѣ вечеромъ вывѣшивалось около моей кровати. Для сна въ эту зиму оставалось немного времени, такъ какъ положенiе мое заставляло меня бывать на придворныхъ торжествахъ и на многочисленныхъ частныхъ вечеринкахъ. Часто я ложился только въ два часа ночи, а въ семь часовъ утра я уже былъ въ казармѣ, гдѣ занятiя продолжались до 12, а потомъ отъ 2 до 5 ч. Иногда мнѣ приходилось еще вечеромъ послѣ ужина ходить на дежурства для надзора за чисткой и починкой оружiя и остальной аммуницiи. Именно эти дежурства были мнѣ особенно дороги. Когда мои гренадеры при свѣтѣ лампы сидѣли за своей работой, это былъ самый удобный случай сближенiя. Въ это время можно было поговорить съ ними какъ съ людьми объ ихъ мелкихъ личныхъ радостяхъ, заботахъ и желанiяхъ. Въ такiе вечера они мнѣ разсказывали о своихъ домашнихъ дѣлахъ, и глаза ихъ разгорались; а порою затягивали хоромъ солдатскую или народную пѣсню. — Если бы тѣ

умные господа, которые теперь столько кричатъ о деспотизмѣ и живодерствѣ стараго милитаризма, были свидѣтелями этихъ вечеровъ, — они пріобрѣли бы болѣе серьезное знаніе дѣла.

И въ мою бытность офицеромъ и въ болѣе поздніе годы, я посвящалъ, насколько могъ, весь своей досугъ спорту. Не только потому, что это соотвѣтствовало моимъ наклонностямъ, но и потому, что я считалъ культивированіе спорта для себя, какъ для будущаго главы государства, особенно важнымъ.

Общеніе на почвѣ спорта болѣе, чѣмъ какая-либо другая форма общенія, пригодно для устраненія раздѣляющихъ людей внѣшнихъ и внутреннихъ границъ; ибо здѣсь исключительно рѣшаетъ достигнутый фактически и явный всегда результатъ. Кто его достигаетъ — юнкеръ ли, коммерсантъ или рабочій, христіанинъ ли, еврей или магометанинъ — это безразлично. Поэтому я часто посѣщалъ велосипедныя гонки, футбольные матчи, и другіе спортивныя празднества и поощрялъ ихъ, когда представлялся случай, назначеніемъ призовъ. Правда, и это было мнѣ поставлено въ минусъ: настоящій-де кронпринцъ долженъ былъ бы, сохраняя свое достоинство, держаться въ сторонѣ отъ такихъ шумныхъ затѣй. Пусть будетъ такъ: я и не хотѣлъ быть идеаломъ кронпринца предуказаннаго типа, и это дало мнѣ возможность, благодаря спорту, ознакомиться съ жизнью, потребностями и желаніями многихъ слоевъ народа, съ которыми мнѣ иначе, по моему воспитанію, едва ли бы пришлось соприкоснуться.

Но прежде всего я былъ въ то время и тѣломъ и душой солдатъ, и я не преувеличиваю, утверждая, что я наканунѣ радовался службѣ слѣдующаго дня.

Обученіе солдатъ и общеніе съ ними, строгая старопрусская выправка, полезныя для здоровья тѣлесныя упражненія въ любую погоду, гордость своей полковой формой, — все это было мнѣ дорого въ моей службѣ.

Какъ и любое жизненное дѣло, такъ и солдатскую службу слѣдуетъ нести всей душой, съ истинной любовью и самоотверженіемъ; какъ начальникъ, такъ и подчиненные должны быть проникнуты этимъ духомъ.

Служба краткосрочная, но требующая крайняго напряженія силъ, — подобранность и дисциплина, — чистота и пунктуальность, кара за небрежность, за пассивное сопротивленіе. И ко всему тому — сердечное отношеніе къ самому послѣднему и неспособному новобранцу. Веселый духъ въ казармѣ, возможно больше отпусковъ, исключительныя награды за исключительныя достиженія, — словомъ: вносить солнечный свѣтъ въ солдатскую службу! Вотъ тѣ начала, которыми я руководствовался.

Май 1919 г.

Два печальныхъ праздника отпраздновалъ я въ эти майскіе дни. Шестого мнѣ исполнилось тридцать семь лѣтъ. Изъ дорогихъ мнѣ писемъ моихъ близкихъ и по многочисленнымъ знакамъ вниманія, дошедшимъ до меня со всѣхъ концовъ родины, — я узналъ, что есть еще люди, мнѣ преданные, не отвернувшіеся отъ меня, не соблазненные неистовой клеветой и травлей. Такъ-же населеніе Голландіи и острова оказало мнѣ много трогательнаго сочувствія и расположенія: маленькія подношенія, которыми заботливо скрашивалось мое скудное хозяйство, и цвѣты — такъ много цвѣтовъ, что тѣсныя комнатки пастората съ трудомъ вмѣстили ихъ.

Къ концу мѣсяца, по соглашенію съ голландскимъ правительствомъ, я могъ на одинъ день оставить островъ и, послѣ невыразимо тяжелаго одиночества послѣдняго полу-года, отпраздновать въ имѣніи барона Врангеля у Омерфорта свиданіе съ матерью. — Отпраздновать-ли? Не знаю, умѣстно ли это слово для изображенія тѣхъ часовъ, которые мы провели,

гуляя по цвѣтущему розами саду, — одни, — рука объ руку, и я, какъ прежде, могъ чистосердечно высказать ей все, что меня угнетало. Ибо къ ней, чуткой и въ скромности своей проницательной и умной женщинѣ, я и раньше всегда прибѣгалъ, когда мой смятенный духъ нуждался въ мудромъ и цѣлительномъ материнскомъ водительствѣ. Такъ было во времена дѣтства и отрочества, такъ было, когда я носилъ уже форму лейтенанта и позже — на трудномъ и отвѣтственномъ посту; такъ осталось и донынѣ, въ эти краткіе часы, когда мы, послѣ перваго волненія свиданія, снова обрѣли внутреннее равновѣсіе. Никогда раньше я не ощущалъ такъ глубоко ея душу и кровь въ моей крови и моей душѣ.

Ко времени моей первой службы въ первомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку — а именно къ началу 1901 года, относится печальное семейное событіе, приведшее меня снова въ Лондонъ: смерть моей прабабушки, королевы Англіи Викторіи. Послѣ той встрѣчи съ ней въ Сентъ-Джемсскомъ паркѣ, когда моимъ дѣтскимъ воображеніемъ завладѣли окружавшія ее экзотическія фигуры, — настолько, что отъ нея самой я сохранилъ лишь внѣшнее впечатлѣніе, — я видѣлся съ ней еще дважды. И каждый разъ ея образъ глубже запечатлѣвался во мнѣ. Я постигалъ волевую и всегда твердо идущую къ цѣли дѣятельность этой значительной женщины. Зимой 1901 г. я долженъ былъ оказать ей послѣднія почести. Королева скончалась въ прекрасномъ замкѣ Осборнъ на островѣ Уайтѣ. Гробъ поставили въ небольшомъ покоѣ замка, превращенномъ въ часовню. Англійскій военный флагъ покрывалъ гробъ, и шестеро самыхъ рослыхъ гвардейскихъ офицеровъ — гренадеровъ — несли при немъ почетный караулъ.

Въ своей великолѣпной формѣ, въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, со скорбно склоненными головами, со скрещенными на эфесахъ шпагъ руками, — они недвижно, подобно бронзовымъ рыцарямъ, охра-

няли послѣдній сонъ своей королевы. Усопшая королева была перевезена въ Лондонъ на броненосцѣ «Викторія и Альбертъ». Въ продолженіе всего переѣзда, длившагося добрыхъ три часа, мы ѣхали между двойной шпалерой судовъ всего англійскаго флота, привѣтствовавшаго королеву изъ своихъ орудій въ послѣдній разъ. Траурное шествіе по Лондону было грандіознымъ. Потрясающая сцена разыгралась въ Виндзорѣ, по пути къ мавзолею Фрогморъ-Лоджа.

Былъ морозный зимній день. Поѣздъ съ останками королевы опоздалъ на нѣсколько часовъ. Когда процессія двинулась съ вокзала, артиллерійскія лошади, впряженныя въ траурную колесницу, неожиданно заартачились. Одна изъ нихъ запуталась въ постромкахъ: гробъ закачался и грозилъ упасть. Тогда принцъ Людовикъ Баттенбергскій, командовавшій флотскимъ дивизіономъ, выстроеннымъ шпалерой вдоль процессіи, отдалъ краткій приказъ: — мгновенно лошади были выпряжены, и триста англійскихъ матросовъ впряглись въ колесницу. Мѣрнымъ, еле слышнымъ шагомъ довезли они свою королеву къ мѣсту ея упокоенія.

Весною 1901 года кончился срокъ моей службы въ чинѣ лейтенанта. Для завершенія научнаго образованія я поступилъ, по примѣру отца, въ Боннскій университетъ. Четыре семестра въ старой Alma mater были для меня двумя чудными годами, полными серьезной работы и студенческаго веселья, среди рейнской красоты и жизнерадостности. По традиціи я вошелъ въ корпорацію «Боруссія». Но я не превращался въ настоящаго боннскаго пруссака, т. к. у меня, вопреки строгимъ обычаямъ этой корпораціи, были друзья и въ другихъ корпораціяхъ боннскаго студенчества. Я чисто по спортсмэнски радовался участію въ фехтовальныхъ упражненіяхъ, подготовкѣ къ острой мензурѣ. Я охотно самъ испробовалъ бы остраго клинка. Но мнѣ пришлось отъ этого отказаться, такъ какъ я, согласно военному уставу, въ качествѣ офицера могъ

позволить себѣ употребленіе оружія лишь въ серьезныхъ случаяхъ. Пристрастіе къ фехтованію на острыхъ клинкахъ мнѣ вполнѣ понятно, и я не отрицаю воспитательнаго значенія мензуры для глаза, руки и нервовъ; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что нѣмецкія студенческія корпораціи ею злоупотребляютъ. Какъ въ вопросахъ фехтовальныхъ, такъ и въ традиціи обязательной выпивки (которой я, будучи студентомъ, неохотно подчинялся), наше суровое время властно требуетъ уничтоженія нѣкоторыхъ выродившихся обычаевъ. Любить дѣйствительно свою германскую родину во всемъ ея несчастіи и униженіи, — значитъ нынѣ работать, работать. Это касается и нашей молодежи, которая, работая надъ собственной личностью, создаетъ цѣнности, опредѣляющія, быть можетъ, судьбу грядущихъ поколѣній.

Досугомъ, которымъ я располагалъ внѣ занятій и участія въ корпораціи, я пользовался для общенія съ людьми самыхъ различныхъ общественныхъ круговъ Рейнской области. Съ благодарностью я принималъ гостепріимство семей профессоровъ, коммерсантовъ и промышленниковъ, встрѣчавшихъ меня съ чисто рейнской сердечностью. Для меня, соприкасавшагося до сихъ поръ преимущественно съ военнымъ кругомъ, эти новыя знакомства были источникомъ сильныхъ впечатлѣній, обогащавшихъ, наряду съ научными занятіями, мое духовное содержаніе. Научнымъ занятіямъ я отдавался съ искреннимъ рвеніемъ. И донынѣ я съ благодарностью вспоминаю выдающихся ученыхъ, бывшихъ моими руководителями и совѣтчиками: Цительмана, Литцмана, Готейна, Бецольда, Шумахера, Клемэна и Аншюца. Съ особой признательностью вспоминаю я также блестящія лекціи крупнаго государствовѣда Цорна, моего стараго учителя, съ которымъ меня до сихъ поръ связываютъ крѣпкія узы довѣрія и дружбы. Общеніе съ людьми высокой умственной культуры и корифеями науки, техники, промышленности и политики — вызвало во мнѣ

стремленіе къ болѣе серьезному изученію вопросовъ внѣшней и внутренней политики, особенно же соціальныхъ проблемъ.

Такъ же быстро, какъ военная служба, пролетѣли два солнечныхъ года моей юности въ Боннѣ. Они дали мнѣ безконечно много цѣннаго и хорошаго: наслажденіе природой, связи съ умнѣйшими людьми, рейнскую жизнерадостность и зародыши знаній, развившихся впослѣдствіи въ духовное богатство.

Расширенію моего кругозора способствовали также нѣсколько путешествій, предпринятыхъ мною во время каникулъ (въ концѣ лѣта 1901 года по Англіи и Голландіи) и непосредственно по окончаніи университета вмѣстѣ съ моимъ братомъ Эйтель-Фрицемъ. Я воспринялъ эти впечатлѣнія съ большей интенсивностью и большимъ пониманіемъ, чѣмъ прежде. Когда я вспоминаю эти путешествія, передо мной встаютъ преимущественно два образа — съ такой ясностью и выпуклостью, какъ будто не годы, а недѣли раздѣляютъ насъ: Абдулъ-Гамида — послѣдняго султана стараго режима, и папы Льва XIII. И странно — какъ ни различны и противоположны внѣшній и внутренній облики этихъ двухъ людей, они для меня неразрывны, благодаря обстоятельствамъ, отъ вліянія которыхъ я лишь съ трудомъ могу освободиться. Оба они дали мнѣ нѣчто совершенно новое и неожиданное; первый, какъ владыка Ватикана, нетронутаго въ своей торжественной замкнутости рукою времени, — второй — повелитель сказочнаго царства, не подвластнаго мѣриламъ и законамъ западнаго міра. Первый, — самый выдающійся папа своего вѣка, внушалъ мнѣ одно только чувство глубочайшаго благоговѣнія. Передъ вторымъ, беззастѣнчивымъ и всемогущимъ падишахомъ, я уже очень быстро не испытывалъ никакого смущенія. И при всемъ томъ выраженіе глазъ у обоихъ властителей было одно и то же. Проницательно, умно, съ безконечнымъ превосходствомъ и мудростью смотрѣли ихъ сѣрые гла-

за, острые зрачки которыхъ старость обвела рѣзко очерченными бѣлыми кругами.

Когда мы вмѣстѣ съ братомъ Эйтель-Фридрихомъ въ чудное весеннее утро вошли на англійской яхтѣ «Сапфиръ» въ Константинопольскій рейдъ, открывшаяся передъ нами панорама была по истинѣ волшебной, а происшествія немногихъ дней, проведенныхъ нами у Золотого Рога, еще усилили впечатлѣніе, будто мы видимъ сонъ изъ «Тысячи и одной ночи». Скоро послѣ нашего прибытія на рейдъ насъ привѣтствовалъ отъ имени султана его любимый сынъ, а къ обѣду мы отправились подъ эскортомъ эстрогульскихъ драгунъ — бравыхъ солдатъ на маленькихъ арабскихъ лошадяхъ — въ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ были встрѣчены султаномъ во главѣ генералитета и придворной свиты.

Внѣшность Абдулъ-Гамида была необычайно интересна: маленькій, кривоногій, живой, онъ являлъ типъ армянскаго семита. Онъ былъ съ нами чрезвычайно ласковъ, я сказалъ бы даже, по-отечески ласковъ.

Намъ отвели великолѣпный кіоскъ въ громадномъ дворцѣ Ильдиза. Уже черезъ полъ-часа султанъ явился къ намъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Пріѣхалъ онъ въ небольшой плетеной коляскѣ, самъ управляя быстрыми конями, въ то время какъ вся громадная свита, въ томъ числѣ и нѣсколько толстыхъ генераловъ, должны были бѣжать вслѣдъ за коляской. Султанъ ѣхалъ рысью, свита не отставала отъ него, и потому неудивительно, что видъ многихъ сановниковъ послѣ такого бѣга былъ неособенно презентабельнымъ.

Согласно обычаямъ страны Абдулъ-Гамидъ могъ говорить только по-турецки. Вслѣдствіе этого бесѣды съ нимъ были довольно утомительны; ибо каждая фраза переводилась отдѣльно. Между тѣмъ султанъ прекрасно понималъ по-французски, и было забавно видѣть, какъ онъ, слушая мои разсказы, смѣялся

задолго до того, какъ переводчикъ съ серьезнѣйшей миной передавалъ ему содержаніе моихъ словъ.

Вечеромъ предполагался въ нашу честь торжественный обѣдъ, однако никто не зналъ, гдѣ онъ состоится, ибо султанъ настолько боялся покушеній, что никогда не давалъ заранѣе знать о часѣ и мѣстѣ подобныхъ торжествъ. Къ отчаянію гофмаршаловъ онъ дѣлалъ свои распоряженія лишь въ послѣднюю минуту. Въ концѣ концовъ обѣдъ состоялся въ одномъ изъ большихъ залъ дворца.

Султанъ и я возсѣдали за однимъ концомъ безконечно длиннаго стола. Остальные гости, въ томъ числѣ и мой братъ, должны были сидѣть въ полуоборотѣ направо или налѣво къ султану.

Объ ѣдѣ уже не приходилось думать, хотя, правда, для правовѣрнаго магометанина само созерцаніе священной особы султана замѣняетъ пищу. Меня поразило, что на моемъ высокомъ хозяинѣ была необычайно широкая и плохо сидящая форма, пока я не замѣтилъ при порывистомъ движеніи, которое онъ сдѣлалъ, что у него подъ формой одѣта кольчуга. Въ разговорѣ султанъ выказалъ живѣйшій интересъ ко всѣмъ германскимъ дѣламъ и хорошую освѣдомленность въ самыхъ различныхъ областяхъ. Такъ, мы бесѣдовали о проблемѣ морскихъ вооруженій, о новѣйшихъ успѣхахъ изслѣдованія полярныхъ странъ, о послѣднихъ новинкахъ нѣмецкаго книжнаго рынка, и въ особенности о военныхъ вопросахъ.

Послѣдующіе дни прошли для насъ также очень интересно. Мы осматривали достопримѣчательности города и его окрестностей, причемъ старый султанъ выказывалъ намъ самую трогательную заботливость.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Константинополѣ онъ пригласилъ насъ на интимный обѣдъ въ свои частные покои. Присутствовали только германскій посолъ, моя свита и любимый сынъ султана. Султанъ, любившій очень музыку, попрсилъ меня сыграть ему что-нибудь на скрипкѣ. Принцъ аккомпа-

нировалъ мнѣ на рояли, и мы сыграли отрывокъ изъ «Сельской свадьбы», каватину Раффа и «rêverie» Шумана. — Затѣмъ разыгралась трогательная сцена. Чтобы приготовить султану сюрпризъ, я разучилъ съ моимъ штабнымъ врачемъ Виденманомъ турецкій національный гимнъ. Когда мы кончили играть, султанъ, совершенно растроганный, обнялъ меня, и по его мановенію явился адъютантъ, неся подушку съ серебряной и золотой медалью «за преуспѣяніе въ искусствѣ и наукѣ» (für Kunst und Wissenschaft), которые властитель всѣхъ мусульманъ нацѣпилъ мнѣ на грудь. Затѣмъ онъ показалъ намъ еще свой частный музей, въ которомъ были собраны всѣ подарки, полученные имъ и его предками отъ европейскихъ государей. Среди многочисленнаго хлама было и нѣсколько цѣнныхъ и красивыхъ вещицъ. Такъ, припоминаю янтарный шкафчикъ, поднесенный одному изъ султановъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I.

Это свиданіе съ Абдулъ-Гамидомъ было для меня одной изъ самыхъ интересныхъ встрѣчъ съ иностранными государями.

Мнѣ было двадцать девять слишкомъ лѣтъ, когда я, назначенный командиромъ второй роты перваго гвардейскаго пѣхотнаго полка, снова вернулся къ военной службѣ. Полное удовлетвореніе доставляла мнѣ разносторонняя работа въ этой отвѣтственной должности, которую я занималъ 2½ года. Особенно меня радовало, что мнѣ ввѣрили именно вторую роту, ибо я хорошо зналъ всѣхъ моихъ унтеръ-офицеровъ еще съ того времени, когда былъ лейтенантомъ.

Командиры роты, эскадрона, батареи а также полковые командиры образуютъ какъ бы хребетъ всей арміи, ибо кругъ ихъ обязанностей предоставляетъ каждой личности самый широкій просторъ для руко-

водства и воспитанія солдатъ. Однако, не меньшее значеніе принадлежитъ въ ротѣ личности «ротной матушки» — фельдфебеля. Фельдфебель моей роты — Вергинъ былъ человѣкомъ, самоотверженно преданнымъ своимъ обязанностямъ и служившимъ для всѣхъ остальныхъ примѣромъ. Съ ранняго утра до поздней ночи его мысли были заняты только королевской прусской службой и заботой о благѣ ввѣренныхъ ему ста двадцати гренадеровъ.

По существу мы, ротные командиры перваго гвардейскаго полка, имѣли легкую и благодарную работу. Въ унтеръ-офицерахъ не было недостатка, и весь унтерофицерскій корпусъ состоялъ изъ прекрасныхъ, понимающихъ свое дѣло людей, столь же превосходно было и ежегодное поступленіе новобранцевъ. Это были все сплошь хорошо воспитанные молодые люди, изъ которыхъ многіе уже въ четвертомъ поколѣніи служили въ полку или даже въ той же самой ротѣ. Зато нѣкоторыя затрудненія въ нашей гвардіи мы имѣли съ ростомъ нижнихъ чиновъ: широта груди у многихъ не соотвѣтствовала ихъ росту, и приходилось тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы именно эти люди вначалѣ не слишкомъ переутомлялись работой. Впрочемъ мои долговязые гренадеры могли невѣроятно много ѣсть! Особенное значеніе въ своей ротѣ, такъ же какъ потомъ въ подчиненныхъ мнѣ войскахъ, я придавалъ выправкѣ и дисциплинѣ. Наши ружейные пріемы, также какъ и строевыя движенія, могли служить образцомъ для другихъ, и сами гренадеры гордились своей безупречной обмундировкой.

Моими основными принципами были: немного службы, но за то уже энергичная служба; вообще же оставлять людей по возможности въ покоѣ; много отпусковъ, веселый духъ въ казармѣ, прогулки, осмотры достопримѣчательностей въ городѣ и окрестностяхъ, при случаѣ также посѣщеніе театра. — При этомъ мнѣ къ моей радости всегда удавалось обходиться самымъ минимальнымъ примѣненіемъ дисцип-

линарныхъ наказаній. Мои люди уже скоро очень хорошо знали, что, когда кого нибудь изъ нихъ надо было наказать, ихъ ротный командиръ страдалъ отъ этого болѣе, чѣмъ наказуемый. Я старался играть на ихъ чувствѣ чести, и это почти всегда вело къ успѣху.

Конечно, все сказанное далеко не исчерпываетъ кругъ обязанностей и работы ротнаго командира. Независимо отъ всѣхъ вопросовъ службы онъ долженъ быть чисто человѣчески настоящимъ отцомъ своихъ солдатъ. Онъ долженъ хорошо знать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и имѣть понятіе, что кому недостаетъ. Именно эта сторона профессіи офицера доставляла мнѣ всегда наибольшую радость, и, культивируя ее, я заслужилъ довѣріе и привязанность каждаго изъ моихъ гренадеровъ въ отдѣльности. Они приходили ко мнѣ со всѣми своими малыми и большими заботами, и я чувствовалъ себя счастливымъ отъ этого прочнаго и честнаго довѣрія ко мнѣ моихъ людей. Сколько милыхъ, прекрасныхъ нѣмецкихъ юношей прошло такъ черезъ мои руки! Многихъ изъ нихъ мнѣ пришлось встрѣтить потомъ на войнѣ, многіе изъ нихъ покоятся сейчасъ въ чужой землѣ, вѣрные девизу нашего перваго батальона: Semper talis.

Несмотря на эту мою службу въ первомъ гвардейскомъ полку, которой я страстно отдавался и въ которой я ближе познакомился съ моими обоими спутниками, раньше адъютантами, впослѣдствіи камергерами, съ добросовѣстнымъ Штюльпнагелемъ и вѣрнымъ Беромъ, я также въ теченіе этихъ лѣтъ не былъ, или уже больше не былъ, только солдатомъ. Боннскія впечатлѣнія продолжали на меня оказывать вліяніе, и живые вопросы политики, экономической жизни, искусства и техники занимали меня въ свободные часы еще больше, чѣмъ въ годы, когда они впервые открылись моему взору.

Если еще въ годъ моего лейтенантства я ко всему, что было связано для меня съ придворными праздне-

ствами, относился съ нѣкоторымъ любопытствомъ, продѣлывая все, что полагалось, то теперь, съ ростомъ во мнѣ критики, во мнѣ все болѣе обострялось отвращеніе ко всему пышному и торжественному въ этихъ празднествахъ. Слишкомъ частыя оффиціальныя представленія съ ихъ старыми затвердѣвшими формами, сохранившимися при дворѣ, представлялись мнѣ пустымъ, почти мучительнымъ анахронизмомъ. Сколько за то пришлось мнѣ вынести исполненныхъ глубокихъ упрековъ или мягкаго убѣжденія взглядовъ, со стороны ущемленныхъ въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ гофмаршаловъ! Но и здѣсь (такъ же какъ и во многихъ другихъ областяхъ) чрезмѣрная вылощенность, «возвышенность», закоснѣлость вызывала меня на явное пренебреженіе; далеко не всегда намѣренное, очень часто безсознательное, въ которомъ проявлялась невольная реакція противъ чуждаго моему существу поведенія.

Придворныя празднества! При этомъ я вспоминаю одного человѣка, къ искусству котораго я всегда питалъ самое глубокое, граничащее съ удивленіемъ, уваженіе и на котораго я все же никогда не могъ смотрѣть безъ добродушной улыбки и чувства удовольствія на этихъ празднествахъ: Адольфа Менцеля. Его появленію большей частью предшествовала уже какая нибудь трагедія, разыгравшаяся или у него на дому, или во время поѣздки во дворецъ, ибо онъ всегда былъ такъ погруженъ въ работу, что въ концѣ концовъ, несмотря на всю спѣшку при туалетѣ, онъ всегда опаздывалъ. Въ его послѣдніе годы за нимъ всегда посылался уже адъютантъ моего отца, который долженъ былъ привозить старика изъ его квартиры, а часто даже и помогать ему одѣваться. И все же ничто не помогало. Онъ и тогда умудрялся опаздывать.

Я никогда не забуду, какъ выглядѣлъ онъ на празднествахъ ордена Чернаго Орла. Рыцари этого высокаго ордена носили въ этотъ день большой красный

бархатный плащъ съ цѣпью. Менцель, къ низкому росту котораго не подходилъ никакой плащъ, находился въ постоянной и упорной борьбѣ со своимъ шлейфомъ и, самъ взирая на эту борьбу, металъ молніи изъ глазъ, гнѣвно сверкавшихъ сквозь его очки. Къ концу празднества, по принятому обычаю, рыцари должны были попарно подходить къ трону и, отвѣсивши у трона поклонъ кайзеру, покидали залъ. При этомъ всегда случалось, что Менцель, съ его ростомъ карлика, попадалъ въ одну пару съ министромъ двора фонъ Веделемъ, человѣкомъ роста выше нормальнаго, ближе другихъ стоявшаго къ нему по чину. Одна уже картина приближенія этой неравной пары къ трону, передъ которымъ она почтительно останавливалась, сама по себѣ была достаточно комичной, чтобы вызвать въ душѣ зрителей добродушную веселость. Но комичность всей этой картины еще усиливалась, когда въ этотъ самый моментъ въ старомъ Менцелѣ вдругъ просыпался художникъ. Онъ казалось забывалъ совершенно, гдѣ онъ былъ, и тогда можно было видѣть, какъ онъ вдругъ, быстро тряхнувъ головой, останавливался съ растопыренными руками и весь охваченный представившейся ему живописной картиной, продолжительнымъ и упорнымъ взоромъ начиналъ смотрѣть на моего отца. Между тѣмъ старикъ Ведель, отдавши положеннымъ образомъ свой поклонъ, въ это время давно уже отойдя отъ трона, вдругъ къ своему ужасу замѣчалъ, что его партнеръ все еще стоитъ передъ кайзеромъ.

Не могу сказать, что̀ въ этотъ моментъ доставляло мнѣ наибольшее удовольствіе: недоумѣнное, безпомощное лицо министра двора, возмущеннаго тѣмъ, что его втянули въ неслыханное нарушеніе обычая и этикета, или старикъ Менцель, который, поворачивая голову то направо, то налѣво и не обращая вниманія на другихъ, ожидавшихъ сзади него своей очереди для того, чтобы подойти къ трону, смотрѣлъ во всѣ

глаза на кайзера. Ведель, наконецъ, принималъ рѣшеніе и крѣпко схватывалъ Менцеля за рукавъ. Но художникъ, отличавшійся весьма холерическимъ темпераментомъ, разражался гнѣвомъ на мѣшавшаго ему партнера. Если чей либо взоръ можетъ пылать бѣшенствомъ, то это былъ именно взглядъ Менцеля, которымъ онъ, откинувши назадъ голову, смотрѣлъ на своего длинноногаго партнера. Затѣмъ онъ подбиралъ рѣзкимъ движеніемъ свой шлейфъ и, гнѣвно спотыкаясь, оскорбленно покидалъ залъ, какъ будто думая при этомъ: нѣтъ, что же это за празднество, на которомъ даже нельзя какъ хочешь посмотрѣть на людей!

Безконечное число разъ я на придворныхъ празднествахъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ и бесѣдовалъ. Онъ всегда былъ исполненъ сухой ироніи, сарказма и критики, ничто не ускользало отъ его остраго взора и, такъ какъ постепенно уже всѣ привыкли не предъявлять къ нему слишкомъ строгихъ и всегда безполезныхъ требованій этикета, то онъ чувствовалъ себя въ роли, своего рода, посторонняго наблюдателя и видимо былъ радъ этому своему особому положенію, которое и здѣсь позволяло ему черпать новыя впечатлѣнія для своего художественнаго опыта.

Что касается меня, то я, какъ уже упомянуто, очень скоро уже пересталъ испытывать какое бы то ни было удовольствіе отъ пышной торжественности подобныхъ празднествъ, на которыхъ каждый прежде всего старался удовлетворить свое собственное тщеславіе. Въ закоснѣломъ механизмѣ этихъ празднествъ я не видѣлъ ничего, кромѣ парадной пустоты, и ихъ надменная и пышная торжественность представлялась мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ мозаикой, сложенной изъ тысячи мелкихъ тщеславій и разныхъ оттѣнковъ чванства. Что придворные выходы не могутъ обойтись совсѣмъ безъ нѣкоторой оффиціальной помпезности, я это прекрасно чувствовалъ, но мнѣ казалось, что они при этомъ все же должны бы быть оживлены ду-

хомъ нѣкоторой внутренней свободы, а его то здѣсь всегда недоставало.

Больше чѣмъ всѣ эти придворные «shows» дало мнѣ въ смыслѣ впечатлѣній непринужденное общеніе съ дѣльными людьми всякаго рода, художниками, писателями, спортсменами, коммерсантами и промышленниками. Къ такому общенію дала мнѣ случай моя любовь къ охотѣ и къ спорту, въ которыхъ тѣло получало свою долю пріятнаго труда.

Уже тогда я чувствовалъ себя досадно связаннымъ тѣмъ, что въ качествѣ принца мнѣ все время приходилось во всемъ, что я ни предпринималъ, наталкиваться на соображенія этикета. Окружавшіе меня люди — несомнѣнно съ самыми лучшими намѣреніями, но къ моему мученію — все время повторяли мнѣ: «этого ваше императорское высочество не должны дѣлать», «теперь ваше императорское высочество должны сдѣлать это». Когда я старался освободиться отъ этихъ попытокъ запречь поведеніе свободнаго человѣка въ закоснѣлую форму этикета, я наталкивался большей частью на непониманіе. Такъ я пришелъ къ тому, что слушалъ все, что мнѣ говорили, но въ концѣ концовъ поступалъ такъ, какъ мнѣ это казалось просто и естественно.

Только одинъ человѣкъ и въ этихъ вопросахъ понималъ всю стѣсненность моего положенія и мое стремленіе быть менѣе кронпринцемъ и болѣе живымъ и переживающимъ событія человѣкомъ. Это была — любимая моя мать. Всякій разъ, когда я въ бесѣдахъ высказывалъ ей свою душу, я чувствовалъ, какъ много передавалось мнѣ отъ ея существа — только въ моей крови мужественнымъ образомъ стремилось къ активному выраженію то, что въ ней, въ концѣ концовъ, находило свое спокойное примиреніе. Способность обрѣтать этотъ миръ она черпала изъ глубокой религіозности своего существа, составлявшей ея громадную и никогда ей не измѣнявшую силу.

Этимъ строго религіознымъ міровоззрѣніемъ и этикой слѣдуетъ объяснить также ея настойчивое желаніе, чтобы мы, ея сыновья, вступили въ бракъ «чистыми», нетронутыми какими либо переживаніями съ другими женщинами. Этой цѣли она и окружающая насъ наученная ею среда пыталась достигнуть тѣмъ, что насъ держали въ возможномъ отдаленіи отъ всѣхъ, кто бы могъ насъ отклонить отъ прямой тропы добродѣтели. — Моя мать со свойственнымъ ей образомъ мысли и дѣйствія была при этомъ несомнѣнно исполнена самыхъ лучшихъ намѣреній по отношенію къ намъ и къ нашему нравственному и физическому благу, и что касается меня, то мнѣ не пришлось ее сильно разочаровать, сколько бы безсмыслицъ ни распространялось обо мнѣ уже тогда, въ тѣ ранніе годы. Все же я не думаю, чтобы этотъ теоретически, быть можетъ, и вполнѣ прекрасный путь на дѣлѣ приводилъ къ спасенію. Напротивъ, мнѣ кажется, что и въ этой области чрезмѣрное подавленіе и изоляція уничтожаютъ естественность, и теперь, оглядываясь назадъ, я готовъ скорѣе даже утверждать, что причины очень многихъ ошибокъ, имѣвшихъ мѣсто въ бракахъ царствующихъ домовъ, въ послѣднемъ счетѣ коренятся въ этомъ фанатическомъ удаленіи всякаго женскаго общества, какъ разъ въ то время, когда юность ищетъ сочувствія и свободы.

Іюнь 1919.

Утромъ писалъ письма.

Затѣмъ, послѣ завтрака два часа просидѣлъ въ кузницѣ передъ наковальней. Луйтъ разсказываетъ, что одинъ американецъ предложилъ ему за выкованную мною подкову 25 гульденовъ. Онъ меня спрашиваетъ, можетъ ли онъ ее дать ему. Какъ видно, люди неисправимы и всячески готовы внушать нашему брату манію величія, даже если мы, вдали отъ ихъ суеты, сидимъ на маленькомъ, безплодномъ морскомъ

островкѣ. Раньше они подбирали брошенные мною папиросные окурки, а теперь какой то снобъ за кусокъ желѣза, бывшій подъ моимъ молоткомъ, предлагаетъ сумму, которая на родинѣ могла бы спасти бѣднаго человѣка отъ нужды. Меня не удивляетъ, что многіе сдѣлались такими, какими они благодаря такому культу должны были сдѣлаться. Нѣтъ, нашъ братъ не всегда самъ только виноватъ въ этомъ.

Уйдя отъ Луйта, я пошелъ на берегъ, сбросилъ одежду — и въ море. Какъ купанье омываетъ иногда душу человѣка, заставляя его забыть всю эту мелочь!

Днемъ я разсказалъ моему доброму Куммеру, который сейчасъ на нѣсколько дней гоститъ у меня, исторію съ американцемъ. Онъ весь воспламенился даже: «двадцать пять гульденовъ? При этой валютѣ?! Я бы весь день сплюшь только и дѣлалъ бы, что подковы для моихъ братьевъ!»

Послѣ обѣда — просмотръ старыхъ замѣтокъ о бояхъ у Вердена и работа надъ книгой. Прогулка съ Куммеромъ.

И вотъ опять вечеръ.

И вотъ еще день прошелъ — сколько еще?!

Среди шумныхъ сосенъ, желто-песчанаго вдовьяго убѣжища великой герцогини Мекленбургской Анастасіи Михайловны обручился я въ незабвенный для меня прекрасный лѣтній день 1904 года съ Цециліей, герцогиней Мекленбургской. Ей тогда не было еще 18 лѣтъ, она переживала тогда пору перваго расцвѣта своей юности и сіяла весельемъ и радостью. Годы ея дѣтства, проведеннаго ею у ея нѣсколько своенравной, но добродушной и прекрасной матери, были для нея годами ничѣмъ не омраченнаго счастья.

Когда въ слѣдующемъ году въ сіяющій іюньскій день моя молодая прекрасная жена на всю жизнь связала свою судьбу съ моей, — путь, по которому она вступила въ Берлинѣ въ новую жизнь, былъ какъ бы весь устланъ розами. Тысячныя толпы ее привѣтствовали, ее какъ бы на рукахъ несли любовь и симпа-

тія цѣлаго народа. Когда я въ тотъ день во главѣ моей роты шелъ мимо липъ внизъ ко дворцу, чтобы выставить у дворца почетный караулъ, меня глубоко взволновало сердечное участіе всей этой массы людей. Къ тому же весь городъ съ отовсюду смотрѣвшими радостными лицами, множествомъ прелестныхъ дѣвушекъ и съ разсыпанными повсюду розами представлялъ незабываемо прекрасную картину. Мои гренадеры, чувствуя себя вполнѣ участниками этого семейнаго торжества, выступали какъ то особенно гордо и лихо.

Судьба была ко мнѣ исключительно благосклонна. Мой выборъ, не стѣсненный никакими политическими или династическими соображеніями, могъ пасть на женщину, къ которой влекло меня мое сердце и которая въ свою очередь питала ко мнѣ привязанность. Съ годами эта подлинная взаимная искренняя привязанность еще болѣе возросла.

Стоитъ ли мнѣ вообще касаться здѣсь всѣхъ тѣхъ нелѣпостей, которыя были сказаны и написаны по поводу моего брака? Ахъ, если бы всѣ эти люди, имѣющіе такія «блестящія связи» и благодаря имъ «знаніе всѣхъ интимныхъ подробностей» и «самыя точныя свѣдѣнія», меньше старались удовлетворять свое собственное тщеславіе! — Каковы наши отношенія, моей жены и меня, это знаемъ только мы одни. Одну тайну только я выдамъ: когда въ газетахъ нѣсколько разъ появлялись извѣстія о «предстоящемъ въ скоромъ времени разводѣ кронпринца съ его супругой», то мы оба только весело смѣялись по этому поводу: какъ велика должна быть у людей потребность къ сенсаціямъ!

Своей женѣ я всегда отъ души буду благодаренъ за то, что она во все время нашего брака оставалась моимъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ и товарищемъ: заботливой супругой и матерью, внимательной и добродушно прощавшей мнѣ многія мои ошибки, исполненной пониманія къ тому, что я собой пред-

ставляю, вѣрной спутницей моей въ счастьи и несчастьи.

Она подарила мнѣ шесть милыхъ и здоровыхъ дѣтей, которыми я, какъ отецъ, горжусь и о которыхъ я съ тоской вспоминаю каждый разъ, когда провожу рукой по желтымъ щетинистымъ волосамъ маленькихъ мальчугановъ здѣшнихъ рыбаковъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы мои четыре сына стали со временемъ, хорошими честными нѣмцами, видящими свой долгъ въ службѣ родинѣ — какъ настоящіе Гогенцоллерны!

Въ теченіе мучительнаго и тяжелаго времени, пережитаго нами послѣ разгрома Германіи, моя дорогая жена съ образцовой вѣрностью и храбростью оставалась на своемъ посту и въ тысячѣ труднѣйшихъ положеній сумѣла обнаружить всю силу и благородство своей натуры, которую я такъ люблю и уважаю.

Одно «военное переживаніе» вспоминается мнѣ и въ нашемъ бракѣ.

Въ 1915 году кронпринцесса пріѣхала однажды на два дня навѣстить меня въ моей ставкѣ въ Стенэ. На второй день рано утромъ около четырехъ часовъ началась аттака французскихъ летчиковъ, явно имѣвшая своей мишенью мой домъ, въ которомъ не было тогда ни погреба, ни подземелья, безопаснаго отъ бомбъ. Достаточно было бы одного удачнаго снаряда, чтобы разрушить весь домъ. Аттака длилась два часа. За это время 24 аэроплана бросали бомбы около дома; было сосчитано 160 снарядовъ. Многіе изъ нихъ упали въ разстояніи только нѣсколькихъ метровъ отъ дома, уничтоживъ къ несчастью цѣлый рядъ человѣческихъ жизней. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ воздушныхъ аттакъ, которыя мнѣ пришлось до тѣхъ поръ пережить. Но и во время этого испытанія жена моя проявила все свойственное ей мужество и хладнокровіе. Она держала себя превосходно.

Послѣ моей уже три года продолжавшейся службы въ качествѣ ротнаго командира въ первомъ пѣхотномъ гвардейскомъ полку, я долженъ былъ получить

наконецъ эскадронъ. Черезъ посредство его превосходительства фонъ Гюльзена я обратился къ его величеству съ просьбой ввѣрить мнѣ эскадронъ полка Garde du Corps. Его величество хотѣлъ опредѣлить меня въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Въ концѣ концовъ кайзеръ уступилъ. Въ январѣ 1906 года онъ командировалъ меня въ желанный мною полкъ и далъ мнѣ подъ начальство лейбъ-эскадронъ этого полка, но вмѣсто красивой формы того полка особымъ именнымъ указомъ мнѣ было повелѣно носить форму второго кирасирскаго ея величества полка.

Здѣсь въ этой новой должности я могъ отдаться вновь моей страсти наѣздника, и съ глубокимъ удовлетвореніемъ я вспоминаю прекрасное время моей службы въ этомъ гордомъ полку, славная традиція котораго такъ тѣсно связана съ исторіей бранденбургско-прусскаго государства и его основателей. Что полкъ этотъ отнюдь не былъ только параднымъ войскомъ, это онъ показалъ не только въ Цорндорфскіе дни, но также и во время грандіозныхъ боевъ міровой войны. Печальнымъ и вмѣстѣ радостнымъ утѣшеніемъ для меня было то, что мои старые товарищи по лейбъ-эскадрону не забыли своего эскадроннаго командира и въ несчастьи. Какъ разъ нѣсколько дней тому назадъ ко дню моего рожденія, 6-го мая, на этомъ тихомъ островѣ я получилъ маленькій альбомъ съ подписями офицеровъ и гвардейцевъ стараго эскадрона Garde du Corps, — офицеровъ и лейбъгвардейцевъ! Сколькихъ именъ здѣсь недостаетъ. На востокѣ и на западѣ нашли себѣ покой ихъ храбрые носители. Мысли мои идутъ къ нимъ и привѣтствуютъ ихъ.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть еще о моей службѣ въ артиллерійскихъ войскахъ, хотя по времени она имѣла мѣсто позже. Съ цѣлью ознакомленія меня съ этимъ третьимъ главнымъ родомъ оружія, весной 1909 года мнѣ было поручено командованіе лейбъбатареей перваго гвардейскаго полка полевой артил-

лерiи. Въ кругу этого въ служебномъ и товарищескомъ отношенiи превосходнаго полка, я чувствовалъ себя особенно хорошо и съ искренней благодарностью я вспоминаю о помощи, которую мнѣ оказывалъ мой вѣрный менторъ, майоръ графъ Гопфгартенъ, которому я обязанъ многими цѣнными указанiями въ артиллерiйскихъ вопросахъ.

Впрочемъ уже тогда использованiе, а отчасти и способъ стрѣльбы нашей полевой артиллерiи представлялся мнѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отсталымъ по сравненiю съ принципами французскаго устава. Ровно пять лѣтъ спустя опытъ войны показалъ, что въ развитiи этого рода оружiя французская армiя дѣйствительно значительно опередила насъ. Артиллерiйская техника была оттѣснена у насъ артиллерiйской ѣздой. Лошадь находилась въ болѣе привилегированномъ положенiи по сравненiю съ пушкой.

Изъ рядовъ этого полка я выпросилъ себѣ тогда полковника фонъ деръ Планица въ качествѣ своего личнаго адъютанта. Этотъ превосходный и широко образованный офицеръ, бывшiй въ теченiе многихъ лѣтъ моимъ вѣрнымъ спутникомъ и совѣтчикомъ, умеръ геройской смертью во Фландрiи, гдѣ онъ командовалъ отрядомъ войскъ. Я никогда не забуду этого честнаго и благороднаго человѣка, которому я столь многимъ обязанъ.

Въ газетахъ появились извѣстiя, приписываемыя одному изъ очевидцевъ убiйства Николая и прiоткрывающими завѣсу надъ тѣми ужасными событiями, которыми сопровождался его кровавый конецъ.

Рано утромъ я прочиталъ это описанiе, вдвойнѣ ужасное благодаря своему тону холодной объективности, и весь день затѣмъ подъ шумъ безконечнаго дождя мысли мои вновь и вновь обращались къ воспоминанiямъ о бѣдномъ царѣ. Къ нему и къ тѣмъ людямъ, которые его окружали въ тѣ оба раза, когда я ближе познакомился съ нимъ, будучи его гостемъ въ

Россіи, и въ тотъ третій разъ, когда онъ былъ у насъ гостемъ въ Берлинѣ.

Теперь, когда я надъ свѣжей могилой пишу эти строки-воспоминанія — уже ночь.

Когда я впервые увидѣлъ царя Николая въ Петербургѣ — это было въ январѣ 1903 года, и я былъ посланъ тогда къ празднику водосвятія, — онъ стоялъ на вершинѣ своего могущества. Дворъ и войска сообщали празднику необычайный блескъ. Самъ царь, однако, который по существу отличался простымъ и ровнымъ характеромъ и въ болѣе тѣсномъ кругу держалъ себя съ сердечной непринужденностью, производилъ на этомъ парадномъ выходѣ какое то неувѣренное, я бы даже сказалъ, боязливое впечатлѣніе. Его супруга, прекрасная Александра, была въ этомъ отношенія небольшой для него опорой, такъ какъ она сама до чрезвычайности смущалась и почти что боялась окружающихъ. Полную противоположность ей представляла собой царица-мать. Марія Федоровна въ полномъ смыслѣ слова воплощала образъ величества. Будучи настоящей grand dame, она пользовалась тогда господствующимъ вліяніемъ въ петербургскихъ политическихъ и придворныхъ кругахъ. Особенно бросалось тогда въ глаза, какъ мало удавалось царю создать подобающее къ себѣ отношеніе въ кругу своей семьи, т. е. у великихъ князей и княгинь. Такъ напримѣръ, однажды, когда передъ большимъ обѣдомъ приглашенные уже собрались, то никто изъ членовъ царской семьи не обратилъ даже вниманія на приходъ царской четы. Особенно явное пренебреженіе въ подобныхъ случаяхъ выказывалъ великій князь Николай Николаевичъ, который также и по отношенію ко мнѣ довольно явно высказывалъ въ разговорѣ свое отрицательное отношеніе ко всему нѣмецкому. Тщетно искалъ я тогда въ петербургскомъ обществѣ слѣдовъ былой дружбы между Пруссіей и Россіей. Разговорными языками этого слоя были исключительно англійскій и французскій. Къ

Германіи никто не выказывалъ никакого интереса, а часто я встрѣчалъ даже явное отвращеніе. Только у двухъ людей я встрѣтилъ явную симпатію къ Германіи, именно у министра двора барона Фредерикса и у Сергѣя Юльевича Витте, возведеннаго нѣсколько лѣтъ спустя въ графское достоинство. Съ Витте я имѣлъ продолжительный разговоръ, вращавшійся вокругъ вопроса о новомъ нѣмецко-русскомъ торговомъ договорѣ. Дальновидный финансистъ и экономистъ особенно настойчиво подчеркивалъ, что здоровое развитіе Россіи въ будущемъ, по его мнѣнію, зависитъ отъ тѣснаго экономическаго союза съ Германіей.

Боязнь покушеній при дворѣ была очень велика. Среди многихъ предупредительныхъ мѣръ, на которыя мнѣ всюду приходилось наталкиваться, одна произвела на меня особенно глубокое впечатлѣніе. Я случайно былъ свидѣтелемъ ея, когда однажды поздно вечеромъ пожелалъ навѣстить царя: на полу большого зала, находившагося передъ частными покоями царя, былъ расположенъ въ шахматномъ порядкѣ, такъ, что никто не могъ пройти мимо, весь лейбъ-конвой государя, около 100 человѣкъ. При моемъ неожиданномъ приходѣ возникла настоящая тревога, вызвавшая большое возбужденіе.

Въ кругу своей болѣе тѣсной семьи царь преображался. Онъ превращался въ милаго, скромнаго и привѣтливаго человѣка, нѣжно привязаннаго къ своей женѣ и дѣтямъ. Съ царицы также спадала здѣсь вся нервность и безпокойство, одолѣвавшія ее на людяхъ, и она производила впечатлѣніе нѣжной, сердечно-любящей женщины, являвшей среди молодыхъ хорошо воспитанныхъ своихъ дочерей образъ кротости и красоты. Я провелъ тамъ много прелестныхъ часовъ.

Во второй разъ моя жена и я были приглашены въ Царское Село. Здѣсь все походило на усадьбу богатаго помѣщика, если бы полицейскія и военныя мѣры предосторожности не напоминали на каждомъ шагу о

томъ, что мы были гостями государя, не довѣрявшаго своему собственному народу. Царское расположено въ большомъ паркѣ. Снаружи парка за желѣзной рѣшеткой стоялъ кордонъ казаковъ, которые денно и нощно объѣзжали паркъ, высматривая все, что могло бы возбудить подозрѣніе. Въ паркѣ стояло безчисленное количество часовыхъ, даже во дворцѣ всюду можно было натолкнуться на двойные посты часовыхъ съ примкнутымъ къ ружью штыкомъ. Я помню, я сказалъ своей женѣ, что здѣсь чувствуешь себя какъ въ тюрьмѣ и что я охотнѣе согласился бы быть взорваннымъ на воздухъ бомбой террориста, чѣмъ долгое время терпѣть подобную жизнь.

Одна мучительная прогулка на автомобилѣ особенно живо запечатлѣлась у меня въ памяти. Царь хотѣлъ показать намъ свой дворецъ, расположенный у моря, и мы поѣхали туда въ закрытомъ автомобилѣ. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ это было въ первый разъ, что царь покинулъ Царское Село. Путешествіе длилось около 4 часовъ. Впечатлѣніе было унылое и глубоко гнетущее душу. Всѣ мѣста, мимо которыхъ мы проѣзжали, были какъ бы вымершія: ни одному изъ жителей не было разрѣшено показаться на дорогѣ или даже въ окнахъ — всюду только солдаты и полиція. Непріятная тишина, на всемъ глубоко давящая тяжесть. Нѣтъ, если дѣйствительно нужно было такъ скрываться, то это была жизнь, ради которой не стоило жить.

Мы приняли тогда тоже участіе въ одномъ большомъ парадѣ. Гвардейскія войска выглядѣли блестяще, да и впослѣдствіи во время войны, вѣрные своей старой традиціи, они блестяще дрались. Чрезвычайно живописное впечатлѣніе производили лихіе на видъ донскіе, уральскіе и забайкальскіе казаки на своихъ низкорослыхъ взъерошенныхъ лошадкахъ.

Какъ и въ первый разъ, пріемъ въ кругу царской семьи отличался необычайной теплотой и сердечностью. Я часами катался съ царемъ въ лодкѣ по

каналамъ, и о многихъ политическихъ вопросахъ мнѣ привелось съ нимъ тогда подробно переговорить. Я вынесъ впечатлѣніе, что самъ царь питалъ, пожалуй, вполнѣ искреннія симпатіи къ Германіи, но что онъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы противостоять активно вліянію сильной германофобской партіи. Царица-мать и великій князь Николай — оба явные враги Германіи — имѣли рѣшительный перевѣсъ.

На мой взглядъ царь Николай не былъ тѣмъ человѣкомъ, въ которомъ тронъ Россіи нуждался. Ему недоставали рѣшимость, мужество и знаніе своего народа. Въ качествѣ простого помѣщика-дворянина онъ быть можетъ вполнѣ счастливо прожилъ бы свою жизнь и имѣлъ бы многихъ друзей, но свойствами, которыя необходимы для того, чтобы повести народъ къ высшему развитію Россіи, онъ не обладалъ, и его боязливый умъ, быть можетъ, вообще не рѣшался задумываться надъ необходимыми для этого качествами.

Уже тогда глубоко-трагическое впечатлѣніе произвелъ на насъ слабый и всегда больной маленькій наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ. Гигантъ-матросъ обыкновенно носилъ его на рукахъ, подобно маленькому раненому звѣрьку, а между тѣмъ ему было уже восемь или девять лѣтъ. Съ исполненной страха и вѣчной заботы нѣжностью относились и царь и царица къ этому бѣдному неприспособленному къ жизни ребенку, который такъ поздно появился на свѣтъ и которому предстояло носить корону русскихъ царей.

Мимо — въ крови и ужасѣ погасла и эта маленькая съ такимъ трудомъ теплившаяся жизнь!

Послѣ того, какъ я вновь прослужилъ въ качествѣ солдата два съ половиной года, у меня появилось сильнѣйшее желаніе пополнить мои весьма отрывочныя знанія въ области государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Однако всѣ желанія мои въ этомъ направленіи, которыя въ теченіе послѣднихъ минувшихъ лѣтъ я неоднократно уже высказывалъ,

оставались безъ всякаго удовлетворенія. Это обстоятельство рѣзко бросалось въ глаза потому, что согласно традиціи нашего дома царствующій государь всегда смотрѣлъ на своевременную подготовку кронпринца къ его будущему призванію, какъ на свою особенно высокую обязанность, вытекавшую изъ ввѣреннаго ему свыше поста. Такъ, я чувствовалъ, что меня какъ бы нарочно отстраняютъ и держатъ вдали отъ духовнаго овладѣнія и ознакомленія съ обширнымъ полемъ работы, овладѣніе которымъ было для меня необходимымъ. Безъ всякаго преувеличенія я могу сказать, что я вынужденъ былъ настойчиво и неуклонно бороться за допущеніе меня къ тѣмъ инстанціямъ, которыя могли мнѣ открыть доступъ къ необходимому для меня знанію.

Поэтому съ тѣмъ большей радостью я привѣтствовалъ утвержденную наконецъ кайзеромъ въ октябрѣ 1907 года мою командировку въ цѣляхъ освѣдомленія въ Оберпрезидіумъ въ Потсдамѣ, въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ Министерство финансовъ и въ Имперское морское вѣдомство. Что касается посвященія меня въ вопросы внѣшней политики, которые при мнѣ всегда обсуждались съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ таинственности, какъ будто бы это было своего рода тайное искусство, то мнѣ пришлось ожидать еще болѣе поздняго времени. Теперь за то мнѣ была дана еще возможность, посѣщая лекціи по машиностроенію и электротехникѣ въ Технологическомъ институтѣ въ Шарлоттенбургѣ, пріобрѣсти бòльшій запасъ спеціальныхъ знаній въ этихъ областяхъ, бывшихъ всегда предметомъ моего особеннаго интереса.

Все же по сравненію съ до сихъ поръ бывшимъ состояніемъ я тѣмъ самымъ достигъ для себя максимально возможнаго: двери, которыя до сихъ поръ были предо мною наглухо закрыты, открылись наконецъ моему стремленію къ знанію.

Мои освѣдомительныя занятія въ министерствахъ были весьма облегчены тѣмъ, что отцомъ было

послано въ соотвѣтствующія инстанціи распоряженіе выдавать мнѣ на всѣ мои вопросы желаемыя мною справки и указанія. Благодаря этому я быстро и дѣятельно занялся большими вопросами времени такъ же, какъ международными отношеніями эпохи. Такъ, прежде всего я приступилъ къ подробному ознакомленію съ германской и иностранной печатью.

Газета есть пульсъ нашей жизни. Въ ней отражается біеніе сердца эпохи. Покой и напряженіе, слабость и жаръ, воздѣйствуя на нее, находятъ въ ней свое выраженіе, и для того, кто долженъ заботиться о благѣ всего организма въ цѣломъ, всѣ эти проявляющіеся въ газетѣ симптомы получаютъ значеніе указующихъ и предостерегающихъ голосовъ. Тогда, въ этотъ годъ моихъ занятій, моимъ скромнымъ пріобрѣтеніемъ было именно то, что я научился ясно цѣнить значеніе газеты для всякаго, кто хочетъ слышать, видѣть и познаваать, а не для того, кто самъ закрываетъ глаза на всѣ знаменія, слѣдуя психологіи страуса, все равно добровольно ли избранной или ему навязанной.

Я конечно и до этого года моихъ занятій читалъ газеты, — то что называется у насъ «чтеніемъ газетъ», т. е. это были преимущественно газеты консервативнаго направленія или дружественно расположенныя безцвѣтныя газеты чисто освѣдомительнаго характера. Зато по крайней мѣрѣ я читалъ ихъ не по вырѣзкамъ, а цѣликомъ. Теперь я ежедневно взрывалъ своимъ плугомъ все поле, начиная съ «Kreuzzeitung» и кончая «Vorwärts», и часто отчеркнутыя мною статьи отправлялись въ соотвѣтствующія инстанціи съ просьбой разъясненія и освѣдомленія.

Понятно, что благодаря этому у меня по цѣлому ряду отдѣльныхъ вопросовъ культуры и внутренней политики образовались вскорѣ взгляды, заставлявшіе меня смотрѣть на эти проблемы подъ существенно инымъ угломъ зрѣнія чѣмъ какой былъ у его величества, мнѣнія котораго слагались на основѣ

представлявшихся ему обзоровъ печати и всеподданнѣйшихъ докладовъ. Міровая исторія сыграла такимъ образомъ причудливую шутку. Король былъ оріентированъ на матеріалѣ, предназначенномъ «ad usum delphini», а дофинъ черпалъ свое знаніе изъ полноты окружающей жизни. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность шире и глубже проникнуть въ движущія силы народныхъ массъ и всей эпохи, почему многія изъ основныхъ идей, которыхъ придерживался кайзеръ и вся его система управленія показались мнѣ лишенными корней и несоединимыми съ духомъ монархіи, мудро учитывающей явленія также и новаго времени и итоги развитія послѣднихъ лѣтъ.

Наряду съ нѣмецкимъ государственнымъ строемъ особенный интересъ для меня въ это время представлялъ англійскій государственный строй и англійская система управленія. Въ Англію я наѣзжалъ по прежнему довольно часто, и о политическомъ строѣ Англіи, который крылъ въ себѣ на мой взглядъ цѣлый рядъ чертъ, имѣющихъ значеніе также и для нашего развитія послѣдняго времени, я неоднократно бесѣдовалъ съ моимъ внучатнымъ дядей, королемъ Эдуардомъ. Во время этихъ бесѣдъ онъ много разсказывалъ мнѣ интереснаго, съ любовью углубляясь въ эту живо интересовавшую меня область. Теперь, вспоминая эти, ставшія для меня незабвенными бесѣды, въ которыхъ я съ наивностью молодого ученика внималъ тогда словамъ награжденнаго успѣхомъ мастера и отцовскаго друга, я готовъ думать, что король хотѣлъ мнѣ дать нѣчто большее, чѣмъ простое ознакомленіе меня съ политическимъ состояніемъ Англіи. Мнѣ думается, что этотъ въ своемъ родѣ геніальный человѣкъ прекрасно сознавалъ, что идеи, подъ знакомъ которыхъ прошли оба первыя десятилѣтія правленія моего отца, отдалились отъ той линіи, на которой только и могло итти развитіе въ Германіи монархіи, если она хотѣла оставаться прочно укорененной въ государственномъ строѣ страны и органически его

вѣнчающимъ институтомъ. Я думаю, что король вполнѣ сознательно указывалъ мнѣ тогда на эту опасность, чтобы предостеречь меня, и чтобы направить меня уже на порогѣ моей политической карьеры на другой лучшій путь.

То, что мнѣ такимъ образомъ далъ мой старый дядя изъ запаса своихъ наблюденій и своего опыта, я охотно впиталъ въ себя и воспринялъ. Бесѣды съ нимъ въ связи съ моими взглядами на принципы управленія его величества и опредѣлили мою сильную симпатію къ той другой системѣ.

Особенно глубокія и поучительныя впечатлѣнія за этотъ годъ я вынесъ изъ моихъ занятій въ морскомъ вѣдомствѣ благодаря личности его руководителя адмирала фонъ Тирпица. Въ немъ мнѣ открылась дѣйствительно выдающаяся личность, человѣкъ съ кругозоромъ, котораго не ограничивали узкія задачи и обязанности текущаго дня. Охватывая собой далекое цѣлое вплоть до отдаленнѣйшихъ перспективъ и слѣдствій міровой политики, фонъ Тирпицъ служилъ этому цѣлому всѣми богатыми творческими силами своего обширнаго знанія и умѣнія.

Кайзеромъ ему было поручено великое дѣло созданія германскаго военнаго флота, и его жизнь, всѣ его помыслы и дѣйствія были исполнены напряженной воли одолѣть ради блага германской имперіи эту громадную задачу вопреки всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ препятствіямъ. Насколько ему это удалось, — вѣчнымъ и почетнымъ свидѣтельствомъ и памятникомъ тому останется сраженіе при Скагерракѣ, — при Скагерракѣ, гдѣ созданный имъ и проникнутый его духомъ германскій флотъ обрѣлъ свое боевое крещеніе, блестяще оправдавъ себя въ бою съ во много разъ сильнѣйшимъ первымъ флотомъ міра. Германія тогда имѣла всѣ основанія гордиться прекраснымъ боевымъ духомъ и образцовой дисциплиной своихъ матросовъ.

Только въ одномъ основномъ вопросѣ я въ этотъ годъ совмѣстной работы расходился во взглядѣ съ

генераломъ-адмираломъ. Фонъ-Тирпицъ былъ убѣжденъ, что борьба съ Англіей за свободу морей неминуема. И цѣль его была извѣстная «идея риска», состоявшая въ слѣдующемъ: онъ хотѣлъ довести нашъ флотъ до такой степени могущества, чтобы возможная борьба съ нами представлялась англичанамъ слишкомъ опаснымъ дерзаніемъ, неоправдываемымъ громаднымъ рискомъ, который она въ себѣ таила. Ибо въ случаѣ проигрыша на карту поставлено было бы тогда все англійское морское господство, какъ цѣлое. Отъ меня не укрылся принципіальный идеалистическій характеръ этой чисто оборонительной идеи, но, принимая во вниманіе наше политическое и экономическое положеніе, я думалъ тогда, что эта идея невыполнима до конца, ибо, превращая насъ въ единственнаго соперника Англіи, она уже слишкомъ ставила насъ лицомъ къ лицу съ англійской морской мощью. Мнѣ казалось, что «идея риска» только тогда могла бы привести къ фактическому равновѣсію силъ на морѣ, если бы направленный противъ Англіи противовѣсъ былъ раздѣленъ нами совмѣстно съ какой нибудь другой великой союзной державой, сухопутныя силы которой были бы тогда тѣмъ самымъ исключены изъ всякой враждебной намъ комбинаціи, а флотъ которой, присоединенный къ нашему, явился бы тогда дѣйствительно тѣмъ могучимъ факторомъ, который имѣла въ виду «идея риска» и который могъ бы Англіи внушить требуемое уваженіе и осторожность. Этимъ путемъ, если бы онъ только дѣйствительно оказался возможнымъ, было бы достигнуто не только чрезвычайное облегченіе нашихъ морскихъ вооруженій, но такимъ образомъ можно было бы, пожалуй, и легче избѣжать той большой опасности, которую крыла въ себѣ вся проблема, а именно, задушеніе нашихъ морскихъ силъ до достиженія поставленной цѣли. Ибо тогда уже я опредѣленно защищалъ, впослѣдствіи неоднократно мною высказывавшееся мнѣніе, а именно, что англичане

совсѣмъ не будутъ ожидать того момента, когда наша «идея риска» вполнѣ созрѣетъ, но, послѣдовательно продолжая свою политику, постараются уничтожить нашъ флотъ, за которымъ они съ такимъ подозрѣніемъ все время слѣдили, прежде чѣмъ онъ выраститъ въ силу, либо равную ихъ флоту, либо опасную для него въ смыслѣ теоріи риска.

Что у англичанъ дѣйствительно одно время было намѣреніе такимъ радикальнымъ образомъ рѣшить весь этотъ вопросъ, подтвердила мнѣ только недавно прочитанная мною книга англійскаго адмирала Фишера. Въ ней онъ говоритъ съ прямо таки поражающей откровенностью: «Еще въ 1908 году я предложилъ королю «to Kopenhagen the German fleet», — что въ переводѣ означаетъ ничто иное какъ: напасть во время мира на германскій флотъ и уничтожить его (какъ это однажды англичане сдѣлали съ датскимъ флотомъ на Копенгагенскомъ рейдѣ), пока это еще возможно безъ особенно большихъ затрудненій.

Однако, въ виду созданнаго нашей политической изоляціей положенія, всѣ эти мои сомнѣнія такъ и должны были остаться — сомнѣніями и соображеніями. Союзника, флотъ котораго, соединенный съ нашимъ, могъ бы итти въ разсчетъ для осуществленія упомянутаго плана, у насъ не было. Даже союзъ съ Россіей, къ которому всегда тяготѣлъ фонъ-Тирпицъ, намъ бы его не далъ.

Послѣ крушенія многочисленныхъ попытокъ придти въ вопросѣ о флотѣ къ соглашенію съ нами, моментъ — и при томъ послѣдній моментъ! — избавиться отъ германскаго флота съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ былъ данъ Англіи въ 1914 году представившимся тогда поводомъ къ войнѣ. Даже фасадъ тогда былъ безупреченъ: предстояло вѣдь выполнить обязательные договоры и можно было выступить въ качествѣ чистаго героя и покровителя всѣхъ маленькихъ народовъ.

При всемъ томъ, однако, конечно, нельзя утверждать, что только одна морская проблема, какъ таковая, заставила Англію воспользоваться представившимся случаемъ и объявить Германіи войну. Морское могущество есть міровое могущество. Нашъ флотъ былъ охранительнымъ щитомъ нашего мірового хозяйства — и не на щитъ, а на цѣнности, которыя онъ прикрывалъ, направлялся ударъ, на который не такъ то, конечно, легко рѣшилась Англія. Движущія силы, которыя по ту сторону Канала стремились вызвать войну, были тѣ самыя силы, которыя и раньше уже вызвали наше экономическое окруженіе; онѣ порождены были борьбой Англіи за существованіе противъ необычайнаго подъема германской промышленности и германской торговли. Упомянутое экономическое окруженіе Германіи въ довоенные годы не достигло цѣли. Германское хозяйство продолжало непрерывно расширять сферу своего вліянія. Потому Англія и оставила попытки избѣгнуть войны, и часъ послѣдняго разсчета долженъ былъ наступить. Всякій, кто зналъ обстоятельства того времени, не могъ сомнѣваться, что Англія по мѣрѣ силъ постарается использовать тотъ прекрасный случай, который представился ей нашимъ поведеніемъ во время австрійско-сербскаго конфликта. Только отсутствіе политической проницательности и государственнаго инстинкта могло не видѣть этого и возлагать надежды на нейтралитетъ Англіи, какъ это сдѣлалъ Бетманъ-Голльвегъ.

Когда затѣмъ война съ Англіей стала фактомъ, и передъ нашимъ флотомъ, созданнымъ для оборонительныхъ задачъ, встали уже болѣе обширныя наступательныя цѣли, было роковой ошибкой связать адмирала фонъ-Тирпица, который какъ никто другой зналъ выкованное имъ орудіе, въ его руководствѣ флотомъ, запретивъ ему рискъ морского сраженія. Руководящія сферы цѣплялись за мысль Бетмана сохранить во время войны весь нашъ флотъ въ воз-

можно большей неприкосновенности для того, чтобы въ концѣ, во время возможныхъ мирныхъ переговоровъ, бросить его на вѣсы обсужденія — мысль по остроумію своему мало превышающая ту стратегію, которая поставила бы себѣ цѣлью сохранить въ полной неприкосновенности во время войны войско или военное снаряженіе для того, чтобы опереться на него во время мирныхъ переговоровъ ради достиженія хорошаго мира, такимъ путемъ, конечно, никогда недостижимаго. Теоретизируя по поводу отдаленныхъ возможностей, упустили такимъ образомъ время дѣйствія.

Теперь, какъ и тогда, я убѣжденъ въ томъ, что адмиралъ фонъ-Тирпицъ, этотъ геніальный по уму и силѣ воли человѣкъ, на котораго весь флотъ взиралъ съ несокрушимымъ довѣріемъ, ибо его всегда готовая принять самое отвѣтственное рѣшеніе личность представлялась какъ бы воплощеніемъ свойственнаго его оружію идеала борьбы, не поколебался бы въ первый же благопріятный моментъ рискнуть ударить по Англіи всею мощью германскаго флота. Я увѣренъ въ томъ, что успѣхъ не замедлилъ бы увѣнчать этотъ смѣлый ударъ, направленный рукой, исполненной вѣры въ собственныя силы и свою побѣду. Въ пользу того, что этотъ взглядъ не есть нѣчто совершенно фантастическое, но что, напротивъ, его раздѣляли также и наши враги, говорятъ соображенія, приведенныя адмираломъ Джеллико въ его книгѣ. Здѣсь мы читаемъ: «При моемъ знаніи германскаго флота, при моей оцѣнкѣ его успѣховъ и, принимая во вниманіе духъ его командного состава и экипажа, для меня было большой неожиданностью, что первыя недѣли и мѣсяцы войны прошли безъ малѣйшей попытки со стороны германскаго флота предпринять военныя дѣйствія въ Каналѣ и противъ нашихъ береговъ. Возможность успѣха врага при немедленномъ выступле-германскихъ морскихъ силъ я отнюдь не недооцѣнивалъ».

Но воодушевленіе, по слову Гёте, не есть «селедка, которую можно закоптить на нѣсколько лѣтъ», и военный духъ, національное сознаніе и дисциплину нельзя сохранять въ прокъ! Они завяли и разложились въ нашемъ въ началѣ войны столь гордомъ и могучемъ флотѣ, потому что ему не было дано возможности проявить свои силы, потому что не былъ использованъ надлежащій моментъ. Такъ оружіе, вынужденное во время войны къ бездѣйствію, въ концѣ концовъ само обратилось противъ своей родины и оказалось соучастникомъ нашего разгрома.

Я перелистываю страницы, вчера мною написанныя.

Нѣтъ, настоящими мемуарами, излагающими событія въ точномъ порядкѣ ихъ чередованія во времени, эта книга не будетъ. Я хотѣлъ разсказать о томъ, какъ я вошелъ въ дѣла морского вѣдомства, и о столь цѣнной для меня совмѣстной работѣ съ адмираломъ Тирпицемъ, — и вотъ незаглохшая еще горечь воспоминаній заставила меня перескочить чрезъ много лѣтъ, предупреждая послѣдующія событія.

При изложеніи Тирпицевской теоріи риска я коснулся нашей политической изоляціи. Къ этому вопросу остается, пожалуй, еще кое что добавить. Когда я вскорѣ послѣ упомянутой работы въ морскомъ вѣдомствѣ все болѣе и болѣе входилъ также въ изученіе вопросовъ внѣшней политики германской имперіи, я всюду находилъ подтвержденіе мною уже и раньше во время моихъ путешествій наблюдавшемуся факту, — что наша родина во всемъ мірѣ мало любима, а часто даже прямо ненавидима. Если отвлечься отъ союзной съ нами Дунайской монархіи, а также отъ шведовъ, испанцевъ, турокъ и аргентинцевъ, то насъ собственно никто не могъ терпѣть. Чѣмъ вызвана была эта нелюбовь? Несомнѣнно прежде всего тѣмъ недоброжелательствомъ, которое вызвалъ къ себѣ нашъ грандіозный экономическій подъемъ, постоянно растущая на міровомъ рынкѣ сила нѣмецкаго купца, упорное трудолюбіе, творческій

умъ и энергія нѣмецкаго народа. Англія въ первую очередь почувствовала, что всѣ эти факты нашего послѣдняго развитія угрожаютъ ея монопольному положенію на міровомъ рынкѣ. Все это, конечно, не даетъ намъ никакихъ основаній въ чемъ бы то ни было упрекать себя, ибо здоровое надлежащее стремленіе къ поднятію собственнаго благосостоянія и къ расширенію сферы экономическаго вліянія есть несомнѣнное право всякаго народа. Въ честномъ соперничествѣ народовъ между собой все человѣчество въ цѣломъ достигаетъ все болѣе и болѣе высокихъ ступеней культуры. Только отвлеченныые фантасты могутъ вѣрить, что, исключивъ конкурренцію, можно еще разсчитывать на поступательное движеніе въ жизни, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народовъ, а въ послѣднемъ счетѣ — всего человѣчества.

Однако отнюдь не одно только недоброжелательство къ чисто культурнымъ успѣхамъ нѣмецкаго народа виновно въ отрицательномъ къ нему отношеніи большинства другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, мы сами сумѣли возбуждать нелюбовь къ себѣ и другими менѣе похвальными качествами, чѣмъ умѣніе работать. Неблагоразумно поступаетъ, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и народъ въ цѣломъ, когда въ своемъ стремленіи пройти впередъ онъ слишкомъ уже развязно расталкиваетъ окружающихъ. Онъ этимъ прямо таки вызываетъ недовѣріе, сопротивленіе, желаніе оборониться и вражду. Но въ этомъ именно грѣхѣ мы, нѣмцы, были, увы, слишкомъ часто повинны, какъ въ нашихъ оффиціальныхъ, такъ и въ личныхъ дѣлахъ. Явно вызывающія и развязныя выступленія, стремленіе всѣхъ поучать и опекать, которое такъ часто характеризуетъ поведеніе многихъ нѣмцевъ заграницей, вполнѣ понятнымъ образомъ дѣйствовали слишкомъ уже на нервы другимъ народамъ. Этотъ образъ дѣйствія, сочетаясь съ тѣми глупыми и безвкусными жестами, которые, идя въ томъ же направленіи, исходили часто отъ руководящихъ и даже са-

мыхъ высокопоставленныхъ лицъ въ странѣ и, конечно, тотчасъ же въ преувеличенномъ видѣ подхватывались заграницей, причинилъ намъ громадный вредъ. И опять таки преимущественно въ Англіи, которая болѣе всего чувствовала угрозу въ успѣхахъ новой Германіи.

Мой старый дядя, король Эдуардъ VII, съ которымъ вообще говоря я все время оставался въ прекрасныхъ отношеніяхъ и который несомнѣнно былъ выдающейся личностью, умудренной большимъ житейскимъ опытомъ и способностью объективно смотрѣть на вещи, неоднократно высказывалъ мнѣ въ политическихъ бесѣдахъ, бывшихъ для меня всегда столь поучительными, свои опасенія, что экономическая конкурренція Германіи рано или поздно приведетъ къ столкновенію съ Англіей. «There must be put a stop to it!» говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Для того, кто объективно учитывалъ всѣ эти факты и не терялъ далѣе изъ виду того исторически тоже несомнѣннаго факта, что англійская военная мощь всегда направлялась противъ сильнѣйшей въ данное время на континентѣ европейской державы, должно было быть ясно, что Германская Имперія раньше или позже неминуемо должна будетъ придти къ войнѣ, разъ уже соперничество съ Англіей стало фактомъ, неустранимымъ изъ современной исторіи.

Я лично считалъ тогда желательнымъ стремиться къ соглашенію съ Англіей какъ въ экономической и торгово-политической, такъ и въ колоніальной областяхъ. Я не предавался иллюзіямъ относительно легкости такихъ попытокъ. Мнѣ было ясно, что попытка соглашенія предполагаетъ не только основательное и откровенное обсужденіе вопроса о морскихъ вооруженіяхъ, но также и прямую и открытую дискуссію о вопросахъ экономическихъ, и что въ обоихъ этихъ пунктахъ она потребовала бы отъ насъ цѣлаго ряда существенныхъ уступокъ. Но цѣль на мой взглядъ стоила этихъ жертвъ, ибо разряженіе политической

атмосферы, которое въ послѣднемъ счетѣ могло бы даже вылиться въ союзъ съ Англіей, не только бы обезпечило намъ миръ, но дало бы намъ также и цѣлый рядъ выгодъ, которыя съ избыткомъ вознаградили бы насъ за упомянутыя уступки.

Князь Бюловъ, съ которымъ я однажды затронулъ этотъ щекотливый вопросъ, отвѣтилъ мнѣ тогда словами Бисмарка, который будто бы какъ то сказалъ, что онъ охотно готовъ любить англичанъ, но что англичане не хотятъ быть любимыми. Принципіально князь Бюловъ былъ тогда, повидимому, готовъ на союзъ съ Англіей, который, исключая для насъ опасность войны съ Россіей, былъ бы съ другой стороны въ состояніи дѣйствительно и серьезно связать Англію. Но на это, по его мнѣнію, никогда не пошелъ бы лордъ Сольсбери, бывшій въ первые годы нашего столѣтія англійскимъ премьеръ-министромъ, почему онъ и думалъ, что въ силу обстоятельствъ, лучше всего держаться «политики несвязанныхъ рукъ».

Вообще кому бы изъ руководящихъ государственныхъ дѣятелей нашего правительства я ни высказывалъ свои мысли, я получалъ всегда приблизительно одинъ и тотъ же отвѣтъ: соглашеніе съ Англіей невозможно; Англія его не желаетъ; если бы даже была найдена база для переговоровъ, то мы несомнѣнно должны были бы пожертвовать нашими самыми жизненными интересами. Основанія, которыя мнѣ приводились, не могли меня однако убѣдить. Стоило только осмотрѣться кругомъ, чтобы убѣдиться, что за предѣлами черно-бѣло-красныхъ границъ нерѣдко удавались комбинаціи и потруднѣе упомянутой. Правда, онѣ удавались людямъ, понимавшимъ свое ремесло и свое время. Даже утвержденіе, что Англія будто бы не хотѣла соглашенія, для того времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, не соотвѣтствуетъ на мой вглядъ дѣйствительности, хотя и вѣрно, что это соглашеніе не навязывалось уже намъ

тогда такъ, какъ это было въ началѣ бурской войны, когда къ нему настойчиво стремился Жозефъ Чемберлэнъ, совершенно явно высказывавшійся за тройственный союзъ: Германія—Англія—Соединенные Штаты Америки. Сказать, что въ то время эти возможности, которыя мы тогда упустили, были совершенно потеряны для насъ, — нельзя. Какъ бы то ни было, я долженъ былъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что князя Бюлова и его политическихъ сотрудниковъ нельзя было склонить къ серьезному, на прочной основѣ покоющемуся, соглашенію съ Англіей. Ихъ, повидимому, вполнѣ удовлетворяло состояніе внѣшне добрыхъ и вѣжливыхъ отношеній, они считали такое состояніе оправдываемымъ событіями и не видѣли никакихъ основаній считать положеніе острымъ и угрожающимъ, какъ оно представлялось сужденію многихъ болѣе проницательныхъ людей.

Поэтому я и пытался далѣе искать выхода, считаясь уже съ этой данной и не подлежащей измѣненію основой, опредѣлявшейся точкой зрѣнія Вильгельмштрассе [1].

Въ самомъ дѣлѣ, разъ соперничество съ Англіей приходилось уже считать неустранимымъ фактомъ и пропасть, вырытую со времени бурской войны и опрометчивой телеграммы Крюгеру (которая впрочемъ совершенно несправедливо приписывается кайзеру!), непроходимой, то въ качествѣ другого союзника, на котораго только и можно было опереться въ Европѣ, оставалась одна лишь Россія. Если бы мы находились съ Россіей въ союзѣ, то Англія никогда бы не рѣшилась на войну съ нами. Болѣе того, она должна была бы оставаться довольной, если бы союзъ этотъ не угрожалъ англійскому господству въ Индіи. Такимъ образомъ все должно было быть направлено на то, чтобы вновь связать нить, которая послѣ ухода Бисмарка была порвана нашимъ отказомъ отъ возоб-

[1] На Вильгельмштрассе — дворецъ имперскаго канцлера.

новленія договора, чтобы поколебать русско-французскій союзъ и склонить Россію къ сближенію съ нами. Конечно, это тоже было нелегкое дѣло, но успѣхъ на этомъ пути былъ возможенъ, если бы мы оказали Россіи поддержку въ ея стремленіи къ Дарданелламъ и Персидскому заливу. Я бесѣдовалъ тогда съ турецкими политиками по этому вопросу и нашелъ, что мысль о свободномъ проходѣ чрезъ Дарданеллы не наталкивается съ ихъ стороны на безусловное противодѣйствіе. Также и нашъ второй союзникъ, Австро-Венгрія, врядъ-ли безусловно воспротивилась бы такому рѣшенію вопроса. Мнѣ и казалось поэтому, что въ этомъ направленіи можно было бы многаго достигнуть.

Франція послѣ того, какъ лѣтомъ 1905 года была окончательно упущена возможность полнаго соглашенія съ кабинетомъ Рувье, склонявшимся къ соглашенію въ виду дальневосточнаго пораженія Россіи, не входила въ разсчеты при всѣхъ этихъ соображеніяхъ о возможномъ союзникѣ. Благодаря умѣлому разжиганію старой идеи реванша противъ Германіи во Франціи была опять совершенно забыта даже горечь причиненнаго ей Англіей позора Фашоды. Conditio sine qua non для какого бы то ни было соглашенія съ нею была бы уступка ей, если не всей, то значительной части Эльзасъ-Лотарингіи — вопросъ, который во время мира для насъ не подлежалъ, конечно, обсужденію.

Однако со стороны правительства, какъ въ эпоху Бюлова, такъ и въ годы правленія Бетмана не было сдѣлано никакихъ шаговъ ни къ соглашенію съ Англіей, ни къ сближенію съ Россіей. Не было никакой энергичной и ясной программы дѣйствій. Правительство надѣялось, что ему удастся обойти всѣ опасности войны; цѣпляясь за моментъ, оно хотѣло жить со всѣми въ мирѣ и вело близорукую политику текущаго дня, ничего уже общаго не имѣвшую съ

искусными и дальновидными идеями бисмарковской традиціи.

Такъ будущее представлялось мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ, когда я спрашивалъ себя, что собственно думаютъ о нашемъ политическомъ положеніи руководители нашей политики. Что они не понимали всей серьезности положенія, въ это я не хотѣлъ вѣрить, ибо одинъ уже фактъ нашей изоляціи долженъ былъ бы даже всякаго профана, обладающаго хоть нѣкоторой долей здраваго разсудка, привести къ выводу, что мы съ нашей политикой мира — «никому въ дружбу и никому въ тягость» — были на прямомъ пути къ тому, чтобы сидѣть между всѣми стульями. Такъ мнѣ ничего не оставалось, какъ только констатировать то непонятное мнѣ спокойствіе, съ которымъ руководители нашей политики въ это время вели Германію къ полному одиночеству, тогда какъ кругомъ насъ кольцо нашихъ противниковъ смыкалось все уже и уже.

Игра была неравная!

Она была неравной также и въ отношеніи лицъ, противостоявшихъ другъ другу въ качествѣ показателей тѣхъ силъ, которыя съ обѣихъ сторонъ являлись движущими факторами развитія.

Съ одной стороны Кайзеръ, правленіе котораго вплоть до кризиса ноября 1908 года отличалось рѣзкой самоувѣренностью и, пожалуй, иногда слишкомъ часто подчеркиваемой волей къ власти. Наряду съ нимъ опредѣлявшійся въ своей политикѣ всевозможными настроеніями и разнообразными симпатіями или антипатіями Его Величества князь Бюловъ. А съ сентября слѣдующаго года Теобальдъ фонъ Бетманъ.

А на другой сторонѣ — король Эдуардъ VII, а наряду и за нимъ полдюжины сильныхъ ясныхъ головъ, продолжавшихъ свою опредѣленную линію прочно укорененной въ прошломъ традиціи, не отклоняемыхъ никакими настроеніями и выполнявшихъ чисто анг-

лійскую программу, имѣвшую въ виду исключительно благо Англіи.

Еще разъ: игра была неравной!

Я отнюдь не недооцѣниваю большихъ способностей князя Бюлова, помогавшихъ ему даже въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ смягчать противорѣчія, находить равновѣсіе, примирять самыя различныя требованія, заполнять открывавшіяся пропасти. Это не былъ человѣкъ типа строителей средневѣковыхъ соборовъ, это не былъ человѣкъ калибра Бисмарка, мощной, творческой силы и широкаго кругозора. Но онъ блестящимъ образомъ умѣлъ быть господиномъ тѣхъ маленькихъ средствъ, которыми пользуется текущая политика дня для того, чтобы отъ плохого сегодня доползти до, быть можетъ, сноснаго завтра. Это былъ серьезный политикъ, основательно изучившій технику своего ремесла и владѣвшій ею даже съ нѣкоторой граціей. И въ связи съ этимъ чуждый всякаго шарлатанства. Къ тому же знатокъ людей, прекрасно умѣвшій обходиться съ тѣми, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Это была личность.

Изъ всѣхъ канцлеровъ послѣ Бисмарка князь Бюловъ представляется мнѣ безусловно самымъ значительнымъ — моя оцѣнка его выходитъ далеко за предѣлы этого относительного комплимента, въ сущности мало говорящаго. Въ своемъ родѣ онъ былъ вождемъ и не упускалъ вожжей изъ своихъ рукъ. Онъ умѣлъ блестящимъ образомъ представлять свою политику въ рейхстагѣ, и его проникнутые подлиннымъ національнымъ чувствомъ рѣчи оказывали всегда свое вліяніе. При этомъ онъ умѣлъ договариваться и въ личныхъ отношеніяхъ съ парламентаріями, иностранцами и представителями печати былъ всегда тактиченъ. И какъ никто изъ своихъ предшественниковъ, кромѣ перваго канцлера, онъ искусно умѣлъ пользоваться въ своихъ цѣляхъ печатью и общественнымъ мнѣніемъ. О моихъ бесѣдахъ съ нимъ я вспо-

минаю съ большимъ удовольствіемъ: сколько легкости и преданности въ образѣ мышленія, сколько здраваго смысла, сколько вѣрности въ сужденіяхъ его о людяхъ и проблемахъ.

По моему убѣжденію даже и лѣтомъ 1917 года это былъ лучшій кандидатъ въ канцлеры. Я очень тогда сожалѣлъ, что послѣ ухода Бетмана князь Бюловъ не былъ призванъ на его мѣсто. Онъ несомнѣнно сумѣлъ бы тогда добиться болѣе плодотворной совмѣстной работы имперскихъ органовъ съ высшимъ военнымъ командованіемъ, и я полагаю, что этому искусному дипломату, пожалуй, удалось бы даже найти путь, который вывелъ бы насъ изъ трудностей міровой войны и привелъ бы насъ къ болѣе или менѣе сносному для нашей родины миру. Во время обѣихъ смѣнъ канцлера во время войны я передъ Его Величествомъ настаивалъ на немъ или на Тирпицѣ. Оба раза, къ сожалѣнію, безуспѣшно. Вторичное назначеніе Бюлова канцлеромъ удалось бы провести даже несмотря на восходящую къ ноябрьскимъ событіямъ 1908 года непріязнь Кайзера къ князю Бюлову, если бы за него подали также свой голосъ политически вліятельныя тогда инстанціи. Оба раза я могъ констатировать какъ эти инстанціи предусмотрительно старались, чтобы Кайзеръ отвергъ Бюлова.

На той сторонѣ стоялъ англійскій король. Я знаю, какъ распространенъ и не только въ широкихъ кругахъ общества взглядъ, стремящійся приписать королю Эдуарду какъ бы личную ненависть противъ Германіи, своего рода дьявольскую жажду уничтоженія, проявлявшуюся въ искусномъ кованіи политическаго кольца, долженствовавшаго задушить Германію. Этотъ образъ короля Эдуарда страдаетъ, на мой взглядъ, отсутствіемъ всякой объективности. Также и отношеніе моего отца къ королю Эдуарду было пропитано множествомъ предразсудковъ. Повидимому здѣсь сыграла свою роль все время проявляв-

шаяся въ жизни Кайзера черта, его склонность приписывать неудачи своей политики дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ и видѣть въ нихъ результаты лично противъ него направленной злобы. При этомъ однако, правда, между обоими этими людьми дѣйствительно имѣло мѣсто нѣкоторое какъ бы скрытое взаимное нерасположеніе, несмотря на всю внѣшнюю сердечность ихъ отношеній. Кайзеръ не могъ не чувствовать, что его иногда слишкомъ громкій и болѣе шумливый, чѣмъ внутренне сильный способъ дѣйствія, наталкивался здѣсь на имѣвшее за собой большой жизненный опытъ чутье дѣйствительности, на холодный скепсисъ, а иногда пожалуй и на ироническое молчаніе. На своего рода молчаливую обструкцію, которая, съ одной стороны, была слишкомъ гладко отшлифована, чтобы дать поводъ какимъ нибудь новымъ выступленіямъ, а съ другой стороны однако легко вызывала Кайзера къ еще большей раздраженности въ дѣйствіяхъ.

Мнѣ, знавшему короля Эдуарда съ ранней юности и почти что до самой его кончины имѣвшему частую возможность бесѣдовать съ нимъ о прошломъ и настоящемъ, образъ его представляется совсѣмъ иначе. Я и до сихъ поръ вижу въ немъ человѣка большого житейскаго опыта, яснаго ума и одного изъ самыхъ удачныхъ современныхъ монарховъ за много лѣтъ. Лично ко мнѣ, насколько я могу судить, онъ всегда выказывалъ особенно дружеское расположеніе и, какъ я уже однажды упоминалъ, принималъ живое участіе въ моемъ развитіи. Въ 1901 году, вскорѣ послѣ кончины королевы Викторіи, онъ въ замкѣ Осборнъ возвелъ меня въ рыцари ордена Подвязки. Мнѣ тогда не было еще двадцати лѣтъ, и я до сихъ поръ вспоминаю его слова, обращенныя ко мнѣ и полныя сердечнаго и чисто родственнаго отношенія. Мнѣ казалось, что онъ чувствуетъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за мое будущее развитіе. Его семейныя чувства были вообще сильно развиты. Пріятно было видѣть

его, напримѣръ, въ кругу его датскихъ родственниковъ въ Копенгагенѣ; тамъ онъ былъ только добрымъ дядей и очаровательнымъ по любезности человѣкомъ.

Мы часто проводили съ нимъ вмѣстѣ по многу часовъ за непринужденной бесѣдой. Онъ, удобно расположась въ своемъ большомъ креслѣ съ громадной спинкой, разсказывалъ мнѣ въ теченіе этихъ бесѣдъ множество интересныхъ вещей, при случаѣ также и о своей собственной жизни. Благодаря всему тому, что онъ мнѣ далъ, и тому, что я видѣлъ собственными глазами, у меня и слагается его образъ, — его образъ, не содержащій въ себѣ ни одной черты интриганства. Образъ его, какъ блестящаго представителя интересовъ своей страны, который по моему убѣжденію съ большей охотой защищалъ бы эти интересы вмѣстѣ съ Германіей, чѣмъ противъ Германіи, который однако, когда этотъ первый путь оказался закрытымъ, имѣлъ въ виду только одно, именно представлявшуюся ему необходимой охрану интересовъ страны, какъ таковую.

Благодаря долговременному правленію своей матери, Эдуардъ VII уже въ преклонныхъ лѣтахъ вступилъ на престолъ. Въ качествѣ принца Уэльскаго онъ широкимъ образомъ использовалъ находившееся въ его распоряженіи даже слишкомъ уже продолжительное время подготовки къ престолу. Онъ получилъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Ставъ совершеннолѣтнимъ, онъ жадно кинулся въ жизнь и предался одно время сильно его волновавшимъ страстямъ къ женщинамъ, игрѣ и спорту. Дурно или хорошо, но онъ такимъ образомъ познакомился со всѣми кругами, со всѣми слоями общества, и ничто человѣческое не осталось ему чуждо. Какъ старый успокоившійся морякъ говоритъ о пережитыхъ имъ путешествіяхъ минувшихъ лѣтъ, такъ и онъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ времени, о которомъ общественное мнѣніе только и могло что высказывать суровыя отрицательныя сужденія. Для него и для его

страны эти годы безпокойной и бурной жизни оказались плодотворными. Его острый и хладнокровно взвѣшивающій обстоятельства взоръ, его практическій смыслъ вели его при этомъ къ всегда удачному знанію людей и научили его трудному искусству правильной оцѣнки и искуснаго обращенія съ людьми. Я врядъ ли встрѣчалъ другого человѣка, который умѣлъ бы такъ, какъ это удавалось ему, очаровывать людей, съ которыми онъ вступалъ въ общеніе. При этомъ не было замѣтно никакого тщеславія, никакого явнаго желанія произвести впечатлѣніе своей любезностью или своимъ разговоромъ. Напротивъ, онъ почти что совсѣмъ отходилъ на задній планъ. Казалось, что собесѣдникъ его становился важнѣе его самого. Такъ, вникая въ слова другого, спрашивая, выслушивая разсказы другихъ, онъ у каждаго производилъ впечатлѣніе, что онъ, король, самымъ живѣйшимъ образомъ интересуется дѣлами и мыслями своего собесѣдника, занятъ имъ и готовъ у него поучиться. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ своими друзьями и приверженцами массу людей и прежде всего тѣхъ, въ которыхъ онъ нуждался.

Тотъ фактъ, что онъ былъ большимъ цѣнителемъ и знатокомъ спорта, тоже весьма помогъ укрѣпленію его положенія въ странѣ. У него была превосходная скаковая конюшня. Онъ очень любилъ парусный спортъ и былъ, пожалуй, лучшимъ стрѣлкомъ въ Англіи. Также его любовь къ красивымъ женщинамъ, которой онъ остался вѣренъ до позднихъ дней своей жизни, можетъ многое объяснить въ тѣхъ чрезвычайныхъ симпатіяхъ, которыми онъ пользовался въ Англіи и всюду на континентѣ. Въ своемъ внѣшнемъ образѣ и въ своемъ поведеніи онъ былъ grand-seigneur'омъ и свѣтскимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Будучи хорошимъ знатокомъ людей и хладнокровнымъ тактикомъ, онъ всегда, когда ему приходилось выставлять подъ ударъ свою собственную личность,

достигалъ въ концѣ концовъ успѣха. Именно благодаря его вліянію Франція, несмотря на Фашоду, вступила въ entente cordiale съ Англіей, и лично онъ сумѣлъ все болѣе и болѣе отдалить царя отъ Германіи и направить его, несмотря на крупныя экономическія противорѣчія на Дальнемъ Востокѣ и въ Персіи, въ орбиту англійской политики.

Для чего все это? Чтобы уничтожить Германію? Конечно, нѣтъ. — Но онъ и его страна поняли, что Германія въ послѣдніе годы въ экономическомъ, торгово-политическомъ и промышленномъ отношеніи достигла такой степени подъема, что передъ Англіей встала грозная опасность быть ею превзойденной. Этому нужно было положить предѣлъ. И такъ какъ соглашенія достичь не удалось, то экономическое окруженіе оказалось для него средствомъ поставить рамки нашему развитію. Войны съ Германіей, по моему мнѣнію, король не хотѣлъ. Я даже думаю, что онъ не только былъ въ состояніи предотвратить возникновеніе войны, но и дѣйствительно предотвратилъ бы ее. Я это думаю потому, что широкій государственный кругозоръ короля не только бы провидѣлъ опасность революціи, но также и весь тотъ рискъ, которому подвергли бы себя великія державы Европы, если бы, вооруженныя какъ никогда раньше, онѣ начали бы взаимно истреблять другъ друга и тѣмъ самымъ утратили бы свою силу и вліяніе въ міровой конкурренціи. Я иду еще дальше. Принимая во вниманіе то признаніе, которымъ король пользовался въ Европѣ и во всемъ мірѣ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что дѣло бы не остановилось на созданіи тройственной Антанты, если бы ему было суждено болѣе продолжительное царствованіе. Вполнѣ возможно, что ему удалось бы построить мостъ между Антантой и Тройственнымъ союзомъ и тѣмъ самымъ создать Соединенные Штаты Европы. Онъ могъ это, но только онъ одинъ.

Его эпигоны превратили его дѣло въ орудіе политики Россіи и Франціи, и это была уже война — задолго до того, когда она была рѣшена своими послѣдними средствами, оружіемъ.

Въ виду такого внѣшне политическаго положенія для германской имперіи оставался только одинъ выходъ: въ ожиданіи неминуемой развязки первѣйшимъ ея долгомъ было вооружаться и такой же максимальной обороноспособности требовать также и отъ Австріи, которая подъ вліяніемъ эрцгерцога Франца Фердинанда и признанныхъ имъ людей вступила на путь болѣе активной политики. Такимъ сбразомъ мы въ случаѣ нужды могли бы по крайней мѣрѣ надѣяться на почетный и хоть нѣсколько сносный исходъ столкновенія. Однако не только общая внѣшнеполитическая обстановка говорила о растущей опасности. Лихорадочныя и явно направленныя противъ насъ вооруженія державъ Согласія тоже указывали, что на той сторонѣ хотѣли быть готовыми, и что тамъ только еще ожидали удобнаго лозунга къ войнѣ. Франція не щадила ни своего человѣческаго матеріала, ни своихъ финансовъ для того, чтобы держать наготовѣ войско, несоразмѣрно большое по сравненію съ своими средствами. Россія на французскія деньги отрывала отъ земли сотни тысячъ своихъ крестьянъ для того, чтобы одѣть ихъ въ землисто-коричневую форму. Италія жадно цѣлилась на турецкое Триполи и строила фортъ за фортомъ на границѣ Австріи, съ которой она находилась въ союзѣ и которую она такъ глубоко ненавидѣла. Англія взирала на все это и въ свою очередь спускала на воду корабль за кораблемъ.

Передъ лицомъ всѣхъ этихъ громадныхъ опасностей наши собственныя вооруженія продолжали ограничиваться минимумомъ необходимаго. И если бы нужны были доказательства того, что мы не искали войны, то далеко не плохимъ аргументомъ было бы указаніе на тотъ фактъ, что война не застала

насъ подготовленными такъ, какъ мы должны были бы быть подготовленными. Поскольку мнѣ позволяю мое слабое вліяніе и предоставленная мнѣ узкая сфера дѣятельности, я, имѣя въ виду это угрожающее положеніе, при всякомъ случаѣ въ эти годы до войны настаивалъ на усиленіи нашей военной мощи.

Многаго достичь не удалось. Послѣдній военный бюджетъ 1913 года пришлось чуть ли не насильно вырвать у канцлера Бетмана-Гольвега, а перевооруженіе полевой артиллеріи такъ вообще и не удалось провести до начала войны, и долго во время войны мы должны были ощущать послѣдствія первоначальнаго превосходства французской полевой артиллеріи.

Я говорю сейчасъ уже объ эпохѣ Бетмана. Но я бы не хотѣлъ все же покинуть время канцлерства князя Бюлова, не остановившись на конфликтѣ въ ноябрѣ 1908 года, который изъ всѣхъ событій довоеннаго времени болѣе другихъ потрясъ Кайзера.

Въ засѣданіи рейхстага отъ 10 ноября — день въ день за десять лѣтъ до несчастнаго конца и отъѣзда въ Голландію! — противъ него разразилась цѣлая буря, продолжавшая бушевать и весь слѣдующій день. Причины этой бури извѣстны.

Какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности?

Въ 1907 году мой отецъ, во время своего пребыванія на островѣ Уайтѣ, имѣлъ цѣлый рядъ неоффиціальныхъ бесѣдъ съ генераломъ въ отставкѣ Стюартомъ Вортлеемъ, владѣльцемъ замка Гайклифъ. Въ этихъ бесѣдахъ имъ, несомнѣнно безъ всякаго умысла, былъ высказанъ цѣлый рядъ сужденій, быть можетъ, и не подходящихъ для оглашенія. Когда впослѣдствіи Вортлей изъ этихъ разговоровъ съ отцомъ составилъ съ помощью англійскаго журналиста Гарольда Спенглера интервью, предназначенное имъ для «Дейли Телеграфъ», и послалъ Кайзеру рукопись этого интервью, прося его дать разрѣшеніе на его опубликованіе, то Кайзеръ вполнѣ лойяльнымъ образомъ немедленно отослалъ рукопись рейхсканцлеру въ Бер-

линъ, запросивъ его мнѣнія по этому поводу. Такимъ образомъ поведеніе Кайзера было вполнѣ корректно, онъ ни въ чемъ не отступилъ отъ установленнаго порядка, если развѣ не считать только самихъ высказанныхъ имъ сужденій, какъ таковыхъ. Но и въ этомъ отношеніи въ пользу моего отца слѣдуетъ сказать, что эти сужденія были высказаны имъ съ вполнѣ благимъ намѣреніемъ, такъ какъ онъ ими хотѣлъ способствовать улучшенію германо-англійскихъ отношеній, также какъ и генералъ Стюартъ Вортлей, исходя именно изъ этого же намѣренія, рѣшилъ предать ихъ гласности.

Изъ канцеляріи рейхсканцлера рукопись вернулась къ Кайзеру съ отмѣткой, что опубликованіе ея не вызываетъ сомнѣній. Къ сожалѣнію только, вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастныхъ совпаденій и проявленной халатности, ни одно изъ тѣхъ лицъ, на отвѣтственности которыхъ лежала упомянутая отмѣтка, въ дѣйствительности не прочелъ внимательно текста интервью. Отсюда и пошло все несчастье.

Въ теченіе двухъ дней бушевалъ Рейхстагъ противъ отсутствовавшаго изъ Берлина Кайзера. Два раза представители почти всѣхъ партій изливали свое возмущеніе. Все неудовольствіе, которое въ теченіе двухъ десятилѣтій накопилось, какъ противъ него лично, такъ и противъ его правленія, вылилось какъ то сразу и безъ удержу. Но человѣкъ, который, будучи облеченъ довѣріемъ моего отца, долженъ былъ въ этотъ моментъ какъ разъ выступить на его защиту и принять на себя ударъ, направленный на его Императора, отвернулся отъ него съ едва прикрытымъ жестомъ отреченія и, безразлично пожавъ плечами, ограничился молчаніемъ. — Что это было? Нервы? Возможно. Единственно кто тогда по рыцарски вступился на защиту своего короля, былъ старый и превосходный въ своей вѣрности депутатъ фонъ-Ольденбургъ. Несомнѣнно задача, предъ которой стоялъ

князь Бюловъ, была въ виду общаго и огромнаго возмущенія, тогда обнаружившагося, чрезвычайно трудна. Но съ другой стороны вполнѣ понятно и то, что Кайзеръ, который въ данномъ случаѣ поступилъ вполнѣ корректно и вдругъ, въ первый разъ въ своей жизни наткнулся на почти что единодушную вражду къ нему народа (и это Кайзеръ, который раньше, ничего не подозрѣвая, былъ какъ никто, увѣренъ въ себѣ самомъ!) увидѣлъ въ поступкѣ канцлера незаслуженную имъ измѣну.

А между тѣмъ газетная буря все продолжалась, выбрасывая ежедневно по дюжинѣ обвинительныхъ и осуждающихъ статей.

Мой отецъ вернулся изъ поѣздки и, подавленный волненіемъ и непониманіемъ, потрясенный всѣми этими событіями, лежалъ въ Потсдамѣ больной. Случилось то, что онъ никакъ не могъ понять: послѣ 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ считалъ себя кумиромъ большинства нѣмецкаго народа, а свое управленіе образцовымъ, ему и всей его политикѣ было совершенно не двусмысленнымъ образомъ высказано явное недовѣріе.

Въ эти то дни я срочно былъ вызванъ въ Новый Дворецъ.

Въ дверяхъ меня встрѣтилъ камердинеръ моей матери, старый Гепфнеръ. Онъ ждалъ меня, чтобы передать, что ея величество просила меня зайти къ ней прежде чѣмъ я доложу о себѣ Кайзеру.

Мать моя приняла меня тотчасъ. Она была потрясена, глаза ея были красны. Она поцѣловала меня, сжала мою голову обѣими руками и, смотря мнѣ въ глаза, спросила меня.

— Ты знаешь, мой сынъ, зачѣмъ ты здѣсь?

— Нѣтъ, мама.

— Тогда иди къ отцу. И испытуй свое сердце, прежде чѣмъ ты рѣшишься.

Тогда я понялъ, въ чемъ было дѣло.

Нѣсколько минутъ спустя я былъ уже у моего отца, лежавшаго въ кровати. Я былъ глубоко пораженъ его видомъ.

Только еще одинъ разъ онъ такъ выглядѣлъ. Ровно десять лѣтъ спустя въ Спа, въ тотъ несчастный день, когда генералъ Гренеръ хладнокровнымъ пожатіемъ плечами разрушилъ его послѣднюю опору, его вѣру въ армію.

Онъ показался мнѣ постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ, утратившимъ всякую надежду. Онъ чувствовалъ себя покинутымъ всѣми и совершенно раздавленнымъ той катастрофой, которая отняла у него изъ подъ ногъ почву и разрушила его вѣру въ себя и довѣріе.

Мнѣ было его глубоко жаль. Врядъ ли когда нибудь я чувствовалъ себя столь близкимъ ему, какъ въ этотъ часъ.

Онъ попросилъ меня сѣсть и заговорилъ объ этихъ событіяхъ быстро, ожесточенно, жалуясь. Разочарованіе, полный упадокъ духа и резиньяція чувствовались въ его словахъ, и сквозь нихъ все время прорывалась горечь отъ несправедливости, оказанной ему во всемъ этомъ дѣлѣ.

Я пытался его успокоить и ободрить.

Около часу тогда просидѣлъ я около его кровати. За время моей сознательной жизни это было въ первый разъ.

Подъ конецъ было рѣшено, что на короткое время вплоть до полнаго выздоровленія Кайзера на меня будетъ возложена обязанность какъ бы его замѣщать.

Во время исполненія этой обязанности я намѣренно не проявлялъ никакой личной политики и довольно скоро я былъ вообще освобожденъ отъ нея, ибо уже чрезъ нѣсколько недѣль Кайзеръ съ виду совершенно оправился.

Но только съ виду! Ибо, какъ я уже упомянулъ однажды, вполнѣ оправиться отъ этого удара онъ уже

никогда не могъ. Подъ внѣшней маской своей былой самоувѣренности онъ съ тѣхъ поръ возложилъ на себя обѣтъ воздержанія отъ всякой личной активной политики, далеко переходившаго границы, которыми по конституціи была очерчена его роль въ государственномъ управленіи. Во время войны это самоограченіе привело его къ почти полному воздержанію отъ всякаго вмѣшательства въ оперативныя и организаціонныя мѣропріятія начальника генеральнаго штаба. Я всегда сожалѣлъ объ этомъ обстоятельствѣ, ибо всякій разъ, когда я бесѣдовалъ со своимъ отцомъ объ общемъ стратегическомъ положеніи, я почти всегда выносилъ впечатлѣніе, что онъ схватывалъ самую суть дѣла.

Іюль 1919.

Сейчасъ разгаръ лѣта и ясные дни стоятъ на островѣ, на которомъ я живу вотъ уже скоро три четверти года.

Три четверти года, въ теченіе которыхъ я полюбилъ окружающій меня узкій мірокъ съ его людьми, въ теченіе которыхъ тишина, небо и море, уединеніе и удаленность отъ міра дали мнѣ много такого, чего я раньше не зналъ. Анализируя себя самого, я какъ то выросъ душевно въ этомъ внутреннемъ странствованіи черезъ созерцаніе и познаніе вещей, лежащихъ позади, разыгрывающихся вокругъ меня и имѣющихъ еще наступить. Нѣтъ, это не бездѣятельныя мечтанія, ибо день мой съ ранняго утра до вечера заполненъ, распредѣляясь теперь, какъ и сегодня, между моими письмами, моими замѣтками, чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ, спортомъ.

Я не могу сказать, чтобы я чувствовалъ себя несчастнымъ въ своемъ одиночествѣ, и причина этого, я думаю, коренится въ моей неудовлетворенной жаждѣ дѣйствія, которая, неутоленная внутри, вопреки всему, заставляетъ меня надѣяться на будущее. На

будущее, которое такъ или иначе откроетъ мнѣ снова возможность вступить въ ряды моихъ нѣмецкихъ братьевъ для работы на благо общей намъ родины.

Испытываю ли я безпокойство по поводу все еще высказываемыхъ Антантой намѣреній потребовать выдачи т. н. виновниковъ войны? Объ этомъ вновь и вновь спрашиваютъ меня письма добрыхъ людей съ родины. На что я опять таки могу имъ только повторить: Нѣтъ, изъ за этого врядъ ли у меня посѣдѣлъ хоть одинъ волосъ.

Я тоскую, но я тоскую по родинѣ, по своей женѣ, по своимъ дѣтямъ. Часто тоска вдругъ нападаетъ на меня, приходитъ благодаря случайно брошенному слову, воспоминанію, образу. Недавно, когда я однажды взялъ было въ руки скрипку, чтобы немножко поиграть, я такъ и не смогъ: тяжело было на душѣ.

А затѣмъ ночь. Окна открыты и слышенъ отдаленный шумъ моря, а иногда глухое мычаніе скота на выгонѣ. У Генриха Гейне гдѣ то стоитъ: «Denk' ich an Deutschland in der Nacht, bin ich um meinen Schlaf gebracht» (только подумаю я среди ночи о Германіи, я уже не могу болѣе спать).

Въ эти послѣдніе дни іюня пришло извѣстіе о подписаніи версальскихъ условій. Мирный договоръ, — это слово трудно даже какъ то написать, когда подумаешь о тѣхъ драконовыхъ условіяхъ, которыя навязала намъ слѣпая месть, когда подумаешь объ этой густо сплетенной сѣти оковъ, наброшенныхъ на нашу несчастную родину. Не знающія никакой мѣры требованія, невыполнимыя даже при наличіи самого добросовѣстнаго желанія ихъ выполнить, грубыя угрозы затянуть наброшенную на шею веревку, въ случаѣ истощенія силъ. И ко всему тому безпримѣрная глупость, — памятникъ, увѣковѣчивающій войну и ненависть и ожесточеніе, тогда какъ только освобожденіе отъ давящей тяжести минувшихъ лѣтъ и возрожденіе взаимнаго довѣрія народовъ другъ къ

другу можетъ, казалось, повести къ новому, мирному творческому ихъ сожительству.

Такъ ничего не остается, какъ только вѣрить въ столько разъ оправдывавшую себя творческую силу и выносливость нѣмецкаго народа, который, черезъ какую бы тьму и глубину паденія ни вела его жестокая судьба, всегда вновь и вновь находилъ путь наверхъ и къ свѣту. И непоколебимой остается великая истина міровой исторіи, что безуміе въ концѣ концовъ гибнетъ отъ себя самого.

Бѣдными вступаютъ въ ближайшее будущее наша родина и нашъ народъ. Вмѣстѣ съ колоніями, отторгнутыми землями и судами разбойничій договоръ, покоящійся на громадной лжи о мнимыхъ виновникахъ войны, отнялъ у него также и весь его вѣсъ въ мірѣ. Онъ разбилъ его фабрики и заводы, лишаетъ его духовныхъ пріобрѣтеній и насильственно исключаетъ его изъ конкурренціи въ широкихъ областяхъ творчества. Горькія униженія готовитъ онъ ему, желаетъ подавить его и уничтожить, исполненный непримиримой ненависти и непогасшаго еще страха.

И все же вопреки всему: наше отечество будетъ жить и вновь переживетъ расцвѣтъ. А объ этомъ навязанномъ намъ теперь договорѣ будутъ вспоминать тогда лишь какъ о презрѣнномъ позорѣ давно минувшихъ лѣтъ.

Покоя желаю я родинѣ, того внутренняго мира, который дастъ ей вомзожность опять найти себя и послѣ перенесенныхъ ею неслыханныхъ жертвъ и ударовъ судьбы снова оправиться и окрѣпнуть. И я самъ хочу участвовать въ этой работѣ во имя ея будущаго величія. А между тѣмъ — единственная услуга, которую я могу оказать сейчасъ своей родинѣ — это отойти въ сторону и нести дальше бремя изгнанія.

Въ тотъ краткій срокъ, когда я замѣщалъ кайзера, я глубже чѣмъ за все предыдущее время заглянулъ

въ механизмъ его государственной работы: въ особенности ознакомился я съ информаціей, которую онъ получалъ отъ различныхъ учрежденій и съ тѣмъ, какъ онъ распредѣлялъ свое время. И хотя общія черты этого механизма, благодаря многолѣтнимъ наблюденіямъ со стороны, мнѣ были хорошо извѣстны тѣмъ не менѣе — я помню это точно — болѣе близкое ознакомленіе съ нимъ меня глубоко поразило и озадачило. Если я говорю объ этомъ совершенно открыто, то отсюда уже ясно, что въ конечномъ итогѣ я не считаю отца единтвеннымъ виновникомъ такого положенія. Въ противовѣсъ своей страсти къ представительству кайзеръ въ основѣ своей былъ простымъ человѣкомъ, и если онъ мирился съ многими недостатками принятой въ его царствованіе системы управленія, то повинно въ этомъ отчасти внушенное ему воспитаніемъ традиціонное представленіе о королевскомъ достоинствѣ, главнымъ же образомъ свойственная ему готовность подчиняться обстановкѣ, созданной кругомъ него его приближенными, и неумѣніе вести собственную простую линію, болѣе соотвѣтствовавшую его существу. Такъ, стараніями его приближенныхъ создался для всѣхъ мелкихъ и мельчайшихъ дѣйствій сложный церемоніалъ, въ корнѣ уничтожавшій всякую естественность; малѣйшій камешекъ устранялся съ его пути, всякій звукъ, непріятный его уху, заглушался, едва возникнувъ.

Эта система, практиковавшаяся десятилѣтіями, съ теченіемъ времени отучала императора прямо въ глаза смотрѣть суровой дѣйствительности и давать ей когда слѣдуетъ, должный отпоръ. Но привыкши даже къ тому, чтобы его путь на каждомъ шагу устилали коврами — могъ ли онъ устоять передъ лицомъ дѣйствительно серьезныхъ конфликтовъ, гдѣ помочь ему могла бы лишь собственная твердая воля?

Въ вопросахъ представительства потеря времени въ разсчетахъ кайзера какъ будто не играла роли.

А между тѣмъ на спокойное и серьезное обсужденіе самыхъ важныхъ вопросовъ ему часто не хватало времени.

Требовалась порой ловкость настоящаго фокусника — какъ для министровъ и статсъ-секретарей, такъ и для меня, — чтобы пробить стѣну приближенныхъ, ревниво оберегавшихъ государя отъ всего, что могло бы его обременить, обезпокоить, разстроить или утомить. Но если даже это удавалось, цѣль далеко еще не была достигнута. Я прекрасно помню случаи, когда какое нибудь превосходительство приходило съ цѣлью сдѣлать кайзеру докладъ по тому или другому жгучему вопросу, и удалялось затѣмъ, не выполнивъ своего намѣренія, но зато, правда, съ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ живости, свѣжести и общительности его величества, а иногда и обогативъ свои знанія въ области техники или науки. Кто не добивался своего доклада съ упорной настойчивостью, тотъ нерѣдко принужденъ былъ выслушать докладъ императора по тому же вопросу, а затѣмъ аудіенція кончалась, и докладчикъ уходилъ, не получивъ даже возможности изложить свою точку зрѣнія.

Я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, что кайзеръ знакомился съ общественнымъ мнѣніемъ по газетнымъ вырѣзкамъ, составлявшимся въ имперской канцеляріи.

При редактированіи этого матеріала руководились желаніемъ исключать все, что могло быть непріятнымъ или даже угрожающимъ императору, — больше стремились нравиться, чѣмъ информировать. Благодаря этому кайзеръ часто не узнавалъ того, что ему безусловно слѣдовало бы знать. — Въ томъ же духѣ бывали часто составлены и предназначенныя для государя сообщенія пословъ и консуловъ. Они представляли нерѣдко лишь болѣе или менѣе занимательную болтовню фельетоннаго характера — не больше. Когда въ 1908 г. эти «политическія» сообщенія проходили черезъ мои руки, я тщетно въ нихъ искалъ ясной

оцѣнки положенія, отчетливо нарисованныхъ картинъ и реальныхъ предложеній.

Исключеніе представляли въ этомъ отношеніи лишь сообщенія морскихъ офицеровъ и комендантовъ. Здѣсь сразу сказывался опытный и мѣткій глазъ, способность оцѣнивать вещи съ точки зрѣнія общаго положенія, испытанное спокойствіе и дѣльная критика. Иногда эти сообщенія содержали также разумныя и дальновидныя предложенія.

По всѣмъ затронутымъ здѣсь вопросамъ я и тогда и впослѣдствіи неоднократно излагалъ свои взгляды отцу, а также заинтересованнымъ отвѣтственнымъ лицамъ.

Августъ 1919.

Послѣдніе дни привели мнѣ нѣсколько дорогихъ гостей съ родины, прежде всего — превосходнаго маіора Бекъ, съ которымъ меня связываетъ много общихъ тяжелыхъ переживаній на фронтѣ. Въ часы, проведенные нами вмѣстѣ, дома и на долгихъ прогулкахъ, разговорами и въ молчаніи, снова передо мной ожили годы великой борьбы. Особенно мученія послѣднихъ дней послѣ нашей неудачи подъ Реймсомъ, — безудержное крушеніе силы и вѣры,—а затѣмъ—конецъ.

Навѣстили меня также нѣсколько голландскихъ семей; пріѣзжалъ Ильземанъ изъ Амеронгена и разсказывалъ много про мою дорогую мать. Она тяжело страдаетъ, хвораетъ, но не сдаетъ и полна лишь одной мыслью: нашимъ благомъ и благомъ отца; и однимъ желаніемъ: облегчить намъ наше бремя.

Но самое лучшее еще впереди: моя жена и дѣти должны ненадолго пріѣхать ко мнѣ на островъ. Я самъ еще не знаю, какъ мы въ такой тѣснотѣ и при отсутствіи всякихъ удобствъ устроимся, — но какъ-нибудь дѣло наладится. Трогательно видѣть, какъ при одномъ упоминаніи о предстоящемъ пріѣздѣ дѣтей, мнѣ со всѣхъ сторонъ приходятъ на помощь.

Не только на островѣ, — здѣсь всѣ меня полюбили и свойственную фризамъ сдержанность давно смѣнило сердечное сочувствіе всѣмъ моимъ радостямъ и горестямъ, — но и тамъ на материкѣ.

Въ эти дни собирается за покупками въ Амстердамъ Мюльнеръ, неутомимый и вѣрный товарищъ моего одиночества.

Нужно купить обои для одной комнаты, и пріобрѣсти кое-какую домашнюю утварь. Амстердамскіе друзья обѣщаютъ одолжить недостающую мебель. И пасторатъ украсится — иначе было бы невозможно пріютить здѣсь даму. Мои добрые хозяева работаютъ лихорадочно.

Однако, я хочу вернуться къ своему изложенію. Я остановился на воспоминаніяхъ о нашей внѣшней политикѣ въ довоенные годы. Непосредственно съ ней связана была внутренняя политика. И здѣсь мы страдали отъ того же недостатка послѣдовательности, твердости и дальновидности. Руководила нами злоба дня, а не попеченіе о будущемъ. Слѣдствіемъ были и здѣсь половинчатыя мѣры и общее недовольство. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ политически мыслить, у меня все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе, что правильной линіей нашей внутренней политики является нормальное развитіе въ сторону либерализма. Мнѣ было совершенно ясно, что въ наши дни нельзя управлять по принципамъ Фридриха Великаго или довольствоваться пустымъ жестомъ чисто внѣшняго подражанія. Но съ другой стороны я не могъ также примириться съ уступчивостью нашей политики, обычно запаздывавшей съ проведеніемъ либеральныхъ реформъ. Возведенная почти въ систему манера сначала отказывать, а потомъ вынужденно частично уступать, казалась мнѣ неправильной и опасной. Политика мудраго предвидѣнія, своевременно захватывающая событія и либерально оріентированная, должна была бы, по моему, положить предѣлъ безбрежнымъ при-

тязаніямъ разныхъ партій и добиться справедливаго равновѣсія силъ на благо цѣлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство могло бы тогда разсчитывать на нѣкоторое постоянство партійныхъ группировокъ.

Послѣ распада созданнаго княземъ Бюловымъ блока — который, конечно, не представлялъ собою особенно привлекательнаго зрѣлища — высшая мудрость парящей «надъ партіями» политики Бетманъ-Голльвега исчерпывалась судорожными попытками образованія большинства отъ случая къ случаю и недоразумѣніями съ мѣняющимися меньшинствами.

Съ соціалъ-демократіей, представляющей значительную часть рабочаго класса, прочно объединенную партійными организаціями, необходимо было серьезно считаться въ той мѣрѣ, въ какой ея политическія и экономическія стремленія могли быть согласованы съ исторически необходимымъ развитіемъ государственнаго организма. Но нельзя было допустить, чтобы всѣ мѣропріятія правительства вынуждались и навязывались именно ею. Въ своихъ попыткахъ заставить соціалъ-демократію сойти съ позиціи голаго отрицанія и принять участіе въ положительной работѣ, правительство Бетмана руководилось чисто идеологическими соображеніями, совершенно не понимая того, что соціалъ-демократы того времени по тактическимъ соображеніямъ не хотѣли отказаться отъ оппозиціонной политики въ рамкахъ существовавшей тогда конституціи. Въ результатѣ эта искусно руководимая и прекрасно организованная партія систематически эксплоатировала и ослабляла правительство. На остальныя партіи обращалось лишь мало вниманія. Совершенно забывали при этомъ, что уже тогда въ Германіи соціальное законодательство и государственное обезпеченіе рабочихъ безконечно превосходило своимъ гуманнымъ и прогрессивнымъ духомъ всѣ подобныя мѣропріятія въ другихъ странахъ и что это великое дѣло возникло при дѣятельной поддержкѣ со стороны императора. Также какъ въ

отношеніи оппозиціи, политика правительства была и въ польскомъ и эльзасъ-лотарингскомъ вопросахъ неясной, колеблющейся и почти всегда не во время суровой или уступчивой.

Надъ вопросомъ о хозяйственной мобилизаціи на случай войны правительство вообще не работало, хотя не могло быть сомнѣнія, что Англія въ такомъ случаѣ сейчасъ же попытается насъ отрѣзать отъ морскихъ путей сообщенія, и что въ отношеніи сырья и продовольствія намъ придется довольствоваться собственнымъ производствомъ и наличными запасами.

Единственный человѣкъ въ составѣ правительства, у котораго я по вопросамъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, всегда встрѣчалъ пониманіе моихъ заботъ и опасеній, былъ адмиралъ Тирпицъ.

Съ іюля 1909 г., когда Бетманъ-Голльвегъ занялъ мѣсто князя Бюлова, я неоднократно въ теченіе восьми лѣтъ его канцлерства пользовался случаемъ, чтобы объясниться съ нимъ о позиціи правительства по внѣшнимъ и внутреннимъ вопросамъ. Каждый разъ я снова узнавалъ въ немъ весьма почтеннаго и глубоко порядочнаго въ мысляхъ и поступкахъ человѣка; но мы никогда не были друзьями, непреодолимая пропасть раздѣляла наши темпераменты. На томъ посту, гдѣ мы должны были бы видѣть самаго смѣлаго, дальновиднаго и мудраго изъ всѣхъ нѣмцевъ, стоялъ тяжеловѣсный и нерѣшительный бюрократъ, весь отдавшійся усталой резиньяціи космополита и тихой покорности неотвратимому ходу историческихъ событій. Его охотно называли философомъ: философомъ изъ Гогенфинова. Я никогда не находилъ какихъ-либо слѣдовъ житейской мудрости въ этомъ вяломъ человѣкѣ, такъ легко впадавшемъ въ бездѣятельный фатализмъ и парализовавшемъ всякій смѣлый шагъ указаніемъ на нашу «положенную самимъ Богомъ зависимость». Радостное дерзновеніе было его безкрылой душѣ совершенно чуждо.

Этотъ вѣчно колеблющійся человѣкъ, котораго стѣсняло всякое соприкосновеніе со свѣжими людьми, конечно, не могъ быть удачнымъ представителемъ германской политики въ довоенное время и въ первые три года войны; еще меньше годился онъ въ партнеры тѣмъ людямъ дѣла, упорной воли и сосредоточенной силы, которыхъ Англія и Францiя выдвинули во время войны на самые отвѣтственные посты. Еще въ періодъ, когда я изучалъ нашу политическую информацію, многiя лица, сужденія которыхъ я цѣню, говорили мнѣ, что съ Бетманъ-Голльвегомъ можно хорошо спорить; бѣда лишь въ томъ, что это никогда не приводитъ къ положительному результату. Ибо къ чему бы ни сводился, казалось, окончательный итогъ разговора, Бетманъ всегда послѣ нѣкотораго размышленія прибавлялъ еще фразу, начинавшуюся словомъ «и всетаки»... Вотъ это «и всетаки» является подходящимъ мотто для всей политической дѣятельности Бетмана.

Настоящую публичную демонстрацію противъ него я позволилъ себѣ только одинъ разъ, и я охотно признаю, что мнѣ слѣдовало тогда отъ нея воздержаться. Въ засѣданіи рейхстага 9-го ноября 1911 г. я выразилъ апплодисментами свое одобреніе рѣчамъ направленнымъ противъ Мароккской политики Бетмана и Кидерленъ-Вехтера, которая своей вызывающей аггрессивностью, а потомъ столь же быстрымъ отступленіемъ нанесла германскому престижу серьезный уронъ. Въ лѣвой печати меня немедленно выставили тогда какъ ярaго приверженца всенѣмцевъ, проповѣдующихъ войну. — Но дѣло было не такъ! «Наглядный» методъ Кидерлена, выразившійся въ посылкѣ «Пантеры» въ Агадиръ, былъ мнѣ также несимпатиченъ, какъ поспѣшное отступленіе послѣ грозной рѣчи Ллойдъ-Джорджа въ Мэнщенъ-Хаузѣ, ибо и то и другое было лишь доказательствомъ неувѣренности нашихъ руководящихъ круговъ, совершенно не учитывавшихъ, какъ первый

шагъ долженъ былъ задѣть противную сторону, а второй — уронить нашъ престижъ передъ міромъ. Сознаніе крайней напряженности политической атмосферы и побудило меня тогда высказать свое одобреніе рѣчамъ, бичевавшимъ слабую и неустойчивую политику правительства.

Какая странная игра случая! опять девятое ноября, оставившее слѣдъ въ моей памяти! Три года послѣ бури, поднявшейся въ рейхстагѣ изъ-за появившагося въ «Daily Telegraph» интервью кайзера и ровно 7 лѣтъ до заключительнаго акта крушенія въ Берлинѣ и въ Спа!

Съ отцомъ мнѣ пришлось объясниться по поводу моего выступленія въ тотъ же вечеръ. Сначала его величество сдѣлалъ мнѣ внушеніе. Затѣмъ я далъ волю своему сердцу и высказалъ ему всѣ мои опасенія за будущее и соображенія о несостоятельности нашей политики и необходимости ея измѣненія. Я говорилъ вполнѣ откровенно и долженъ былъ снова убѣдиться, что кайзеръ не умѣетъ слушать. Мы продолжали сидѣть за столомъ, но разговоръ не клеился. Кончилось тѣмъ, что канцлеръ, державшій себя все время очень спокойно и съ достоинствомъ, по желанію императора и въ его присутствіи сдѣлалъ мнѣ обстоятельный докладъ, который, однако, меня не убѣдилъ.

Политика, вообще, и даже высокая политика не тайная наука. Времена Меттерниховскихъ пріемовъ и трюковъ миновали давно. Въ наши дни она не нуждается въ остроуміи рѣчи и можетъ обойтись безъ жабо Вѣнскаго конгресса такъ же, какъ безъ монокля позднѣйшей эпохи своего развитія. Однако наряду съ тѣмъ, чему каждый можетъ научиться, она предполагаетъ еще нѣсколько цѣнныхъ качествъ: здравый практическій смыслъ, сводящій всѣ проблемы на ихъ простѣйшую формулу, знаніе людей и ихъ индивидуальностей и пониманіе душевнаго склада тѣхъ народовъ, съ которыми ей приходится считаться.

Господинъ фонъ Бетманъ, почти совсѣмъ не знавшій заграницы, не обладалъ ни однимъ изъ этихъ качествъ. И эти недостатки не могли восполнить ни Кидерленъ-Вехтеръ, ни статсъ-секретарь фонъ Яговъ.

Правда среди нашихъ дипломатовъ были и люди другого калибра, съ яснымъ умомъ и широкимъ кругозоромъ, но имъ были предоставлены посты заграницей, и если къ ихъ голосу и прислущивались, то все же вліяніе ихъ на внѣшнюю политику было незначительно. Я не сомнѣваюсь, что такія лица, какъ Вангенгеймъ и Маршаллъ, а также Монтсъ и Меттернихъ сумѣли бы направить нашу внѣшнюю политику на правильный и стойкій путь.

Фонъ Бетманъ выдвигалъ всегда господина фонъ Кидерлена, какъ великое политическое свѣтило съ востока. Непосредственный и храбрый швабъ былъ мнѣ лично симпатиченъ — несмотря на инсценированный имъ прыжокъ Пантеры въ фарфоровую лавку Агадира. Однако особой пригодности его для важнѣйшаго поста по внѣшней политикѣ я не могъ въ немъ подмѣтить, тѣмъ болѣе что у него не хватало одной очень существенной черты: умѣнія смотрѣть иногда на вещи съ чужой точки зрѣнія. Онъ не только никогда не считался съ психологіей Англіи и Франціи, но не уловилъ даже политическаго настроенія той страны, въ которой онъ 10 лѣтъ представлялъ интересы Германіи — а именно Румыніи!

Это звучитъ какъ скверная шутка, а между тѣмъ это лишній примѣръ того, какъ плохо канцлеръ зналъ людей и какъ узокъ былъ горизонтъ политическихъ авгуровъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. — Вотъ факты, подтверждающіе мое мнѣніе объ освѣдомленности г. фонъ Кидерленъ-Вехтера въ румынскихъ дѣлахъ. Послѣ моего возвращенія изъ путешествія въ Румынію въ апрѣлѣ 1909 г. я доложилъ отцу, что тамъ, по моимъ впечатлѣніямъ, единственный расположенный къ намъ человѣкъ — это самъ король Карлъ. Руководящіе политическіе круги, ожи-

дающіе лишь смерти престарѣлаго короля, находятся подъ сильнѣйшимъ французскимъ и русскимъ вліяніемъ. Симпатіи супруги наслѣдника принадлежатъ Англіи, наслѣдникъ же сильно подверженъ вліянію жены. Поэтому — говорилъ я — я не могу отдѣлаться отъ мысли, что Румынія въ случаѣ войны по меньшей мѣрѣ не окажетъ намъ союзной помощи, а быть-можетъ даже рѣшится примкнуть къ противной сторонѣ. — Его величество направилъ меня къ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ на Вильгельмштрассе. Г. фонъ Кидерленъ-Вехтеръ выслушалъ меня съ выраженіемъ добродушнаго превосходства на лицѣ и улыбнулся моему сообщенію. Все это — по его мнѣнію — заблужденіе, должно быть я видѣлъ дурной сонъ. Румынію-де онъ знаетъ, какъ карманъ своего жилета. Вся она вѣрна союзу до мозга костей. Скоро, однако, намъ пришлось убѣдиться въ томъ, какъ событія развернулись, лишь только скончался король Карлъ.

Но что значила эта неправильная оцѣнка Румыніи по сравненію съ тѣми иллюзіями, которымъ предались гг. фонъ Бетманъ и Яговъ относительно настроенія въ Англіи. Предавались они имъ вплоть до того дня въ августѣ 1914 г., когда сэръ Эдвардъ Гошенъ разрушилъ эти иллюзіи къ ужасу канцлера.

Канцлеръ неоднократно — и это должно вмѣнить ему въ заслугу — дѣлалъ попытки, правда робкія и недостаточныя, къ сближенію съ Англіей и не встрѣтилъ при этомъ принципіальнаго противодѣйствія. Онъ былъ освѣдомленъ кромѣ того о заявленіи, сдѣланномъ Англіей въ Парижѣ, что она желаетъ избѣгнуть всякой провокаціонной политики и не приметъ участія въ войнѣ, навязанной Франціей. Канцлеръ отсюда заключилъ, что сближеніе уже налажено, и что Англія вообще не пойдетъ на войну съ нами. Однако и послѣдняя попытка сближенія — приглашеніе въ 1912 г. англійскаго военнаго министра лорда Холдана въ Берлинъ — осталась безуспѣшной.

Помѣшали ей тѣ близкія отношенія, въ которыя Англія вошла съ Франціей, а потому и съ Россіей. Даже крупныя жертвы, на которыя соглашался адмиралъ Тирпицъ по вопросу о судостроительной программѣ, лишь бы добиться обѣщанія нейтралитета со стороны Англіи, не могли измѣнить положеніе. Англія твердо стояла на принципѣ: «два киля — пролаясь на «дружбу съ другими державами», дать намъ тивъ одного», а сэръ Эдуардъ Грей отказался, ссылаясь на «на дружбу съ другими державами», дать намъ какія бы то ни было гарантіи. Вытекающіе отсюда выводы были ясны всякому, имѣющему глаза, чтобы видѣть.

Хольданъ также не скрывалъ того, какую позицію займетъ Англія въ случаѣ нашей войны съ Франціей или Россіей. Какъ мнѣ передавалъ впослѣдствіи кайзеръ, лордъ однажды открыто заявилъ во время политическаго разговора нашему послу князю Лихновскому, что его правительство при вышеуказанныхъ условіяхъ не потерпитъ рѣшительнаго пораженія Франціи, отъ кого бы ни исходилъ починъ къ войнѣ и не допуститъ гегемоніи Германіи на европейскомъ материкѣ. Англія въ такомъ случаѣ вмѣшается и будетъ сражаться вмѣстѣ съ союзными ей державами.

Тѣмъ не менѣе дипломаты вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, и въ особенности отвѣтственный руководитель нашей политики, продолжали, пребывая въ мірѣ пріятныхъ грёзъ, со спокойнымъ самодовольствомъ вѣрить въ созданную ими самими иллюзію. Вотъ одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ, загадочныхъ фактовъ, которыми такъ полно то роковое для нашего отечества время. Изъ парижскихъ переговоровъ между Англіей и Франціей у насъ вывели лишь заключеніе о миролюбіи Англіи и легко поддались соблазнительному толкованію, будто серьезныя слова лорда Хольдана сказаны исключительно съ цѣлью помѣшать нарушенію мира со стороны Германіи.

Снова я перешелъ въ моихъ воспоминаніяхъ границы того періода, о которомъ я хотѣлъ по порядку разсказать. Значитъ, я не гожусь даже въ лѣтописцы!

Я попытаюсь продолжать нить своего повѣствованія. До 1909 г. я посѣтилъ въ цѣломъ рядѣ путешествій отчасти одинъ, отчасти въ свитѣ отца, Англію, Голландію, Италію, Египетъ, Грецію, Турцію и нѣкоторыя области Малой Азіи. Мое пребываніе въ этихъ странахъ было всегда непродолжительнымъ, но тѣмъ не менѣе достаточнымъ для того чтобы доставить цѣнный матеріалъ для сравненій и убѣдить меня въ необходимости еще больше расширить мое знаніе чужихъ странъ.

Для меня было поэтому большою радостью, когда въ 1909 г. отецъ мнѣ далъ разрѣшеніе на продолжительное путешествіе въ страны Востока. Моя жена проводила меня до Цейлона, а потомъ уѣхала въ Египетъ, между тѣмъ какъ я предпринялъ путешествіе черезъ Индію. Англійское правительство подготовило это путешествіе съ необычайной предупредительностью, благодаря чему я вынесъ изъ него чрезвычайно много цѣнныхъ впечатлѣній. Повсюду я встрѣчалъ самое широкое и сердечное гостепріимство. Особенно охотно вспоминаю я лорда Гардинга, сэра Гарольда Стюартса, сэра Джона Хевиста и сэра Руса Кеппельса. Блестящія встрѣчи мнѣ устроили также Джайпурскій магараджа и Низамъ въ Гайдарабадѣ.

Мое сердце охотника и спортсмена нашло здѣсь все, что только могло пожелать. Грандіозныя картины индійскаго пейзажа и индійской архитектуры открыли мнѣ новый міръ. Потоку нахлынувшихъ на на меня впечатлѣній я отдался со всей воспріимчивостью и впечатлительностью моихъ юныхъ лѣтъ, мнѣ хотѣлось испытать на себѣ дѣйствіе этого новаго великаго міра совершенно непосредственно, и я порою забывалъ, что я долженъ представитель-

ствовать, что во мнѣ видѣли сына германскаго кайзера и правнука «Queen» («королевы»).

Самое сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня организаціонный и административно-техническій талантъ англичанъ. При этомъ мнѣ бросилось, какъ отличительная особенность, въ глаза, что въ разныхъ отрасляхъ управленія молодые, но энергичные чиновники были облечены широкими полномочіями и обладали большой самостоятельностью. Вездѣ господствовала широкая и разумная децентрализація. Повсюду въ пути раскрывалась передо мною необычайная міровая мощь Англіи, величіе которой въ Германіи, опьяненной собственнымъ быстрымъ развитіемъ, до войны, къ сожалѣнію, часто недооцѣнивали.

Но не менѣе ясно я увидѣлъ во время путешествія, какъ велика конкурренція, которую Англія на рынкѣ востока встрѣчаетъ со стороны Германіи. Не разъ англійскіе коммерсанты говорили мнѣ въ конфиденціальной бесѣдѣ, что такъ дальше продолжаться не можетъ. Англія не можетъ и не хочетъ допустить, чтобы мы ее прижали къ стѣнѣ. Я самъ замѣтилъ во время морского путешествія, что мы встрѣчали столько же нѣмецкихъ судовъ, сколько англійскихъ. И произнесенное полушопотомъ проклятіе: «Those damned Germans!» доносилось нерѣдко до моего слуха.

Это были предвѣстники бури.

Когда я впослѣдствіи на родинѣ сообщилъ свои наблюденія руководящимъ политикамъ, они отнеслись къ этому предостереженію несерьезно, отстранивъ его репликой: если какой-нибудь англійскій «мѣшокъ съ перцемъ» насъ проклинаетъ за то, что мы губимъ его дѣло, развѣ это можетъ имѣть серьезное значеніе? Пусть онъ откажется отъ своего weekend и начнетъ работать какъ наши коммерсанты, тогда и проклинать насъ не за что будетъ. Вѣдь мы искренно хотимъ жить въ мирѣ съ этими господами! «И ваше высочество вѣдь сами видѣли — какъ васъ тамъ принимали!» — Итакъ, съ ними было безполезно гово-

рить. Что же касается меня, то я твердо зналъ, что «мѣшокъ съ перцемъ» — сама Англія, что никто тамъ не намѣренъ отказываться отъ своего weekend, и что оказанный мнѣ пріемъ представляетъ собою лишь актъ международной вѣжливости — не больше. А желаніе жить съ другими въ мирѣ имѣетъ лишь въ томъ случаѣ реальное значеніе, когда знаешь пути для его осуществленія и сразу же идешь по этимъ путямъ.

Послѣ возвращенія съ востока я посѣтилъ по приказу его величества вмѣстѣ съ женой дворы въ Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ и присутствовалъ на коронаціи короля въ Лондонѣ.

Вездѣ мы лично встрѣтили самый ласковый пріемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ повсюду тревожныя предзнаменованія тѣхъ конфликтовъ и опасностей, которые грознѣе и грознѣе сгущались вокругъ имперіи. Путешествіе въ Лондонъ мы совершили на новомъ громадномъ бронепалубномъ крейсерѣ «фонъ деръ Таннъ», вызвавшемъ своей великолѣпной конструкціей большую сенсацію. На большомъ морскомъ парадѣ въ Солентѣ было любопытно видѣть, какъ англійскіе офицеры и матросы осматривали нашъ крейсеръ. Военными судами остальныхъ націй они при этомъ совершенно не интересовались. Всѣ ихъ замѣчанія сводились къ неограниченной похвалѣ удивительно-красивымъ линіямъ судна и цѣлесообразному распредѣленію артиллеріи.

Пріемъ, который мы съ женой встрѣтили въ Лондонѣ во всѣхъ слояхъ населенія, былъ необыкновенно сердечнымъ. Англійская печать также привѣтствовала насъ очень тепло, и мы не замѣтили въ эти торжественные дни никакихъ проявленій германофобства. Однако, если гдѣ-либо то именно здѣсь мы испытали, насколько неправильно судить о вопросахъ высокой политики по знакамъ симпатіи, выказываемымъ за границей главѣ государства или престолонаслѣднику.

Вотъ примѣръ такого «signum vanitatis» изъ моихъ Лондонскихъ воспоминаній:

Когда король Георгъ и королева Мери по окончаніи акта коронаціи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ торжественномъ шествіи выходили изъ церкви, публика неожиданно привѣтствовало ихъ троекратнымъ «ура». Вслѣдъ за ними двинулись остальныя коронованныя лица, стали выходить и мы. И вотъ, дойдя приблизительно до середины огромной церкви, мы удостоились того же громкаго привѣтствія, какъ король и королева. Въ англійскихъ кругахъ мнѣ впослѣдствіи говорили, что намъ слѣдуетъ гордиться этимъ происшествіемъ, ибо въ англійской исторіи не бывало еще случая, чтобы четѣ иностраннаго королевскаго дома устраивали подобную овацію.

А четыре года спустя между нами уже была война, и я, котораго тогда такъ сердечно привѣтствовали, сталъ для нихъ «гунномъ».

Изъ тогдашняго пребыванія въ Лондонѣ я хочу упомянуть еще одинъ эпизодъ, проливающій свѣтъ на взгляды одного изъ руководящихъ англійскихъ политиковъ того времени. Мнѣ представили статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ сэра Эдуарда Грея, я завязалъ съ нимъ оживленную бесѣду, въ продолженіе которой проронилъ неосторожное замѣчаніе: въ интересахъ прочнаго мира было бы, по-моему, разумнѣе всего, если бы Германія и Англія, эти двѣ великія германскія націи, самая могущественная континентальная и самая сильная морская держава шли рука объ руку. Въ такомъ случаѣ мы могли-бы (если бы это оказалось нужнымъ) подѣлить между собою міръ. Грей выслушалъ меня, кивнулъ головой и замѣтилъ: «Да — это вѣрно, но Англія ни съ кѣмъ не хочетъ дѣлиться, даже съ Германіей».

Въ Вѣнѣ тогдашній престолонаслѣдникъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ говорилъ со мною очень серьезно и озабоченно объ угрожающей монархіи сербской пропагандѣ, которая, благодаря проискамъ

Россіи, можетъ по его мнѣнію вызвать европейскій конфликтъ. Уже раньше я слѣдилъ съ недовольствомъ за тѣмъ, какъ наша восточная политика все больше и больше подпадала вліянію Вѣнскаго «Ballplatz'a». Теперь же послѣ словъ эрцгерцога перемѣщеніе центра тяжести нашей политики изъ Берлина въ Вѣну внушило мнѣ самыя тревожныя мысли, мысли, съ которыми я неоднократно обращался и въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ и къ отдѣльнымъ представителямъ нашей дипломатіи, но увы — всегда безуспѣшно. Опасенія, пророчески высказанныя еще княземъ Бисмаркомъ въ его послѣднихъ запискахъ, какъ бы имперія не попала въ зависимость отъ болѣе искуссной политики Австро-Венгріи, эти опасенія, казалось мнѣ, уже сбылись. Эрцгерцогъ былъ человѣкъ умный и энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно честолюбивый, отнюдь не склонный ограничиться какой нибудь скромной ролью. Слушая въ Вѣнскомъ Бельведерѣ его убѣдительную рѣчь, я не могъ отдѣлаться отъ чувства, что зашедшая слишкомъ далеко зависимость отъ Вѣны вовлечетъ насъ когда нибудь въ тяжелый конфликтъ и заставитъ насъ обнажить мечъ во имя вящшей славы и могущества дома Габсбурговъ: эрцгерцогъ въ разговорѣ со мною какъ бы выпускалъ свои щупальцы, стараясь выпытать, чего онъ можетъ отъ меня ждать. Судьба неожиданно пріостановила игру этого значительнаго человѣка и обратила его смерть въ ту искру, отъ которой разгорѣлся великій пожаръ. Насъ однако кровавое убійство эрцгерцога не избавило отъ роковыхъ послѣдствій нашей несамостоятельности: поддержка, оказанная нами чрезмѣрнымъ требованіямъ Вѣны къ Сербіи, втянула насъ противъ воли въ войну. — То было 28-го іюля 1914 г., когда мой отецъ, получивъ депешу о принятіи Сербіей почти всѣхъ пунктовъ австрійскаго ультиматума, приписалъ на ея поляхъ: «Блестящій результатъ для срока только въ 48 часовъ! Это больше, чѣмъ можно было ожи-

дать. Большой моральный успѣхъ для Вѣны; тѣмъ самымъ отпадаетъ всякій поводъ къ войнѣ и (австрійскій посолъ) Гизль долженъ былъ бы спокойно остаться въ Бѣлградѣ. Послѣ такого отвѣта я никогда не посовѣтовалъ бы приступить къ мобилизаціи!» — Я цитирую эту замѣтку на поляхъ телеграммы, ибо она служитъ непреложнымъ доказательствомъ миролюбія Германіи и кайзера. Миролюбія — вопреки которому свершилась наша судьба, крѣпко связавшая насъ съ политикой Вѣнскаго Ballplatz'a.

Въ Россіи, которую я, по возвращеніи изъ Индіи — какъ уже упомянуто, — также посѣтилъ вмѣстѣ съ женой, я вынесъ впечатлѣніе, что царь хоть и настроенъ вполнѣ германофильски, лишенъ однако всякой возможности проявить свое настроеніе на дѣлѣ. Онъ былъ окруженъ панславистской, враждебной Германіи партіей великаго князя Николая Николаевича и не имѣлъ достаточно силъ, чтобы дѣйствовать наперекоръ великому князю, совершенно открыто высказывавшему свою ненависть къ Германіи.

Сентябрь 1919 г.

Прошли счастливые, прекрасные дни, проведенные мною въ кругу семьи съ женой и сыновьями! Мы всѣ, подобно скромнымъ туристамъ, старались возможно больше насладиться ихъ мимолетной красотой, а я пытался забыть, что мои милые — лишь кратковременные гости у добровольнаго изгнанника.

Отъ природы и по развитію своему я не сентименталенъ, и отнюдь не хочу отдаваться чувствительнымъ воспоминаніямъ, — но я долженъ честно сознаться, что островъ мнѣ кажется еще пустыннѣе съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ приходится одному бродить среди пастбищъ вдоль каналовъ или по берегу моря и по деревнямъ — одному безъ жены и безъ мальчиковъ. Малыши мои — все, новое и непривычное, что они здѣсь видѣли, казалось имъ необычайнымъ и чудеснымъ; въ тысячу разъ лучше всего, что ихъ

окружало въ нашемъ Цециліенгофѣ въ Потсдамѣ или въ Эльсѣ.

Повсюду мнѣ не хватаетъ юныхъ жадно разспрашивающихъ голосовъ моихъ младшихъ сыновей; собственно только въ эти дни на островѣ они познакомились съ отцомъ. Не достаетъ мнѣ и добрыхъ, чуткихъ рѣчей жены, столь обремененной заботами и всетаки никогда не унывающей.

Малышей мы устроили въ Гипполитусгофѣ у всегда готоваго на помощь бургомистра Пееребоома — въ пасторатѣ имъ не хватило мѣста — и они тамъ скоро сошлись и подружились со сверстниками. Въ нашемъ Остерландскомъ домикѣ нашли пріютъ только моя жена и ея спутница. И онъ мнѣ кажется пустыннымъ съ тѣхъ поръ, какъ я не слышу больше ея милыхъ шутокъ по поводу разныхъ мелочей и прелестей моего примитивнаго холостого хозяйства.

На обратномъ пути моя жена заѣзжала въ Амеронгенъ.

Ея письма оттуда производятъ угнетающее впечатлѣніе. Добрая наша мама больна и всетаки всецѣло живетъ заботой о кайзерѣ, о братьяхъ, о маленькой сестрѣ и внукахъ. Отецъ — полонъ горечи, все еще не способенъ вырваться изъ круга мыслей, снова и снова возвращающихъ его къ тяжелому прошлому.

Нѣтъ сравненія между тяжелымъ ударомъ судьбы, постигающимъ тридцатишестилѣтняго съ несломленной волей и жизненной силой человѣка, или шестидесятилѣтняго старика, который видитъ разбитымъ дѣло всей своей жизни, казавшееся ему вѣчнымъ и несокрушимымъ.

Мысли мои въ эти дни все снова и снова къ нему возвращались.

Въ то время, когда я собирался отправиться въ Индію, меня ожидало въ моей военной карьерѣ назначеніе командиромъ кавалерійскаго полка. Мнѣ очень

хотѣлось получить это назначеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду политическихъ событій, я предпочиталъ находиться вблизи отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ заваривалась каша, расхлебывать которую придется когда-нибудь и мнѣ.

Непосредственно съ кайзеромъ я не могъ говорить объ этомъ служебномъ вопросѣ, и мнѣ пришлось поэтому обратиться къ начальнику военнаго кабинета — генералу фонъ Линкеру въ качествѣ посредника. Обсудивъ съ нимъ вопросъ, я попросилъ дать мнѣ гвардейскій полкъ личной охраны его величества (Garde du Corps). Генералъ фонъ Линкеръ, отнесшійся къ моему желанію спокойно и безъ всякаго предубѣжденія, заявилъ мнѣ, однако, что его величество наврядъ ли согласится на это, и совѣтовалъ мнѣ лучше отказаться отъ моего предложенія. Въ общемъ изъ хода нашего разговора мнѣ стало ясно, что мое желаніе остаться вблизи отъ правительственнаго центра отнюдь не встрѣчаетъ сочувствія, какъ со стороны нѣкоторыхъ совѣтчиковъ изъ приближенныхъ его величества, такъ и со стороны отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Тогда я попросилъ поручить мнѣ либо королевскихъ улановъ въ Ганноверѣ, либо бреславльскихъ лейбъ-кирасировъ; на что г. фонъ Линкеръ отвѣтилъ, что это предложеніе не встрѣтитъ препятствій, и что онъ въ этомъ смыслѣ и представитъ свое заключеніе Его Величеству. Такое предложеніе тоже удовлетворяло меня: Ганноверъ и Бреславль не такъ ужъ далеки отъ центра, и нѣкоторую связь можно будетъ и оттуда поддерживать съ Берлиномъ.

Таково было положеніе вещей, когда я, находясь на сѣверо-западной границѣ Индіи, въ Пешаварѣ, прочелъ въ англійской газетѣ, что его величество назначилъ меня командиромъ 1-го лейбъ-гусарскаго полка въ Лангфурѣ подъ Данцигомъ. Первое впечатлѣніе вызвало во мнѣ чувство разочарованія, и не только потому, что мои пожеланія относительно военной службы еще лишній разъ были оставлены безъ вни-

манія, — полное игнорированіе всѣхъ военныхъ предложеній, исходившихъ отъ насъ, сыновей, казалось, было возведено въ принципъ. Нѣтъ, помимо этого, отдаленное положеніе Данцига, а также суровый климатъ, опасный для здоровья кронпринцессы, казались мнѣ мало привлекательными. Однако, несмотря на это предубѣжденіе, все сложилось потомъ прекрасно, и два съ половиною года, проведенные мною въ Данцигѣ, принадлежатъ (если отвлечься отъ заботъ, связанныхъ съ общимъ политическимъ положеніемъ) къ самому счастливому времени моей жизни.

Мы жили въ небольшой виллѣ, въ которой моя уже тогда многочисленная семья умѣщалась лишь съ трудомъ. Тѣмъ не менѣе мы устроились очень уютно и вели пріятную счастливую жизнь.

Быть командиромъ этого великолѣпнаго стараго полка было для меня и большой честью и счастьемъ. Офицерскій составъ былъ сплошь молодой, пестрая смѣсь дворянъ и буржуа. Моего стараго полкового адъютанта, строгаго и вѣрнаго графа фонъ Дона я вспоминаю особенно охотно. Большинство офицеровъ были сыновья помѣщиковъ западной и восточной Пруссіи, отцы и дѣды которыхъ уже носили черный ментикъ и черепъ перваго лейбъ-гусарскаго полка.

Точно также полкъ располагалъ блестящимъ запаснымъ составомъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, — почти все молодежь изъ крестьянства западной и восточной Пруссіи и Познани, приносившіе съ собой уже изъ дому любовь къ лошади и привычку къ уходу за ней. Наконецъ и составъ лошадей — мы были единственнымъ бѣлымъ полкомъ въ арміи — не оставлялъ желать ничего лучшаго. Свойственное мнѣ съ дѣтства пристрастіе къ верховой ѣздѣ могло здѣсь по настоящему развернуться. Сообразно съ моими добытыми изъ опыта взглядами, манежная ѣзда была сокращена до необходимаго минимума, а центръ тяжести перенесенъ на свободную ѣзду и ѣзду съ препятствіями. Въ этихъ областяхъ были достигнуты

дѣйствительно прекрасные результаты. Большое значеніе придавалъ я также, — быть можетъ большее чѣмъ многіе заядлые кавалеристы — боевымъ маневрамъ въ пѣшемъ строю и упражненіямъ въ свободной стрѣльбѣ. Война впослѣдствіи показала, что эта выучка и для кавалериста никогда не бываетъ излишней.

Я честно старался пріохотить моихъ гусаровъ къ службѣ, а также въ ихъ внѣслужебную жизнь внести отдыхъ и развлеченія. Такъ я устроилъ для унтеръ-офицеровъ красивое и уютное казино, и рядовые полка также получили въ своихъ казармахъ возможно удобную обстановку. Старшіе призывные года и новобранцы были размѣщены отдѣльно, чтобы пресѣчь всякія злоупотребленія со стороны первыхъ. Въ свободные отъ занятій часы часто устраивались спортивныя игры. Къ концу моего командованія у насъ была прекрасно сыгравшаяся футбольная команда, въ которой участвовали также офицеры.

Къ этому времени относится выходъ иллюстрированнаго изданія «Вооруженная Германія» для нѣмецкой молодежи. Предисловіе, предпосланное мною книгѣ, было нѣкоторыми кругами неправильно истолковано въ томъ смыслѣ, что я примкнулъ здѣсь къ рядамъ военныхъ шовинистовъ. Я былъ всегда далекъ отъ этого, и при объективной оцѣнкѣ изъ моихъ строкъ нельзя вычитать ничего подобнаго. То, что я тамъ высказалъ, было мною написано ввиду все болѣе сгущавшейся опасности и направлено было противъ грубаго матеріализма. Я хотѣлъ лишь указать нѣмецкой молодежи, что въ случаѣ необходимости защита отечества должна для нея быть долгомъ чести. Это было обращеніе нѣмца и солдата къ подростающему поколѣнію, на молодыя силы и патріотическое самопожертвованіе котораго мы должны были разсчитывать, когда пробьетъ рѣшительный часъ.

Со времени моей упомянутой выше демонстраціи противъ Марокканской политики Бетманъ-Голльвега

ослѣпленные пацифисты Германіи и ихъ злостное эхо заграницей присвоили мнѣ незаслуженную кличку сторонника войны, и повторяли ее каждый разъ, гдѣ бы я ни выступалъ публично. Поэтому и изъ этой маленькой брошюры о нашей арміи старались выудить доказательства моего воинственного образа мыслей и считали меня окончательно уличеннымъ, когда другой поводъ заставилъ меня вмѣшаться въ общественныя дѣла. То былъ пресловутый Цабернскій инцидентъ.

Наша политика въ Эльзасъ-Лотарингіи внушала мнѣ уже много лѣтъ серьезныя заботы и опасенія.

Отчасти мои собственныя путешествія по области, отчасти письма и сообщенія близкихъ мнѣ товарищей изъ гарнизоновъ на западной границѣ, — людей, хорошо знавшихъ мѣстную жизнь и не скрывавшихъ ея темныхъ сторонъ, — открыли мнѣ глаза на создавшееся тамъ положеніе вещей. Сдобная булочка и кнутъ царили тамъ поперемѣнно съ 1871 г. Результаты соотвѣтствовали такой тактикѣ. Послѣдній періодъ стоялъ подъ знакомъ сдобной булочки и былъ увѣнчанъ конституціей «имперской области». Съ тѣхъ поръ французская пропаганда проникала туда совершенно свободно. Франкофильски настроенные нотабли задавали тонъ, и гражданскія власти плясали подъ ихъ дудочку. Что же касается войска, то ирридентистскіе круги его только терпѣли. Вотъ примѣръ для характеристики положенія въ имперской области въ довоенное время и отношенія къ нему правительственныхъ органовъ. Два моихъ летчика разсказали мнѣ однажды, что въ 1913 г. въ Мюльгаузенѣ праздновали освященіе французскаго знамени, и имъ какъ военнымъ чинамъ посовѣтовали въ этотъ день не выходить на улицу, чтобы видомъ прусской формы не вызвать неудовольствія французовъ! — Вотъ при такихъ условіяхъ и вспыхнулъ конфликтъ. Гражданское населеніе грубо оскорбило военныхъ чиновъ, офицеръ взялся за оружіе — и сразу весь миръ завопилъ о прусскомъ милитаризмѣ. Въ этотъ моментъ,

т. е. въ тѣ дни, когда заграничная печать, а у насъ никогда не вымирающіе софисты абсолютной справедливости, всячески старались дискредитировать въ глазахъ друзей и враговъ нашъ единственный и послѣдній оплотъ — нашу армію, — я дѣйствительно, безъ должной сдержанности, какъ меня упрекали, пришелъ на помощь товарищамъ, ставшимъ жертвой общественнаго негодованія. Я телеграфировалъ генералу фонъ Деймлингу и полковнику фонъ Рейтеру. Это вѣрно. Но о томъ, что я послѣднему послалъ телеграмму, гласящую: «Бей сильнѣй! (Immer feste druff!) — я узналъ только изъ газетъ благодаря лживой фантазіи тѣхъ ревнителей мира, которые этой выдумкой, повидимому, старались упрочить царившее вокругъ насъ миролюбивое настроеніе. Въ дѣйствительности я телеграфировалъ полковнику фонъ Рейтеру, какъ своему товарищу, совѣтуя ему принять рѣшительныя мѣры, такъ какъ дѣло идетъ о престижѣ арміи. —

Если бы лейтенанта фонъ Форстнера осудили, то послѣ этого всякій хамъ считалъ бы себя въ правѣ нападать на носителей военнаго мундира. Этимъ узаконено было бы невыносимое положеніе, сугубо невыносимое въ имперской области, гдѣ слабость гражданскихъ властей создала для военныхъ чиновъ самыя затруднительныя условія жизни. Воображаю, какъ отнеслись бы въ Англіи или Франціи къ такой провокаціи офицера, какой подвергся у насъ лейтнантъ фонъ Форстнеръ!

Но мы были въ Германіи. И нѣмецкое общественное мнѣніе имѣло лишній разъ поводъ въ связи съ описанными событіями заняться моей персоной, — и любимая пѣсенка о второмъ правительствѣ, о воинственномъ шовинистѣ и фрондерѣ изъ Лангфура снова пѣлась на всѣ лады въ газетныхъ передовицахъ. Если повѣрить этимъ господамъ, то я опять велъ себя «невозможно». — Высокіе и высшіе сановники приняли предписанную для такихъ случаевъ національнаго

траура мину огорченія, и Его Величество былъ крайне недоволенъ.

У Шиллера въ Вильгельмѣ Теллѣ говорится: «Бушуетъ озеро и требуетъ своей жертвы». И въ другомъ мѣстѣ такъ же хорошо: «Это было мнѣ во спасеніе, это подняло мой духъ.»

Все произошло какъ громъ изъ яснаго неба и съ большей внезапностью. Его Величество отчислилъ меня отъ дорогого мнѣ полка и вызвалъ въ Берлинъ. Цѣль этой мѣры была ясна: надо было сократить мою чрезмѣрную самостоятельность и подвергнуть всю мою дѣятельность болѣе строгому контролю. Мнѣ было предложено работать въ генеральномъ штабѣ. Въ сущности здѣсь смыкалось кольцо: желая держать меня въ отдаленіи отъ центральнаго правительства, — меня отправили въ Данцигъ. Желая держать подъ болѣе строгимъ контролемъ, вызвали опять обратно. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ сыграло роль чувство нѣкоторой обиды и возмущенія.

Въ лагерѣ пацифистовъ, надѣявшихся остановить грозно надвигавшуюся войну прекрасными словами, новый взрывъ возмущенія вызвали мои прощальныя слова лейбъ-гусарамъ. Величайшимъ счастьемъ солдата, — сказалъ я, — является тотъ моментъ, «когда его призываетъ король и раздается сигналъ къ выступленію». По ихъ мнѣнію, мнѣ слѣдовало бы вѣроятно разсказать моимъ храбрымъ товарищамъ на прощаніе какую нибудь безобидную сказку!

Когда я въ послѣдній разъ проѣхалъ вдоль рядовъ моего прекраснаго полка и прощальное привѣтствіе гусаръ глубоко запало въ сердце, разлука мнѣ была несказанно тяжела. Какъ будто тихій голосъ мнѣ нашептывалъ, что я навѣки прощаюсь съ прелестью мирной солдатской жизни, которую мнѣ больше не суждено увидѣть. Сколько красоты, сколько счастья и плодотворной честной работы было во всемъ томъ, что я тогда покидалъ!.

Изъ молодыхъ товарищей и добрыхъ офицеровъ моего храбраго гусарскаго полка, форму котораго я гордо и радостно носилъ въ теченіе всей войны, многіе, слишкомъ многіе покоятся теперь вѣчнымъ сномъ въ чужой землѣ. Среди нихъ мой двоюродный братъ принцъ Карлъ Прусскій, особенно безстрашный наѣздникъ и солдатъ. Всѣхъ ихъ я буду помнить съ грустью и благодарностью, пока самъ останусь въ живыхъ.

Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы эти послѣднія страницы, написанныя вчера, разорвать и изложить ихъ иначе.

Перечитывая ихъ сегодня, я нахожу въ нихъ тонъ раздраженія, который мнѣ не хотѣлось вносить въ свои записки.

Я все-таки оставилъ эти страницы безъ измѣненія, чтобы показать, какъ до сихъ поръ мысль о послѣднемъ годѣ передъ войной и о нашей политикѣ страуса вызываетъ во мнѣ каждый разъ снова чувство горечи, и какъ я теперь еще испытываю юморъ висѣльника, когда вспоминаю, что въ каждомъ моемъ призывѣ беречь послѣдній источникъ нашей силы — армію — и быть готовымъ къ предстоящей борьбѣ, — видѣли фанатическую проповѣдь «бодрой и веселой» войны.

Настоящая правда въ томъ, что я ясно сознавалъ страшную серьезность положенія; по природѣ своей я не Кассандра, которая огласила бы дворцы Трои жалобными стихами, а мужчина и солдатъ. А послѣднее ставится у насъ на родинѣ всякому въ большой минусъ! —

Итакъ, на зиму 1913/14 гг. я былъ командированъ въ главный штабъ, чтобы оріентироваться въ его работѣ и освоиться съ ней.

Моимъ учителемъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Шмидтъ фонъ Кнобельсдорфъ, бывшій впослѣдствіи моимъ начальникомъ штаба 5. арміи.

Въ отношенiи военной науки я обязанъ его превосходительству очень многимъ. Генералъ былъ блестящимъ учителемъ по всѣмъ отраслямъ тактики и стратегiи. Его доклады, а также задачи, которыя онъ мнѣ предлагалъ на разрѣшенiе, были образцовы. Основной принципъ его теорiи гласилъ: Ясность въ рѣшенiи начальника! Претворенiе рѣшенiя въ распоряженiя! Въ остальномъ: предоставленiе подчиненнымъ начальникамъ возможно большей самостоятельности.

Моя командировка въ главный штабъ дала мнѣ возможность получить исчерпывающую картину той громадной работы, которая была тамъ сдѣлана. Я вникъ въ выдающуюся организацiю армiи, какъ единаго цѣлаго, ознакомился съ техникой ея содержанiя, пополненiя и передвиженiя и составилъ себѣ также сужденiе о боевыхъ силахъ другихъ народовъ. Въ операцiонномъ отдѣлѣ меня посвятили цѣлымъ рядомъ докладовъ въ выработанный штабомъ планъ, по которому въ случаѣ войны должна была развернуться наша армiя. Изъ этихъ докладовъ, а также изъ разговоровъ по вопросу о предстоящей мiровой войнѣ я вынесъ впечатлѣнiе, что въ штабѣ недостаточно серьезно относятся къ англiйской сухопутной армiи и къ возможности расширенiя ея организацiи въ случаѣ войны. Мнѣ казалось, что считаются гораздо больше съ наличными силами противника, чѣмъ съ тѣми возможностями, которыя онъ напряженiемъ воли сумѣетъ создать. Я зналъ англичанъ и англiйскую армiю по собственнымъ наблюденiямъ, — я зналъ также ихъ огромный организаторскiй талантъ, ихъ необычайное искусство импровизацiи. Если бы удалось ожидаемую войну довести до благополучнаго конца, прежде чѣмъ эти способности могли бы себя проявить, то разсчеты нашего генеральнаго штаба могли оказаться вѣрными. — Точно также мнѣ казалось, что штабъ не вполнѣ учитывалъ боевое значенiе русской армiи.

Относительно нашего западнаго сосѣда и — насколько можно было предвидѣть — ближайшаго противника, я позволю себѣ лишь напомнить, что Франція, несмотря на значительно меньшее народонаселеніе, — держала подъ ружьемъ такую же большую армію, какъ и мы. Съ этой цѣлью она привлекала къ военной службѣ 80 % мужскаго населенія, тогда какъ мы довольствовались 50 %. Общая картина численности армій въ мирное время давала на случай войны слѣдующія цифры: наряду съ нашей арміей въ приблизительно 900 000 штыковъ — около 500 000 австрійцевъ и венгерцевъ, итого 1 400 000 штыковъ со стороны серединныхъ державъ. Антантѣ же одна Россія давала болѣе 2 000 000 бойцовъ — къ этому числу присоединялись еще французскія и бельгійскія войска. Стало быть, уже въ началѣ войны соотношеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ равнялось 1 : 2. Какъ бы высоко ни оцѣнивать качества нѣмецкаго солдата, — а на такую оцѣнку мы имѣли полное право, — этого было, конечно, недостаточно.

Тѣмъ не менѣе мы располагали въ 1914 г. блестяще обученной арміей и, когда жребій былъ брошенъ, двинулись въ походъ съ «лучшей арміей въ мірѣ». Къ сожалѣнію мы и тогда еще не достигли въ нашей мирной работѣ высшаго предѣла нашей ударной силы.

Далеко еще не всѣ рессурсы страны и народа были использованы и мобилизованы. Отвѣтственность за это падаетъ не на главный штабъ, я могу засвидѣтельствовать, что онъ неоднократно высказывалъ въ этомъ смыслѣ настойчивыя требованія. Не падаетъ она и на рейхстагъ: въ виду грозной опасности онъ навѣрно не отказалъ бы арміи въ необходимыхъ для ея усиленія средствахъ, если бы только отвѣтственные руководители использовали весь авторитетъ своего положенія. Серьезной помѣхой былъ бюрократизмъ военнаго министерства. Оно рѣшило судьбу тѣхъ трехъ корпусовъ, формированія которыхъ генеральный штабъ потребовалъ въ декабрѣ

1912 г. А кромѣ того, уже тогда въ мирное время было ясно, что всѣ исходящія отъ военныхъ учрежденій и въ особенности отъ генеральнаго штаба сообщенія, предположенія и запросы встрѣчали въ Иностранномъ вѣдомствѣ всегда нѣкоторое сопротивленіе. О плодотворномъ сотрудничествѣ при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи.

Какъ разъ весною 1914 г. стоялъ на очереди вопросъ, который обѣими сторонами оцѣнивался совершенно различно. Въ Россіи въ это время происходили въ широкомъ масштабѣ передвиженія войскъ. Было совершенно очевидно, что центръ тяжести этихъ перегруппировокъ лежалъ въ направленіи германской и австрійской границъ. Точно также изъ центральной Россіи генеральнымъ штабомъ были получены свѣдѣнія о загадочныхъ передвиженіяхъ войскъ. Какъ же слѣдовало толковать эти факты? Военные авторитеты считали, что необходимо быть готовымъ на всякій случай, въ то время какъ дипломаты были склонны видѣть въ передвиженіяхъ русскихъ войскъ лишь пробную мобилизацію. Опасаясь, что всякая попытка окончательно выяснить положеніе, «приведетъ лавину въ движеніе», эти господа предпочитали выжидательную позицію.

Непосредственно послѣ поѣздки въ Вогезы по дѣламъ генеральнаго штаба, предпринятую въ началѣ лѣта 1914 г. подъ руководствомъ начальника штаба Мольтке, я получилъ на нѣсколько недѣль отпускъ въ Западную Пруссію. Въ началѣ іюля я пріѣхалъ къ своей семьѣ, занимавшей прелестную маленькую виллу, подарокъ Цоппотской общины. Стояло чудное, лучезарное лѣто. Дни отдыха быстро пролетали за игрой въ теннисъ, греблей, плаваньемъ и верховой ѣздой. Цоппотъ былъ переполненъ пріѣзжими, и среди нихъ много поляковъ.

Въ обстановкѣ мирнаго веселья застало меня ужасное извѣстіе объ убійствѣ эрцгерцога. Было очевидно, что это политическое убійство повлечетъ за собой серьезныя послѣдствія. Однако, этими тревожными мыслями мнѣ первое время не пришлось ни съ кѣмъ дѣлиться; ни одно изъ отвѣтственныхъ лицъ не сочло нужнымъ выслушать мое мнѣніе или ознакомить меня съ сужденіями руководителей нашей политики. Ни канцлеръ, ни министерство иностранныхъ дѣлъ, ни начальникъ генеральнаго штаба не сообщали мнѣ о ходѣ событій.

Кайзеръ въ это время путешествовалъ на Сѣверѣ. Изъ этого я долженъ былъ заключить, что не слѣдуетъ ожидать ничего необычайнаго. Только газетныя сообщенія усиливали во мнѣ впечатлѣніе, что надвигаются серьезныя событія. Данцигскіе коммерсанты, только что вернувшіеся изъ Россіи, сообщили мнѣ, что тамъ снова перебрасываются на Западъ значительныя боевыя силы.

Разумѣется, я не имѣлъ возможности провѣрить правильность этихъ сообщеній. Объ австрійскомъ ультиматумѣ я узналъ такъ-же только изъ газетъ. Содержаніе ультиматума оставляло открытыми всякія возможности, въ зависимости отъ политики нашего вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ представлялось очевиднымъ, что Вильгельмштрассе должна проявить свою независимость рѣшительнѣе, чѣмъ она проявляла ее до сихъ поръ, и не итти на буксирѣ у австрійской политики.

Къ этому времени, когда міръ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ роковыми событіями, относится непріятное для меня интермеццо, показавшее мнѣ наканунѣ войны, какая глубокая пропасть отдѣляетъ мои взгляды отъ взглядовъ канцлера: мой послѣдній довоенный конфликтъ съ фонъ Бетманомъ. Въ сущности — пустякъ, о которомъ я упоминаю потому, что его достаточно использовали въ печати для агитаціи противъ меня.

Двумъ нѣмцамъ, которые подобно мнѣ ясно видѣли надвигавшуюся грозу и возвысили предостерегающіе голоса, я высказалъ свое сочувствіе: Оберълейтенанту въ отставкѣ г. Фробеніусу по поводу его политической брошюры и профессору Густаву Бухгольцу въ Познани по случаю его рѣчи въ память Бисмарка. Текстъ моей телеграммы Фробеніусу гласилъ дословно: «я прочелъ съ величайшимъ интересомъ Вашу превосходную брошюру «Роковой часъ Германской Имперіи» и желаю ей широчайшаго распространенія въ народѣ. Вильгельмъ, кронпринцъ».

Фонъ Бетманъ-Голльвегъ счелъ, что это «милитаристическое выступленіе» можетъ скомпрометировать его твердую политику, и нашелъ уже 20 іюля время обратиться къ его величеству съ длинной собственноручной жалобой, прося императора «всемилостивѣйше запретить мнѣ по телеграфу всякія политическія выступленія». — Телеграммой изъ Бальгольма отъ 21 іюля императоръ, аппелируя къ чувству долга и чести прусскаго офицера, напомнилъ мнѣ о моемъ обѣщаніи быть сдержаннымъ въ сужденіяхъ по политическимъ вопросамъ; я отвѣтилъ ему 23 іюля «приказъ исполняется», не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, содержала-ли моя телеграмма Фробеніусу что либо, кромѣ благодарности сочувствующаго читателя.

У меня въ этотъ моментъ были заботы поважнѣе, чѣмъ пререкаться съ господиномъ фонъ Бетманомъ о моемъ правѣ выражать автору благодарность за присланную книгу.

Слѣдующимъ важнымъ событіемъ, о которомъ я узналъ, былъ пріѣздъ Кайзера на «Гогенцоллернѣ» въ Киль 26 іюля утромъ и немедленное отбытіе его оттуда въ Потсдамъ. Это было для меня успокоительно: если есть еще возможность сохранить миръ, — Кайзеръ эту возможность не упуститъ.

Затѣмъ снова тишина. Одни лишь газетныя сообщенія, которыя мы жадно ловили: что Грей возбу-

дилъ предложеніе въ Парижѣ, Римѣ и Берлинѣ о совмѣстномъ выступленіи въ Вѣнѣ и Бѣлградѣ; что коронный совѣтъ въ Цетиньѣ объявилъ мобилизацію.

Отчетливо, какъ вчерашній день я вспоминаю 30 іюля.

Мой адъютантъ Мюллеръ и я лежали на пескѣ на дюнахъ и грѣлись на солнцѣ послѣ чудеснаго купанья, когда мнѣ принесли срочную телеграмму съ приказаніемъ Его Величества немедленно явиться въ Потсдамъ. Теперь мы поняли всю серьезность положенія.

Я сейчасъ-же уѣхалъ.

31-аго былъ ужинъ въ Новомъ Дворцѣ, на которомъ присутствовалъ мой дядя, принцъ Генрихъ.

Послѣ ужина Его Величество гулялъ со мной и принцемъ Генрихомъ въ саду. Императоръ былъ чрезвычайно серьезенъ и не скрывалъ отъ себя необычайности и опасности положенія, но выражалъ надежду, что удастся избѣгнуть Европейской войны. Онъ самъ отправилъ длинныя телеграммы русскому царю и королю Англіи и надѣялся на успѣхъ.

Съ моимъ дядей у меня возникъ споръ. Я утверждалъ, что въ случаѣ войны, Англія, безъ сомнѣнія, примкнетъ къ нашимъ противникамъ. Онъ не соглашался. Такимъ образомъ я встрѣтился здѣсь съ тѣмъ же оптимизмомъ, который застилалъ и взоръ канцлера: и онъ до послѣдняго момента твердо вѣрилъ въ англійскій нейтралитетъ. Что же касается Его Величества, то онъ еще колебался въ оцѣнкѣ поведенія Англіи на случай войны.

Послѣдній мой разговоръ по этому вопросу съ канцлеромъ Бетманъ-Голльвегомъ произошелъ 3-го августа въ Берлинскомъ Дворцѣ. Глубоко и неизгладимо врѣзался этотъ разговоръ въ мою память, ибо онъ произвелъ на меня уже тогда потрясающее впечатлѣніе. Еще лишный разъ я убѣдился въ томъ,

что единственная надежда на успѣхъ — это мощь нѣмецкой арміи.

Я только что простился съ отцомъ, чтобы отправиться въ армію. Мой автомобиль меня ждалъ. Выходя изъ маленькаго садика между дворцомъ и Шпрэ, я встрѣтился съ канцлеромъ, который шелъ къ Его Величеству на докладъ, и мы вступили въ разговоръ.

Бетманъ: Ваше Императорское Высочество ѣдетъ на фронтъ?

Я: Да, на фронтъ.

Бетманъ: Сдѣлаетъ ли армія свое дѣло?

Я: Все, что армія въ силахъ будетъ сдѣлать, будетъ сдѣлано, но я не могу не указать Вашему Превосходительству, что мы вступаемъ въ войну при самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Бетманъ: Въ какомъ отношеніи?

Я: Это ясно: Россія, Франція, Англія — на сторонѣ противниковъ, Италія и Румынія въ лучшемъ случаѣ нейтральны, но и это мало вѣроятно».

Бетманъ: Этого не можетъ быть; А н г л і я н а в ѣ р н о е о с т а н е т с я н е й т р а л ь н о й.

Я: Ваше Превосходительство черезъ нѣсколько дней получитъ сообщеніе объ объявленіи войны Англіей. Единственное, что намъ остается, — это найти союзниковъ. По моему мнѣнію, необходимо сдѣлать все, чтобы Турцію и Болгарію возможно скорѣе побудить къ заключенію союзныхъ договоровъ.

Бетманъ: Я с ч и т а л ъ б ы э т о в е л и ч а й ш и м ъ н е с ч а с т ь е м ъ д л я Г е р м а н і и.

Я уставился на него непонимающимъ взглядомъ, пока не уловилъ смысла его словъ изъ связи съ предыдущимъ.

Исходя изъ своей никому не понятной идеологіи, канцлеръ заключалъ, что мы рискуемъ изъ-за такихъ союзовъ лишиться дружбы и нейтралитета Англіи, да, дружбы и готовности къ нейтралитету, которыя существовали только въ его головѣ!

Когда я понялъ канцлера, нашъ разговоръ былъ конченъ. Я приложилъ руку къ козырьку и ушелъ.

Оставалась лишь одна надежда, одна сила, которой мы могли довѣрить свою судьбу: это — вооруженный нѣмецкій народъ, нѣмецкая армія. Быть можетъ она и справится со своей задачей вопреки нашимъ дипломатамъ и вопреки чудовищно далекому отъ міра канцлеру!

О томъ невѣроятно наивномъ взглядѣ на политическое положеніе, который канцлеръ высказалъ въ вышеприведенномъ разговорѣ, свидѣтельствуетъ также донесеніе англійскаго посла о рѣшающемъ объясненіи съ канцлеромъ, произошедшемъ уже на другой день. Когда ф. Бетману здѣсь впервые открылся истинный обликъ Англіи, онъ признался, глубоко потрясенный, что теперь вся его политика рухнула, подобно карточному дому.

Со времени тѣхъ роковыхъ дней лѣта 1914 года я много раздумывалъ объ этихъ событіяхъ; особенно здѣсь въ одиночествѣ острова они снова и снова меня занимали. Чтеніе бѣлыхъ, синихъ и красныхъ книгъ разныхъ народовъ дало мнѣ также нѣкоторыя указанія на дѣйствительныя происшествія послѣднихъ недѣль передъ войной. Мое сужденіе по этому вопросу я долженъ сегодня рѣзче чѣмъ когда-либо формулировать такъ: Политика канцлера Бетманъ-Голльвега и министерства иностранныхъ дѣлъ спасовали въ эти роковые дни въ еще большей степени, чѣмъ этого можно было опасаться на основаніи опыта предыдущихъ лѣтъ.

Каждый мало мальски политически мыслящій человѣкъ въ Германіи зналъ, что въ случаѣ войны Австріи съ Сербіей за Сербіей будетъ стоять Россія, а за Россіей Франціей. — Вмѣсто того чтобы отнестись критически къ дѣйствіямъ Австріи и рѣшительно заявить Вѣнскому Баллплацу: «изъ-за Сербіи мы воевать не будемъ», — было сдѣлано то, чего я опасался: пошли на буксирѣ у Австріи. Дѣло было именно

такъ, и всѣ заявленія вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, излагающія событія иначе, обходятъ по-моему существо дѣла. — Совершенно непонятное поведеніе иностраннаго вѣдомства представило насъ передъ Антантой въ ложномъ свѣтѣ; и она утверждала теперь, ссылаясь на внѣшнюю видимость событій, что мы отклонили посредничество Англіи только потому, что хотѣли войны.

Къ тому же это вѣдомство было такъ невозмутимо спокойно, что допустило въ такое тревожное время поѣздку Кайзера въ Норвегію. Начальникъ генеральнаго штаба находился въ Карлсбадѣ, адмиралъ фонъ Тирпицъ — въ отпуску въ Шварцвальдѣ.

Такъ мы вляпались въ войну благодаря полному ослѣпленію руководителей нашей иностранной политики. Ограниченность отвѣтственныхъ лицъ была такъ велика, что никто въ мірѣ не считалъ этого возможнымъ, — и всѣ видѣли въ нашей наивности лишь искусно выбранную маску, за которой скрывался нѣкій особенно коварный планъ!

Когда Кайзеръ вернулся изъ Норвегіи, было уже поздно. Событія шли своимъ порядкомъ.

Іюнь 1920 г.

Полгода слишкомъ я не держалъ въ рукахъ этихъ листковъ, на которыхъ записалъ исторію моей жизни до войны, а также мои впечатлѣнія и воспоминанія о событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ великой борьбѣ. Я такъ долго не возвращался къ этимъ запискамъ не потому, что отказался отъ мысли заносить тѣмъ же способомъ, что и раньше, событія войны, а потому что по мѣрѣ хода работы оказалось необходимымъ выдѣлить ту ея часть, которая вышла за рамки чисто личныхъ воспоминаній и обратилась въ отрывокъ исторіи войны.

Съ октября прошлаго года по нынѣшнее лѣто я былъ поэтому занятъ изложеніемъ тѣхъ чисто военныхъ событій, свидѣтелемъ коихъ я былъ съ самаго отъѣзда на фронтъ въ теченіе долгихъ лѣтъ войны въ качествѣ начальника 5-й арміи и главнокомандующаго «фронтомъ Кронпринца». Я добросовѣстно отмѣтилъ здѣсь, какъ геройскіе подвиги нашихъ войскъ, такъ и тяжелыя испытанія, черезъ которыя мы прошли.

Такимъ образомъ была положена основа описанію необычайныхъ достиженій тѣхъ войсковыхъ частей, которыя сражались подъ моимъ начальствомъ. Чѣмъ болѣе я углублялся въ это описаніе, тѣмъ болѣе соблазняло меня желаніе, использовать все богатство наличнаго матеріала. Меня привлекала мысль спокойнымъ и безхитростнымъ разсказомъ поставить моимъ вѣрнымъ соратникамъ скромный памятникъ.

То, что я записалъ въ качествѣ отчета о кровавыхъ событіяхъ безсмертно-великихъ 4 ½ лѣтъ войны, не подходитъ однако по формѣ и содержанію ко всѣмъ моимъ остальнымъ замѣткамъ. Это — спеціальная военная работа, которую я предполагаю развить въ самостоятельный и законченный трудъ.

Эти соображенія побудили меня исключить изложеніе военныхъ операцій и боевъ изъ этихъ записокъ, здѣсь же по прежнему въ разрозненныхъ набросках я буду касаться только моихъ личныхъ впечатлѣній и переживаній, а также моего отношенія къ главнѣйшимъ проблемамъ войны и завершившей ее катастрофы.

Прежде чѣмъ вернуться къ образамъ этого далекаго прошлаго, я хочу еще разсказать о событіяхъ 8 или 9 мѣсяцевъ, прошедшихъ съ того времени, когда мною были написаны послѣднія страницы этой рукописи.

Если бы мнѣ тогда въ прошлую осень кто-нибудь сказалъ: наступитъ новый годъ, затѣмъ весна, затѣмъ лѣто, и ты все еще будешь здѣсь на островѣ

вдали отъ родины! — то я не повѣрилъ бы этому пророчеству и едва ли перенесъ бы жестокость такой мысли. Надежда на постепенное возстановленіе на родинѣ мира и порядка, а также работа, которой я длительно ни разу не прерывалъ, помогли мнѣ однако прожить и этотъ долгій срокъ. Помогли мнѣ также друзья, навѣщавшіе меня въ моемъ уединеніи и приносившіе съ собой отголоски иного міра, помогли окружающіе добрые и простые люди, вдвойнѣ полюбившіе меня послѣ знакомства съ моей женой, — помогъ наконецъ и мой вѣрный товарищъ маіоръ фонъ Мюльднеръ, самоотверженно раздѣляющій со мной одиночество и тысячу связанныхъ съ нимъ мелкихъ заботъ и непріятностей.

Кто же былъ у меня? Осенью меня посѣтилъ превосходный редакторъ Прелль, настоящій нѣмецъ, руководитель Нидерландскаго Еженедѣльника въ Амстердамѣ, а также его коллега, американскій нѣмецъ, мистеръ Ростокъ, сообщившій мнѣ интересныя свѣдѣнія о пропагандѣ, которая велась во время войны въ Америкѣ противъ Германіи. Одну изъ иллюстрацій такого агитаціоннаго характера, имѣвшую большой успѣхъ, онъ привезъ съ собой. Я былъ представленъ здѣсь въ старомъ германскомъ вооруженіи при штурмѣ на Вердэнъ сражающимся съ женщинами и дѣтьми!

Пріѣзжалъ также на островъ капитанъ Кенигъ, славный вождь подводныхъ лодокъ типа «Дейчландъ», затѣмъ генеральный секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ др. Канъ, проявившій ко мнѣ, несмотря на оффиціальный характеръ своего визита, чисто человѣческую заботливость, и наконецъ г. фонъ Бергъ, бывшій сначала оберпрезидентомъ Восточной Пруссіи, а затѣмъ начальникомъ гражданскаго кабинета его величества, одинъ изъ лучшихъ и преданнѣйшихъ совѣтчиковъ нашего дома въ счастливые и несчастные дни. Онъ еще со студенческихъ лѣтъ въ Боннѣ былъ другъ молодости кайзера и одинъ изъ немно-

гихъ остался вѣрнымъ старѣющему въ одиночествѣ Амеронгена государю.

Вотъ снова наступила безпросвѣтно-мрачная и суровая зима. День годовщины моего пріѣзда на островъ былъ такимъ же сѣрымъ и туманнымъ, какъ тогда. Тяжелыя свинцовыя тучи висѣли надъ моремъ и надъ низкимъ берегомъ, и бури, днемъ и ночью проносились по голой равнинѣ острова. Въ такихъ условіяхъ мнѣ доставила большое облегченіе совмѣстная работа въ теченіе нѣсколькихъ дней съ маіоромъ Куртъ Анкеръ, умнымъ и неутомимымъ офицеромъ, бывшимъ у меня во время войны начальникомъ службы связи.

Незадолго до Рождества пріѣхалъ къ намъ Мюллеръ, мой старый адъютантъ и начальникъ моей канцеляріи, и привезъ рождественскіе подарки съ родины. Подарки отъ родныхъ и трогательные знаки любви отъ скромныхъ, незнакомыхъ мнѣ нѣмцевъ. Нѣмецкимъ дѣтямъ, находившимся тогда на островѣ у добрыхъ людей для поправки и отдыха послѣ ужасовъ голодной блокады, я устроилъ еще до Рождества въ небольшой гостиницѣ «Морской видъ» въ Остерландѣ елку съ разными подарками и нѣмецкими рождественскими пѣснями.

23-го декабря мы справили праздникъ въ тѣсномъ кругу преданныхъ намъ жильцовъ пастората, а на другой день вмѣстѣ съ Мюльднеромъ и въ сопровожденіи двухъ лицъ, прикомандированныхъ къ намъ голландскимъ правительствомъ, переправились на материкъ и оттуда дальше въ Амеронгенъ, чтобы тамъ въ гостепріимномъ замкѣ графа Бентинка совмѣстно съ родителями провести канунъ Рождества и первые дни праздниковъ. Нѣсколькими мѣсяцами раньше, — въ октябрѣ — я увидѣлъ отца впервые послѣ 9-го ноября предыдущаго года, когда я покинулъ его въ Спа послѣ тяжелыхъ объясненій въ твердой увѣренности, что онъ несмотря ни на какія препятствія останется въ арміи.

Неизгладимо врѣзался въ мою память этотъ торжественный вечеръ. Никогда не забуду голоса отца, когда онъ весь сѣдой, стоя передъ высокой темно-зеленой елкой и залитый свѣтомъ многочисленныхъ свѣчей, читалъ намъ рождественское евангеліе: «Слава Богу на небѣ, и миръ на землѣ и человѣкамъ благоволеніе».

Двадцать седьмого числа я вернулся въ Вирингенъ.

Наступилъ Новый Годъ — и дни его походили на дни минувшаго года. Это ли миръ на землѣ?! Еще больше дикой ненависти и мстительности чѣмъ когда-либо раньше! Со стороны Франціи все та же непоколебимая рѣшимость — насъ уничтожить, — той Франціи, которая не можетъ намъ простить лживость установленныхъ ею положеній объ отвѣтственности за войну. Въ газетахъ опять ожесточенная кампанія по вопросу о выдачѣ виновниковъ войны. Наряду съ этимъ юмористическіе фантастическіе слухи о моемъ предстоящемъ или уже совершившемся бѣгствѣ на аэропланѣ, подводной лодкѣ или Богъ вѣсть на чемъ. Однажды явились даже два американскихъ журналиста въ нашъ домикъ и просили разрѣшенія удостовѣриться собственными глазами въ моемъ присутствіи. Я охотно исполнилъ ихъ желаніе. — Въ началѣ февраля былъ опубликованъ оффиціальный списокъ лицъ, подлежащихъ выдачѣ: всего около 900 именъ и мое имя на первомъ мѣстѣ. Тогда я въ первый и единственный разъ за всю мою жизнь на островѣ нарушилъ молчаніе и обратился къ союзнымъ правительствамъ съ телеграммой, выражая готовность предоставить себя добровольно въ ихъ распоряженіе вмѣсто остальныхъ поименованныхъ въ спискѣ лицъ. Этотъ шагъ, вызванный непосредственнымъ движеніемъ чувства — шагъ, на который, между прочимъ, не отвѣтила ни одна изъ союзныхъ державъ — былъ многими и за границей и на родинѣ совершенно ложно истолкованъ.

До марта мѣсяца сообщенія разныхъ газетъ поддерживали во мнѣ надежду, что наша родина, несмотря на рецидивы революціонной лихорадки и несмотря на непримиренность партійныхъ противорѣчій, идетъ по пути внутренняго успокоенія и упроченія. Однако, эта вѣра рухнула, какъ только были получены извѣстія о Каппювскомъ путчѣ и его тяжелыхъ послѣдствіяхъ. Помимо чувства горести, которое вызвала во мнѣ новая вспышка кровавыхъ волненій, событіе это означало для меня жестокое разочарованіе: крушеніе надежды на близкій конецъ моего изгнанія и на возможность снова соединиться съ семьей на нѣмецкой территоріи (не подавая этимъ повода къ новымъ политическимъ осложненіямъ). События показали, что часъ возвращенія на родину еще не насталъ, и что онъ, быть можетъ, еще очень далекъ. При царившемъ въ Германіи броженіи умовъ я долженъ былъ опасаться, что мое возвращеніе, даже если бы я совершенно устранился отъ политической жизни, будетъ использовано партіями какъ пароль для новой борьбы за или противъ существующаго порядка. Мотивы, заставившіе меня 11-го ноября 1918 г. съ тяжелымъ сердцемъ уѣхать въ Голландію, очевидно, еще не изжили себя. Итакъ, чтобы выполнить взятое на себя обязательство до конца и не обезцѣнить своей жертвы остановкой на полпути, я долженъ былъ ждать и снова ждать.

Я открыто сознаюсь, что мартовскіе дни, приведшіе меня черезъ тяжелыя огорченія къ этому рѣшенію, относятся къ самымъ жестокимъ испытаніямъ моей жизни. Пятнадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ мною на островѣ въ самой примитивной обстановкѣ, вдали отъ культуры и умственной жизни, были для меня терпимы только потому, что возвращеніе въ кругъ семьи и къ дѣятельности на родинѣ представлялось мнѣ не слишкомъ отдаленной цѣлью, достижимою, быть можетъ, уже въ ближайшіе мѣсяцы. Эта заманчивая перспектива внушала мнѣ и въ самыя трудныя

минуты бодрость, и мысль «еще недолго!» была лучшимъ утѣшеніемъ. Все принимало благодаря этому видъ чего то предварительнаго и преходящаго.

Было бы глупымъ самообольщеніемъ послѣ мартовскихъ дней стараться поддерживать въ себѣ эту надежду. Старыя раны, теперь вновь открывшіяся, не могутъ зажить въ нѣсколько мѣсяцевъ, для полнаго ихъ исцѣленія потребуются годы, а можетъ быть и больше.

Какъ это ни странно, въ тяжелыхъ внутреннихъ конфликтахъ, съ которыми мы безуспѣшно боремся въ теченіе многихъ дней и ночей, мелкія внѣшнія обстоятельства намъ иногда оказываютъ существенную помощь. Я помню отчетливо этотъ день въ концѣ марта, слышу терпкій запахъ морского вѣтра и запахъ испареній пробуждающейся подъ лучами мартовскаго солнца земли. Изъ моей рабочей комнаты ведетъ маленькая холодная веранда въ узкій, вытянутый въ длину огородъ. Въ этотъ день наружная дверь веранды была широко раскрыта; я стоялъ около нея и задумчиво смотрѣлъ на огородъ. Въ прошломъ году мы оставили его безъ ухода, въ твердой увѣренности, что черезъ четверть года насъ здѣсь уже не будетъ. Видъ запущенныхъ грядокъ, разросшагося кустарника и размытыхъ снѣгомъ и дождемъ дорожекъ теперь неожиданно пробудилъ во мнѣ желаніе приняться за работу. Недолго думая, я схватилъ лопату, стоявшую у красной собачьей конуры рядомъ съ домомъ и началъ перекапывать землю. Все дальше и дальше, пока не заболѣла спина. Эта физическая работа въ огородѣ принесла мнѣ тогда громадное облегченіе. Я понялъ, что не въ безплодномъ ожиданіи мнѣ должно проводить здѣсь время! Неотказываясь отъ главной цѣли всѣхъ моихъ желаній, я долженъ всетаки примириться съ тяжелой обстановкой сегодняшняго дня и заполнить свою жизнь въ изгнаніи настоящей, полезной для будущаго работой! — Съ тѣхъ поръ я каждый день работалъ въ нашемъ ма-

денькомъ огородѣ и привелъ его въ порядокъ. Не знаю только, кому достанутся его плоды — мнѣ или другому?

Это были дни Капповскаго путча. Еще нѣсколько словъ долженъ я сказать по поводу этого злополучнаго эпизода. Я глубоко убѣжденъ, что стоящій надъ партійной борьбой монархическій образъ правленія болѣе всего соотвѣтствуетъ особымъ внутренне-политическимъ условіямъ нашей родины. Мнѣ поэтому вполнѣ понятны побужденія, заставившія многихъ испытанныхъ и идейно настроенныхъ людей принять участіе въ этомъ неудачномъ предпріятіи. Но я искренно жалѣю, что полное непониманіе создавшагося послѣ катастрофы положенія помѣшало имъ устоять противъ такого искушенія. Для насъ, нѣмцевъ, теперь важнѣе чѣмъ когда-либо считаться съ фактами, даже если они не соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Ибо первая и главнѣйшая наша обязанность и передъ самими собою и передъ грядущимъ поколѣніемъ, — это возстановленіе нашего родного крова. Силы, которыя тратятся на осуществленіе другихъ цѣлей, — потеряны для этой главнѣйшей работы и постольку тормозятъ ее. Когда это великое дѣло будетъ сдѣлано, гордость созданнымъ пробудитъ къ новой силѣ и наше захирѣвшее національное сознаніе!

Что же осталось еще разсказать? Наступила весна, моя вторая весна на островѣ. Родители переѣхали въ мѣсто своего новаго пребыванія.

Въ концѣ весны 1919 г. лордъ Фишеръ выпустилъ свои «Records». Въ этихъ мемуарахъ, написанныхъ съ поразительной откровенностью, почтенный авторъ говоритъ:

> «The essence of war is violence.
> Moderation in war is imbecility.»

Что значитъ:

> «Сущность войны — насиліе.
> Умѣренность въ войнѣ — глупость».

И далѣе: «Въ обязанности правительства — и притомъ всякаго правительства входитъ, полагаться въ широкой мѣрѣ на совѣсть военныхъ и морскихъ спеціалистовъ. Однако, въ конечномъ итогѣ, правительство, заслуживающее этого названія и пользующееся довѣріемъ народа, — должно установить между всѣми этими вопросами извѣстное пропорціональное соотношеніе, и бываютъ случаи, когда для правительства не только лучше, но даже необходимо рѣшаться на такіе рискованные шаги, которыхъ, пожалуй, можно было избѣгнуть, слѣдуя совѣтамъ военныхъ и морскихъ спеціалистовъ».

Если признать эти положенія лорда Фишера правильными, а я, по крайней мѣрѣ, признаю ихъ такими, то отсюда вытекаетъ рѣзкая критика поведенія нашего имперскаго правительства; ибо въ теченіе всей войны такого сотрудничества между нимъ и верховнымъ командованіемъ не было, и не было въ особенности должнаго перевѣса на сторонѣ правительства. Имперское правительство, которому во всѣхъ политическихъ и съ политикой связанныхъ вопросахъ принадлежало послѣднее слово, играло слишкомъ пассивную роль. Въ критическіе моменты, когда событія настойчиво требовали рѣшеній и дѣйствій, правительство обычно ничего не предпринимало. Въ лучшемъ случаѣ оно «обсуждало» вопросы, «изучало» ихъ, колебалось между «съ одной стороны» — велѣніемъ разума и «съ другой стороны» — боязнью всякаго рѣшительнаго шага, и въ результатѣ упускало благопріятный случай. Такимъ образомъ создалось то положеніе, которое является однимъ изъ главныхъ упрековъ по адресу генерала Людендорфа: высшее командованіе часто вмѣшивалось (и не могло не вмѣшиваться!) въ вопросы внѣшней и внутренней политики и въ гораздо большей степени, чѣмъ это соотвѣтствовало его компетенціи. Но высшее командованіе дѣлало это вынужденно; иначе многіе неотложные вопросы такъ и остались бы не рѣшенными.

Итакъ, если общественное мнѣніе упрекало и все еще упрекаетъ генерала Людендорфа въ томъ, что онъ держалъ себя какъ диктаторъ, вмѣшиваясь во всѣ вопросы политики и въ хозяйственныя проблемы распредѣленія продуктовъ питанія, сырья, въ положеніе рабочихъ, — то всякій, знакомый съ ходомъ вещей, признаетъ, что въ этихъ утвержденіяхъ есть доля истины. Но съ другой стороны именно такое освѣдомленное лицо всегда подтвердитъ, что генерала Людендорфа вынуждали къ вмѣшательству бездѣятельность и слабость тѣхъ учрежденій и лицъ, которыя по своей компетенціи были призваны къ выполненію этихъ задачъ. Я не могъ возражать генералу, когда онъ не разъ говаривалъ: «Все это — не мое дѣло. Но оно должно быть сдѣлано; и если я не примусь за него, то тамъ въ тылу (т. е. со стороны имперскаго правительства) ничего не сдѣлаютъ!» Въ такіе минуты я сердцемъ понималъ энергичнаго генерала, не боявшагося никакой отвѣтственности, но разумъ мнѣ подсказывалъ, что на его плечи взваливается слишкомъ много. — Всякая работоспособность имѣетъ свои естественныя границы, и больше 24 часовъ нѣтъ ни въ одномъ днѣ. Поэтому было совершенно очевидно, что **одинъ** человѣкъ, хотя бы онъ и былъ лучшимъ спеціалистомъ въ своей области и обладалъ самыми разносторонними способностями, не можетъ, помимо огромнаго аппарата высшаго командованія, одновременно обозрѣвать всѣ вопросы внѣшней и внутренней политики, а также хозяйственной жизни страны и успѣшно съ ними справляться. Необходимость приспособиться къ такой превышающей всякія способности задачѣ должна была привести даже самую крупную личность къ дробленію своихъ силъ.

Неудачный исходъ битвы на Марнѣ въ сентябрѣ 1914 г. разрушилъ Шлиффенскую программу войны, которую проводилъ генералъ Мольтке: быстрый разгромъ Франціи, — затѣмъ сведеніе счетовъ съ

Россіей. Послѣ этого пораженія война должна была, по всему вѣроятію, затянуться на неопредѣленное время. Уже въ 1915 г. я пришелъ къ убѣжденію, что время въ случаѣ чрезмѣрной затяжки войны, будетъ работать не за, а противъ насъ. Оно предоставитъ въ распоряженіе противника безконечные рессурсы открытаго ему, въ качествѣ его тыла, міра, между тѣмъ какъ мы будемъ вынуждены расходовать наши и безъ того скудные запасы сырья и матерьяловъ, запасы, объ увеличеніи которыхъ мы въ мирное время не сумѣли своевременно позаботиться. Точно также время дастъ непріятелю возможность мобилизовать и выставить противъ насъ громадныя арміи и свести благодаря этому требованія къ каждому отдѣльному бойцу до минимума; мы же вынуждены будемъ требовать отъ каждаго нѣмца всего и даже больше возможнаго и неизбѣжно должны будемъ притти, при такомъ неравенствѣ условій борьбы, къ полному истощенію силъ!

Какъ только это стало ясно, канцлеръ въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя внѣшней политики, долженъ былъ направить всѣ свои усилія къ скорому окончанію войны; онъ долженъ былъ независимо отъ мнѣній и плановъ высшаго командованія нащупывать почву для мирныхъ переговоровъ и завязывать сношенія за кулисами театра войны. Какъ блестящи бы ни были успѣхи оружія въ данный моментъ, — искусному политику они пригодились бы для его цѣлей; но они не могли бы его ослѣпить. Искусный политикъ не могъ бы занять по отношенію къ высшему командованію такой позиціи: Сначала закончите вы свое дѣло, а потомъ уже очередь дойдетъ до меня; пока же — мнѣ нечего дѣлать.

Я не хочу быть несправедливымъ къ нашему первому канцлеру военнаго времени и нисколько не сомнѣваюсь въ его доброй волѣ. Но я спрашиваю: былъ ли фонъ Бетманъ вообще еще способенъ на смѣлыя рѣшенія и поступки? Сохранилъ ли онъ

полноту своихъ душевныхъ силъ послѣ великаго крушенія своей англійской политики и послѣ своего выступленія 4-го августа 1914 г. въ рейхстагѣ, выступленія, равнявшагося собственно политическому харакири? — Какъ бы то ни было наша политическая судьба оставалась пока въ нетвердыхъ рукахъ этого усталаго человѣка.

Никогда не забуду характернаго эпизода, который мнѣ разсказывалъ лѣтомъ 1915 г. одинъ изъ крупныхъ Гамбургскихъ судовладѣльцевъ, ручаясь за его достовѣрность. Баллинъ, по его словамъ, былъ у канцлера и освѣтилъ ему на основаніи своего широкаго знанія свѣта политическое положеніе даннаго момента. Когда онъ кончилъ, Бетманъ вздохнулъ, провелъ рукою по лбу и сказалъ въ задумчивости: «ахъ, если бы меня уже не было въ живыхъ!», — на что Баллинъ, желая его вырвать изъ летаргическаго состоянія, отвѣтилъ шуткой: «да это подходило бы къ Вамъ: лежать круглый день въ гробу и смотрѣть, какъ мучаются другіе!»

Конечно стоявшая передъ канцлеромъ задача: отколоть одного изъ участниковъ Антанты и притти съ нимъ къ сепаратному соглашенію — была не легка, особенно для такого нерѣшительнаго человѣка, какимъ былъ фонъ Бетманъ. Но я и тогда не раздѣлялъ и теперь не раздѣляю взгляда иностраннаго вѣдомства, будто всякая серьезная попытка въ этомъ направленіи была безполезной.

Рѣчь могла въ данномъ случаѣ итти прежде всего о Россіи. Быть можетъ уже весною 1915 г. послѣ нашего побѣдоноснаго прорыва подъ Горлицей — хотя тогда препятствія для переговоровъ съ Россіей еще были очень велики. Николай Николаевичъ и военная партія находились еще у власти, соглашеніе между державами Антанты противъ сепаратнаго мира было еще у всѣхъ свѣжо въ памяти, а затѣмъ въ концѣ мая послѣдовало выступленіе Италіи противъ насъ. Тѣмъ не менѣе нельзя было предвидѣть, какъ

Россія отнесется къ мирному предложенію съ нашей стороны, которое гарантировало бы ей границы 1-го августа 1914 г. и большой заемъ или же перенесеніе на Германію всѣхъ ея финансовыхъ обязательствъ по отношенію къ Франціи.

Еще благопріятнѣе для сепаратнаго соглашенія съ Россіей сложились обстоятельства въ серединѣ лѣта 1915 г., когда военное положеніе Россіи значительно ухудшилось, и царь назначилъ премьеромъ германофильски настроеннаго Штюрмера.

Я считалъ это тогда несомнѣннымъ признакомъ склонности къ мирнымъ переговорамъ и настаивалъ на томъ, чтобы руководители нашей политики воспользовались этимъ случаемъ. Въ теченіе лѣта и начала осени того же года вопросъ этотъ дѣйствительно разсматривался у насъ въ общей формѣ, обсуждались также возможныя условія сепаратнаго міра, но въ концѣ концовъ все свелось къ частнымъ бесѣдамъ нѣмецкихъ дипломатовъ между собой или къ переговорамъ послѣднихъ съ высшимъ командованіемъ, не имѣвшихъ никакихъ практическихъ послѣдствій. Переговоры съ Штюрмеромъ такъ и не были завязаны, и наши дипломаты ограничились лишь безплодными жалобами на то, что война уничтожила всякую возможность вступить въ сношенія съ дипломатами вражескихъ странъ.

Если мнѣ возразятъ противъ этихъ разсужденій, что послѣ проигранной войны конечно легко выступить съ утвержденіемъ: «Вѣдь я это всегда говорилъ!» или «если бы меня послушали, дѣла приняли бы иной оборотъ», — то я могу эти возраженія отвести ссылкой на нѣкоторыя мои мысли и предположенія изъ докладной записки, составленной мною 18 декабря 1915 г., т. е. въ періодъ войны, когда она еще могла произвести нѣкоторое дѣйствіе, — и разосланной мною всѣмъ заинтересованнымъ инстанціямъ. Въ этой запискѣ я отстаивалъ ту точку зрѣнія, что мы всѣми возможными средствами должны добиваться

сепаратнаго мира съ одимъ изъ нашихъ противниковъ. Россія казалась мнѣ для этой цѣли наиболѣе пригодной. Въ концѣ своей записки я писалъ дословно слѣдующее:

«Только историческая наука будущаго сможетъ вполнѣ оцѣнить достиженія нашего народа въ эту войну. Но мы не хотимъ поддаваться дешевому самообману. Кровавыя жертвы, принесенныя нѣмецкимъ народомъ, уже теперь огромны... Въ мои задачи не входитъ — приводить здѣсь цифры нашихъ потерь, намъ слѣдуетъ лишь въ виду цѣлаго ряда грозныхъ признаковъ подумать, долго ли еще мы сможемъ пополнять потери въ нашихъ войскахъ. Правда, — я въ этомъ не сомнѣваюсь, — мы имѣли бы возможность еще долго продолжать войну, если бы рѣшились по примѣру французовъ исчерпать народныя силы до самаго дна. Но именно этого слѣдуетъ намъ избѣжать. Всякій, кто живетъ въ тѣсной связи съ фронтомъ, уже теперь испытываетъ глубокую грусть, видя какихъ дѣтей мы посылаемъ въ окопы. Мы должны подумать о томъ, чтобы Германія и послѣ войны обладала достаточными силами для выполненія своей исторической миссіи.

О финансовомъ положеніи я не буду говорить, такъ какъ я не компетентенъ въ этомъ вопросѣ. Въ хозяйственномъ отношеніи Германія блестяще приспособилась къ войнѣ, однако и здѣсь надо желать, чтобы война не затянулась дольше крайней необходимости, — иначе неминуемо погибнутъ слишкомъ большія цѣнности. Точно также и дороговизна жизни, непрерывно возрастающая, несмотря на разумныя мѣропріятія правительства, и особенно тяжело отражающаяся на бѣдныхъ классахъ населенія, недостатокъ корма въ деревнѣ и все, что съ этимъ связано, заставляютъ насъ желать быстраго окончанія войны. Такимъ образомъ отвѣтъ на вопросъ: чего можемъ мы достигнуть? гласитъ слѣдующимъ образомъ:

Если мы добьемся сепаратнаго мира съ Россіей, мы сможемъ покончить съ противниками на западѣ. Если же это невозможно, мы должны искать соглашенія съ Англіей.

Только по этимъ двумъ путямъ можно предвидѣть скорый конецъ войны, и мы должны его предвидѣть, если не хотимъ, чтобы наше отечество продолжало сражаться до полнаго истощенія.

Наше благопріятное положеніе именно въ данный моментъ представляетъ намъ возможность дѣйствовать въ указанномъ смыслѣ».

Вотъ что я писалъ и предлагалъ передъ Рождествомъ 1915 г., — но все напрасно, точно я говорилъ это на вѣтеръ. — Подобная же игра повторилась въ слѣдующемъ году. Настала осень 1916 г., прежде чѣмъ канцлеръ въ результатѣ всѣхъ своихъ размышленій, пришелъ къ убѣжденію, что на сепаратный миръ съ Россіей намъ нельзя разсчитывать; Россія по его словамъ, принимаетъ всѣ свои рѣшенія подъ диктовку Англіи, Англія же именно настаиваетъ на продолженіи войны. Правда, мы какъ разъ въ это время предприняли шагъ, который исключалъ возможность всякаго мирнаго соглашенія съ Россіей: мы создали польское королевство и выставили въ серединѣ лѣта 1916 г. программу по польскому вопросу, которая на всю Россію должна была произвести впечатлѣніе пощечины. Штюрмеръ палъ, а раннею весною 1917 года волны революціи при содѣйствіи Антанты смыли и царя. На восточномъ фронтѣ оставалось спокойно въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ послѣ русской революціи, и только въ концѣ іюня русскіе начали второе Брусиловское наступленіе. Однако уже двѣ недѣли спустя наше контръ-наступленіе привело къ прорыву русскаго фронта у Тарнополя и къ полной побѣдѣ надъ разлагающейся арміей противника. Около того же времени, 12-го іюля, послѣдовала наконецъ отставка Бетмана. Мнѣ ничего существен-

наго не остается прибавить къ тѣмъ въ общемъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя самъ канцлеръ во второмъ томѣ своихъ «Размышленій» сообщаетъ о моемъ отношеніи ко всѣмъ этимъ событіямъ. — Наслѣдство Бетмана принялъ Михаэлисъ, человѣкъ политически не испытанный, о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ котораго еще никто не имѣлъ возможности судить. Насколько я слышалъ, «открылъ» этого въ своей области безспорно весьма заслуженнаго чиновника, тайный совѣтникъ Валентини, который, ломая руки и обѣщая «королевство за канцлера!», долго искалъ подходящее для этого поста лицо. Я раньше не зналъ д-ра Михаэлиса; мнѣ хвалили его какъ исключительно дѣльнаго работника, тихаго, но по существу глубокаго человѣка. Я впервые увидѣлъ его въ іюльскіе дни 1917 г., когда я въ связи съ канцлерскимъ кризисомъ по распоряженію его величества велъ переговоры съ лидерами партій. Мы встрѣтились съ нимъ въ замкѣ Бель-Вю непосредственно передъ его представленіемъ его величеству. Нашъ разговоръ касался тогдашней злобы дня: внутренняго положенія, созданнаго выступленіемъ Эрцбергера въ комиссіи рейхстага и въ особенности столь неудачной по формѣ и содержанію мирной резолюціи рейхстага, которая могла произвести на нашихъ противниковъ только самое невыгодное впечатлѣніе: они должны были въ ней усмотрѣть не столько выраженіе миролюбія сильнаго и стойкаго бойца, сколько признаніе нашей военной слабости и убывающей силы сопротивленія. Дѣйствіе резолюціи оказалось такимъ образомъ противоположнымъ тому, которое ожидалось. Для нашего дѣла это означало серьезный уронъ. — И Михаэлисъ, какъ я убѣдился, по существу раздѣлялъ мои взгляды; однако во время нашего краткаго разговора мнѣ не удалось побудить его высказать свое собственное мнѣніе, а потому я и не могъ себѣ составить ясной картины того, какъ онъ думаетъ справиться съ тяжелыми задачами, оставленными ему въ наслѣдство

Бетманомъ. Я могъ лишь установить, что онъ человѣкъ съ самыми лучшими намѣреніями, съ твердой религіозной вѣрой. — Это, конечно мало, но я утѣшалъ себя: онъ ждетъ аудіенціи у его величества, онъ знаетъ о твоемъ отрицательномъ отношеніи къ политикѣ Бетмана и не знаетъ, въ какой степени онъ можетъ съ тобой говорить откровенно. — Будущее покажетъ, что онъ за человѣкъ.

Во всякомъ случаѣ смѣна канцлера показалась мнѣ подходящимъ моментомъ для того, чтобы еще разъ попытаться обратить вниманіе руководящихъ сферъ на мою оцѣнку положенія и на мои предложенія. Я считалъ, что мое сужденіе о системѣ, достигшей съ уходомъ Бетмана своего внѣшняго завершенія, не можетъ ограничиться одной отрицательной критикой. Тотъ, кто притязаетъ на критику, возлагаетъ на себя тѣмъ самымъ обязанность дать положительныя указанія относительно того пути, который представляется ему болѣе правильнымъ. Такъ я разработалъ лѣтомъ 1917 г. въ самый разгаръ борьбы на русскомъ фронтѣ новую докладную записку, которую представилъ одновременно кайзеру, канцлеру и высшему командованію. Возникла она непосредственно послѣ того, какъ находящаяся подъ моимъ командованіемъ группа войскъ, побѣдоносно отразила на широкомъ фронтѣ въ Шампани и на Энѣ наступленіе семидесятидевяти французкихъ дивизій. Я предоставляю общественному мнѣнію судить о томъ, говоритъ ли здѣсь только «фанатикъ войны» и «побѣдитель» или же она свидѣтельствуетъ о моемъ искреннемъ желаніи почетнаго мира. Записка составлена подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разговора съ умнымъ и политически дальновиднымъ др. Викторомъ Науманомъ. Я привожу здѣсь не только тѣ части записки, которыя характеризуютъ мое отношеніе къ внѣшней политикѣ и къ заключенію мира на востокѣ, но и остальныя главнѣйшія ея положенія, поскольку

они выражаютъ мои взгляды на нѣкоторыя другія существенныя проблемы войны:

«Смѣна имперскаго канцлера, открывающая вмѣстѣ съ тѣмъ новую эру германской и прусской политики, естественно требуетъ подведенія итоговъ прошлому, тѣмъ болѣе что только тогда возможно на сколько нибудь прочной основѣ установить планъ дѣйствія для будущаго. Прежде всего, на мой взглядъ, необходима совершенная ясность относительно слѣдующихъ пунктовъ:

1. Какъ велики наши запасы сырыхъ матеріаловъ всякаго рода?

2. Какова наша максимальная способность переработки этого матеріала?

3. Какъ велики наши запасы угля?

4. Какъ велики запасы продуктовъ питанія и фуража?

5. Какъ обстоитъ дѣло съ транспортомъ?

По установленіи всего этого необходимо далѣе въ полной мѣрѣ выяснить, какое число годныхъ къ военной службѣ резервовъ можетъ въ ближайшемъ году выставить и обучить Германія, не подвергая тѣмъ самымъ опасности ослабить столь необходимую ей въ хозяйственномъ отношеніи рабочую силу.

Но и этимъ также не исчерпывается еще желательное подведеніе итоговъ.

Мы должны еще учесть также и моральную цѣнность, именно настроеніе нашего народа, причемъ выясненіе этого настроенія по всей вѣроятности, даже можно сказать «несомнѣнно», приведетъ насъ къ выводу, что въ широкихъ кругахъ населенія жажда мира весьма и весьма усилилась.

Огромныя кровавыя жертвы, которыя потребовала уже болѣе трехъ лѣтъ продолжающаяся война и которыя облекли въ трауръ почти всѣ безъ исключенія нѣмецкіе дома и всѣ нѣмецкія семьи, ожиданіе и въ будущемъ еще новыхъ тяжкихъ потерь драгоцѣннѣйшихъ жизней, подавленное настроеніе, по-

рождаемое и питаемое необходимостью отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, недостатокъ въ средствахъ питанія и въ углѣ, — все это, взятое вмѣстѣ, породило недовольство въ широкихъ народныхъ слояхъ и при томъ отнюдь не только въ соціалъ-демократическихъ, недовольство, которое столько же затрудняетъ продолженіе войны, сколько разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на самую идею монархизма.

Если къ этому присовокупить, что опредѣленная надежда на скорое окончаніе подводной войны не осуществилась, то врядъ ли еще можно удивляться серьезности моральнаго перелома. Все сказанное въ равной мѣрѣ относится и къ нашимъ союзникамъ. Ихъ матеріальному и моральному состоянію должно также съ помощью всего доступнаго намъ матеріала подвести итогъ, ибо только такимъ образомъ сможемъ мы установить, чего вообще намъ слѣдуетъ ожидать, и что, слѣдовательно, предстоитъ намъ сдѣлать.

По отвѣтѣ на указанные вопросы, поскольку они касаются насъ и нашихъ союзниковъ, необходимо, наконецъ, далѣе хотя бы съ приблизительной точностью постараться выяснить запасы и резервы нашихъ противниковъ. Однако уже сейчасъ, не подвергаясь опасности быть обвиненнымъ въ чрезмѣрномъ пессимизмѣ, можно сказать, что сравненіе обоихъ балансовъ, а именно нашего и нашихъ противниковъ, врядъ ли покажетъ благопріятный намъ результатъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого является то, что даже въ лучшемъ случаѣ намъ нечего думать уже о наступленіи и что всѣ усилія наши должны быть направлены на удержаніе нами своихъ позицій при интенсивномъ продолженіи подводной войны въ теченіе нѣкотораго времени.

Если отъ этой послѣдней придется отказаться и при томъ безъ надежды на окончаніе борьбы, то мы по необходимости должны искать мира, который наша дипломатія между тѣмъ должна подготовить.

Сдѣлать это тѣмъ болѣе составляетъ нашу обязанность, что мы можемъ себѣ откровенно сказать, что нашъ сильнѣйшій союзникъ, Австро-Венгрія, въ виду своихъ экономическихъ и въ еще большей мѣрѣ своихъ внутренне-политическихъ условій, не сможетъ продолжать войны далѣе сравнительно непродолжительнаго срока.

Врядъ ли необходимо еще упоминать, что и положеніе дѣлъ въ Турціи не является особенно радужнымъ.

Я отнюдь не игнорирую при этомъ того факта, что наши противники находятся тоже въ очень плохомъ положеніи, и что въ ихъ рядахъ чрезвычайно боятся предстоящей зимней кампаніи. Однако два момента за послѣднее время вызвали у нихъ извѣстный переломъ въ настроеніи.

Это прежде всего вступленіе Америки въ войну и связанныя съ этимъ надежды, а затѣмъ слишкомъ поспѣшное дѣйствіе германскаго рейхстага (резолюція о мирѣ), которое, какъ въ рядахъ нашихъ противниковъ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ, разсматривается какъ прямое заявленіе о нашемъ банкротствѣ. Въ Лондонѣ и Парижѣ и даже въ Римѣ склоняются теперь къ тактикѣ выжиданія, такъ какъ наше пораженіе считается тамъ теперь только вопросомъ времени.

Что же намъ надлежитъ дѣлать, чтобы, несмотря на все, найти почетный и по возможности успѣшный выходъ изъ создавшагося положенія?

Прежде всего какова должна быть наша внутренняя политика?

Сохраненіе границъ, раздѣляющихъ отдѣльныя имперскія вѣдомства безъ утраты изъ виду общности дѣйствія.

При этомъ, хотя канцлеръ, руководящій всей внутренней и внѣшней политикой, и несетъ за нее полную отвѣтственность, необходимо все таки съ другой стороны постоянное и плодотворное сотрудничество

органовъ имперскаго управленія съ высшимъ военнымъ командованіемъ, главнымъ морскимъ штабомъ и т. д. Точно также необходимо держать въ курсѣ происходящихъ событій и правительства наиболѣе крупныхъ союзныхъ государствъ Имперіи.

Важнѣйшимъ вопросомъ по прежнему остается регулированіе потребленія угля и продуктовъ питанія.

Внѣшняя политика. Здѣсь также должна господствовать только одна воля, опирающаяся на взаимную и открытую информацію всѣхъ руководящихъ инстанцій: вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, главнаго военнаго командованія, главнаго морского штаба.

Откровенность по отношенію къ нашимъ союзникамъ должна быть тоже вмѣнена въ обязанность. Насколько это только возможно, надлежитъ бережно относиться къ интересамъ нейтральныхъ государствъ и итти навстрѣчу ихъ пожеланіямъ.

Отъ всякой мысли искать мира черезъ посредство Англіи слѣдуетъ отказаться, и всѣ усилія надлежитъ опредѣленнымъ образомъ направить въ сторону мира съ Россіей.

Здѣсь — всѣ основанія надѣяться, что послѣ отраженія предстоящаго наступленія въ Россіи произойдетъ рѣшительный переломъ настроенія. Этимъ моментомъ и слѣдуетъ воспользоваться.

Можно также и нейтральныя государства поставить въ извѣстность, что мы въ общемъ готовы заключить миръ на основѣ status quo. Они сообщатъ это нашимъ противникамъ, а мы вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы съ помощью искусныхъ посредниковъ подготовить въ этомъ направленіи и русскіе правительственные круги.

Съ несомнѣнностью можно допустить, что на Западѣ насъ встрѣтитъ отказъ, но зато есть всѣ основанія надѣяться на то, что Россія попытается заключить сепаратный миръ. Въ такомъ случаѣ будетъ создано положеніе, которое несомнѣнно заставитъ Англію, уже и безъ того стонущую отъ подводной войны, поставить вопросъ, слѣдуетъ ли ей и ея союз-

никамъ продолжать войну или сравнительно въ скоромъ времени вступить съ нами въ переговоры.

Если же и Россія противъ ожиданія не пойдетъ на миръ, то тогда мы сможемъ сказать своему народу: мы сдѣлали все возможное, чтобы добиться мира; враги — и это теперь доказано — хотятъ однако насъ уничтожить, слѣдовательно, необходимо напрячь всѣ силы, чтобы разрушить этотъ ихъ планъ. Возможно, что такой способъ дѣйствія вызоветъ такое напряженіе народныхъ силъ, которое превзойдетъ даже наши собственныя ожиданія. Какъ бы то ни было, нашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовлять почву къ сравнительно скорому миру, ибо если въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ подводная война не смиритъ Англіи, то дальнѣйшее ея продолженіе уже не окажетъ намъ существенной помощи.

Нужда въ матеріалахъ будетъ непомѣрно возростать, пополненіе арміи новыми резервами съ каждымъ днемъ будетъ становиться труднѣе.

Жизненная сила нашего народа, все болѣе и болѣе истекающаго кровью, будетъ уменьшаться, внутри могутъ возникнуть стачки и возстанія, остановка въ производствѣ снарядовъ и вооруженія можетъ сдѣлать насъ безоружными. Финансовое бремя Имперіи возростаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, наши союзники, весьма вѣроятно, попытаются заключить сепаратный миръ, а нейтральныя государства будутъ вынуждены примкнуть къ другой сторонѣ.

Политика требуетъ мужества смотрѣть правдѣ въ глаза. Знать и постичь опасность это значитъ уже наполовину ее преодолѣть.

Въ настоящій моментъ рѣчь идетъ о сохраненіи династіи, о сохраненіи германской имперіи и о продолженіи даже самого германскаго народа. Если наши противники навяжутъ намъ свой миръ, то перо, подписавшее миръ, напишетъ также и послѣднюю букву гогенцоллернской, прусской и германской исторіи. До этого мы не должны довести, и потому наша обязан-

ность, если уже это должно быть, пойти также и на компромиссный миръ. Такой миръ, конечно, принесетъ разочарованіе. Но безконечное удлиненіе войны можетъ повести къ тому, что весной 1918 года мы окажемся одни противъ цѣлаго міра, безъ союзниковъ и истекая кровью послѣ трехъ съ половиной лѣтъ войны. А такое положеніе будетъ грозить намъ окончательной гибелью.

Если намъ удастся въ скоромъ времени заключить миръ съ нашимъ восточнымъ противникомъ, то результатомъ этого будетъ то, что мы въ лицѣ Россіи пріобрѣтемъ новую сферу экономическаго вліянія, но если мы запоздаемъ съ миромъ, то мы и въ этомъ отношеніи опоздаемъ, ибо Америка уже внѣдрилась въ обширное восточное царство.

Но въ первомъ случаѣ мы въ финансовомъ отношеніи выиграли войну. Этого тоже не слѣдуетъ забывать.

Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно. Если мы удержимся въ этой войнѣ, то мы фактически будемъ побѣдителями, ибо, борясь противъ всего міра, мы вышли изъ борьбы не уничтоженными.

Это необычайно подыметъ нашъ престижъ послѣ войны и увеличитъ нашу силу.

Наше положеніе аналогично положенію Фридриха Великаго до Губертусбургскаго мира. Исторія справедливо считаетъ его побѣдителемъ, ибо онъ не былъ побѣжденъ въ борьбѣ.

подп. Вильгельмъ,

Кронпринцъ Германской Имперіи и Пруссіи».

Въ мартѣ 1918 года, ровно три четверти года спустя послѣ составленія мной этой записки, мы заключили сепаратный миръ съ революціонной Россіей — но что за миръ! Съ одной стороны повелительный жестъ побѣдителя, по диктаторски диктующаго свою волю, съ другой же стороны уступчивая и услужливая уступчивость въ вопросахъ, затрагивавшихъ нашъ

собственный жизненный нервъ. Господину Іоффе было разрѣшено, вопреки всѣмъ предостереженіямъ Гельфериха, въѣхать въ Берлинъ для того, чтобы здѣсь въ Германіи раздавать направо и налѣво во благо міровой революціи свое золото. Опять таки повсюду та же картина неисправимой половинчатости.

Нѣтъ, насколько я знаю, правительство не предприняло достаточно серьезныхъ попытокъ къ тому, чтобы работа оружія была восполнена рѣшительными, своевременными и достаточными политическими мѣропріятіями.

Я привелъ здѣсь почти дословно обѣ записки, представленныя мною въ декабрѣ 1915 и въ іюлѣ 1917 г. кайзеру, верховному командованію и рейхсканцлеру для того, чтобы показать, что въ теченіе войны я неоднократно и въ настойчивыхъ выраженіяхъ указывалъ на необходимость стремиться къ компромиссному миру. Оба приведенные мною выше текста далеко не исчерпываютъ картины моихъ разнообразныхъ усилій въ этомъ направленіи. Документальное сопоставленіе всего того, что было мною предпринято въ теченіе войны, начиная со дней перваго сраженія при Марнѣ, для проведенія въ жизнь моихъ идей (отъ которыхъ я въ теченіе этого времени ни разу не отрекался) о невыносимости для арміи и для тыла безграничнаго продолженія войны, о настоятельной желательности компромисснаго соглашенія и о преимуществахъ таковаго (если бы даже на первый взглядъ оно казалось менѣе выгоднымъ) по сравненію даже съ выгоднымъ миромъ, полученнымъ однако въ результатѣ длительнаго истощенія, — вышло бы за предѣлы предположенныхъ рамокъ этой книги. Сюда же относятся мои попытки исправленія слишкомъ уже оптимистическихъ представленій о нуждѣ въ тылу, о выносливости войскъ, слишкомъ уже переобремененныхъ въ послѣдній годъ, и о многихъ другихъ подобныхъ вопросахъ, — представленій, которыя господствовали въ руководящихъ кругахъ и

противорѣчили моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, пріобрѣтеннымъ мною благодаря моему непосредственному соприкосновенію съ затронутыми войной людьми.

— Но — возразятъ мнѣ на это — кронпринцъ вѣдь неоднократно публично и въ частности передъ войсками въ рѣчахъ и писаніяхъ исповѣдывалъ и требовалъ отъ другихъ волю къ побѣдѣ и увѣренность въ ея достиженіи. Вѣдь онъ хотѣлъ даже добиться запрещенія распространенія на фронтѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, разлагавшихъ по его мнѣнію эту вѣру въ побѣду.

Да, конечно, я это сдѣлалъ! И выполнилъ тѣмъ самымъ свой долгъ, какъ командующаго фронтомъ и свой долгъ солдата, точно такъ же, какъ я выполнилъ свой долгъ политически мыслящаго человѣка и кронпринца Германской Имперіи и Пруссіи, пытаясь воздѣйствовать на руководящія инстанціи военнаго командованія и гражданскаго управленія въ направленіи подготовки компромисснаго мира и яснаго познанія даже и непріятныхъ истинъ. Я остаюсь при твердомъ убѣжденіи, что только въ своемъ сочетаніи обѣ эти съ виду столь противоположныя линіи поведенія могли быть вполнѣ оправданы, и что каждая изъ нихъ помимо другой была бы ошибкой. Единственно о чемъ я сожалѣю, это только о томъ, что, будучи политически безотвѣтственнымъ совѣтчикомъ, я не имѣлъ ни средствъ ни возможности успѣшно воздѣйствовать на политически отвѣтственные и имѣвшіе право рѣшающаго голоса круги, что я, видя всю пагубность нашей политики, принужденъ былъ быть пассивнымъ зрителемъ политическихъ рѣшеній или политической нерѣшительности, которыя на мой взглядъ должны были на долгіе годы и самымъ несчастнымъ образомъ опредѣлить судьбу Германіи въ будущемъ.

Я упомянулъ о томъ, что мной былъ возбужденъ вопросъ о запрещеніи распространенія на фронтѣ нѣ-

которыхъ газетъ, которыя въ соотвѣтствовавшей тому времени формѣ методически саботировали войну. Въ демократическихъ кругахъ съ большимъ возмущеніемъ была встрѣчена эта попытка «умышленнаго подавленія свободы печати и общественнаго мнѣнія». И это тогда, когда рѣчь шла о томъ, чтобы сохранить боеспособность арміи, отъ которой все тогда зависѣло, чтобы отвратить отъ арміи опасность вовлеченія ея въ обсужденіе постороннихъ и разлагающихъ ее вопросовъ. На дѣлѣ моя попытка такъ и не удалась, и пагубная пропаганда продолжала свою разъѣдающую работу.

Только опираясь на народъ, исполненный желѣзной воли къ побѣдѣ и вѣры въ нее, могло правительство рѣшиться на шаги въ направленіи сепаратнаго мира, отдѣльнаго соглашенія съ тѣмъ или инымъ изъ нашихъ противниковъ. Напротивъ, безцѣльной и прямо таки пагубной и вредной для всего нашего положенія была бы всякая попытка, которая могла бы дать впечатлѣніе, что мы во что бы то ни стало стремимся къ миру и не въ состояніи долѣе выдержать борьбы. Безцѣльны и безсмысленны были поэтому всѣ тѣ явныя, открыто высказанныя предложенія мира, тѣмъ болѣе, что они совсѣмъ не давали ясной картины того, что мы собственно хотѣли. Они имѣли лишь тотъ результатъ, что дали психологическую опору надеждѣ враждебныхъ намъ народовъ на наше скорое крушеніе и усилили тѣмъ самымъ вѣру нашихъ противниковъ въ ихъ побѣду и волю ихъ продержаться до «knock out blow» — намъ во вредъ, намъ на погибель. Нѣтъ, истинную волю къ побѣдѣ и вѣру въ нее на долгое время и вплоть до удачнаго исхода войны можно было поддержать въ томъ народѣ и въ той арміи, во главѣ которыхъ стояло бы не только сильное и мужественное военное командованіе, но одновременно и вполнѣ достойное его правительство, правительство, которое въ теченіе кровавой борьбы на судѣ, на морѣ и въ воздухѣ

ни на секунду не упускало бы изъ виду многочисленныхъ нитей и пружинъ внѣшней политики и которое, будучи готовымъ къ своевременному и смѣлому рѣшенію, было бы въ курсѣ малѣйшаго могущаго оказаться намъ полезнымъ движенія на мечущемся въ лихорадкѣ міровой войны земномъ шарѣ. Нужно было правительство, которое, смѣло заглядывая въ будущее, вмѣстѣ съ тѣмъ мудро бы разсчитывало возможности настоящаго и ясно видѣло бы тотъ путь, по которому возможно скорѣе оно могло бы привести отечество къ благополучному и почетному миру.

Вѣрнымъ вожатымъ къ такому миру могло бы быть только то правительство, которое въ своей внутренней политикѣ крѣпко держало бы въ рукѣ весь народъ со всѣми его различными слоями, сословіями, направленіями и партіями.

Что въ такомъ народѣ, какъ нѣмецкій, особенно склонномъ къ внутреннимъ раздорамъ и разслоеніямъ, собрать въ единую силу все множество мнѣній, желаній и стремленій, было чрезвычайно труднымъ дѣломъ, — это не подлежитъ сомнѣнію. Если въ Англіи и Франціи національное чувство во все время теченія войны сплотило всѣ партіи въ одно единое цѣлое, то у насъ, у нѣмцевъ, руководящихся чрезмѣрно своими партійными точками зрѣнія, которыя слишкомъ скоро опять начали прорываться наружу, единство воли и чувства очень быстро было надломлено. Тѣмъ самымъ была поколеблена идея гражданскаго мира и причиненъ ущербъ нашей наступательной силѣ. Нельзя сказать, чтобы вина въ этомъ пренебреженіи великой идеей безкорыстнаго и жертвеннаго самоотреченія на благо отечества всецѣло лежала на лѣвыхъ партіяхъ. Во многомъ также виновата и неправильная экономическая политика, предоставившая почти что неограниченную самостоятельность военной промышленности, боявшаяся ограничить военную прибыль и не сумѣвшая подчинить работавшіе на войну фабрики и заводы государственному цѣлому, боря-

щемуся за свое существованіе. Нерѣшительность въ этомъ направленіи весьма содѣйствовала преждевременному и слишкомъ рѣзкому выявленію старыхъ соціальныхъ и экономическихъ противорѣчій. — Въ томъ же направленіи вліяла также прямо таки болѣзненная склонность широкихъ круговъ нѣмецкаго народа къ какой-то абсолютной объективности въ дурномъ смыслѣ этого слова. Желая быть во что бы то ни стало безпристрастными, мы во время войны слишкомъ часто предавались самоанализу, доходившему нерѣдко до душевнаго самобичеванія, — и это предъ лицомъ всего міра, большая часть котораго находилась съ нами въ войнѣ. Немудрено, что мы въ концѣ концовъ внушили міру, что добросовѣстные и совѣстливые люди среди насъ сами сомнѣваются въ нашемъ правѣ, въ нашемъ дѣйствіи и въ стремленіяхъ. А въ это самое время въ Англіи всѣ партіи, оцѣнивая любой планъ и любое дѣйствіе своего правительства, руководствовались исключительно старымъ сильнымъ лозунгомъ прочно спаянной націи: «Right or wrong — my country!» (Дурно или хорошо, это моя родина).

Несчастнымъ героемъ такой объективности въ дурномъ смыслѣ слова, человѣкомъ, въ сердцѣ котораго никогда не могло разгорѣться могучее пламя великой идеи, былъ также и первый имперскій канцлеръ военнаго времени. Сдѣланное имъ 4-го августа 1914 года въ рейхстагѣ разъясненіе по поводу вступленія нашихъ войскъ въ Бельгію останется навсегда горькимъ школьнымъ примѣромъ его неспособности понять чувство собственнаго народа и проникнуть въ душу противниковъ. Тогда 4-го августа 1914 года до того, когда раздался еще первый выстрѣлъ, мы, нѣмцы, проиграли первое большое сраженіе предъ лицомъ всего свѣта.

И столь же слѣпымъ по отношенію ко всему, что происходило вокругъ него, оставался онъ въ теченіе

всѣхъ долгихъ лѣтъ своего канцлерства, которое мы должны были терпѣть во время войны.

Такъ онъ не уставалъ подчеркивать, что особой заслугой соціалъ-демократической партіи было то, что она въ началѣ войны предложила правительству свое сотрудничество, какъ будто рабочія массы не сбросили бы просто тогда своихъ вождей, если бы эти послѣдніе выступили противъ сотрудничества. Развѣ не былъ тогда весь нѣмецкій народъ единодушно и глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы стоимъ на порогѣ навязанной намъ и неотвратимой войны, изъ которой вывести насъ къ прочному миру можетъ только рѣшительная воля къ борьбѣ и побѣдѣ. Что нѣкоторые вожди крайней лѣвой въ глубинѣ души никогда не хотѣли безусловной побѣды германскаго оружія, — это повидимому, въ теченіе долгаго времени было сокрыто отъ канцлера. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы противодѣйствовать всѣмъ стремленіямъ поколебать и разрушить вѣру народныхъ массъ въ нѣмецкое дѣло.

Въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Людендорфъ жалуется на то, что правительство въ тылу почти ничего не дѣлало для поддержки въ нѣмецкомъ народѣ воли къ побѣдѣ и борьбы съ пораженческими теченіями. Я также во время войны не могъ не вынести впечатлѣнія, что отвѣтственныя инстанціи пассивно терпѣли наростаніе этихъ теченій. Пораженчество, которое во Франціи, Англіи и Америкѣ было подавляемо самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ начало, враждебное текущимъ потребностямъ и благу государства, имѣло возможность расцвѣсти у насъ пышнымъ цвѣтомъ. Наше правительство было какъ то совсѣмъ безпомощно по отношенію къ нему, полагая, что мягкой уступчивостью оно сможетъ успокоить и заклясть противонаціональныя теченія. Безъ всякаго сопротивленія пассивно относилось оно къ ходу событій, какъ бы сознательно закрывая глаза

на ту трагическую развязку, къ которой раньше или позже все это должно было привести.

Тамъ, гдѣ возникали затрудненія и встрѣчались препятствія, правительство опять прибѣгало къ мелкимъ средствамъ, половинчатымъ мѣропріятіямъ, думая помочь дѣлу уступками, которыя оно давало то съ какой то угодливой поспѣшностью, то, напротивъ, вынужденно и всегда слишкомъ поздно. Такимъ образомъ можно было сплести мелкую сѣть разрозненныхъ мѣропріятій, которая кое какъ удовлетворяла еще нуждамъ текущей политики, но рано или поздно неминуемо должна была порваться. — Гражданскихъ же диктаторовъ съ сильной волей къ побѣдѣ, твердо знающихъ цѣль и линію своего поведенія, каковыми для своихъ странъ были Клемансо и Ллойдъ-Джорджъ, у насъ опредѣленно не хватало. Чѣмъ долѣе продолжалась война, тѣмъ самодержавнѣе и строже становилось правленіе въ странахъ нашихъ противниковъ, и тѣмъ неувѣреннѣе и податливѣе ко всякому давленію слѣва дѣлалась наша внутренняя политика. Чтобы поддержать хорошее настроеніе рабочихъ, занятыхъ въ тылу производствомъ военнаго снаряженія, имъ выдавалась фантастическая заработная плата. Но отъ этого жадность ихъ только усиливалась, уклоненіе отъ военной службы еще болѣе поощрялось, а солдатъ на фронтѣ еще болѣе озлоблялся и возстанавливался противъ войны. Почему вся работа въ тылу, имѣвшая военное значеніе, не была урегулирована на подобіе воинской повинности? Почему привлеченные къ этой работѣ въ тылу не были уравнены въ заработной платѣ и пайкѣ съ нашими воинами? До пресыщенія говорилось о вѣрныхъ своему долгу бойцахъ тыла! Конечно, организація въ этомъ смыслѣ должна была бы съ равной силой распространяться, какъ на рабочихъ, такъ и на работодателей.

Для объединенія тыловой работы былъ наконецъ — и тоже только по настоянію высшаго военнаго

командованія, въ компетенцію котораго это совсѣмъ не входило — введенъ законъ о вспомогательной трудовой повинности, но какой водянистый, какой искалѣченный законъ!

Нерѣшительной и мало удачной также была позиція, занятая правительствомъ во время войны въ вопросѣ о реформѣ прусскаго избирательнаго права. Соціалъ-демократія воспользовалась этимъ вопросомъ, какъ лазунгомъ для грандіозной пропаганды, не останавливаясь даже передъ угрозами забастовки, — и это тогда, когда наши войска на фронтѣ изнемогали въ тяжелой борьбѣ, когда все благополучіе и даже самая жизнь нашихъ воиновъ зависѣли отъ неослабной работы обезпечивавшаго ихъ въ тылу механизма.

Передъ правительствомъ стояли два пути: Или оно должно было стать на ту точку зрѣнія, что война не есть подходящее время для конституціонныхъ преобразованій тѣмъ болѣе, что лучшая часть народа, стоявшая на фронтѣ подъ ружьемъ, была бы во время войны исключена изъ участія въ реформѣ — но тогда оно должно было напречь всѣ силы, чтобы безпощадно подавить всякую агитацію въ противоположномъ смыслѣ. Или правительство должно было опредѣленно рѣшиться на измѣненіе избирательнаго права, — но тогда оно не должно было останавливаться и передъ немедленнымъ роспускомъ ландтага, дабы не упустить ни одного средства, пригоднаго къ проведенію своей воли.

Правительство и здѣсь избрало путь половинчатыхъ мѣропріятій.

Когда начальникъ гражданскаго кабинета фонъ Валентини сообщилъ мнѣ въ 1917 году т. н. «пасхальную вѣсть», я высказалъ ему все свое удивленіе по поводу этого ремесленнаго продукта канцелярскаго творчества и указалъ ему, что подобный указъ рѣшительно никого не удовлетворитъ. Правительство скоро принуждено будетъ все равно дать равное избирательное право, а тогда лучше уже, чтобы оно

было дано теперь и по свободному соизволенію его величества. Валентини возразилъ: «Равное, тайное, избирательное право безусловно исключено. Предполагается дарованіе множественнаго вотума на подобіе бельгійскаго». Свидѣтелемъ этой бесѣды былъ начальникъ моего штаба графъ фонъ деръ Шуленбургъ.

Августъ 1920 г.

Послѣ того, какъ я написалъ эти страницы, нашу семью поразило опять тяжелое горе. Душевно сломленный, мой братъ Іоахимъ разстался съ жизнью. Тотчасъ же по полученіи этого извѣстія, я поѣхалъ на ту сторону въ Доорнъ, чтобы хотя въ первое и самое тяжелое время быть около матери. Сколь много горя выпало на долю ея бѣднаго больнюго сердца!

Въ началѣ мѣсяца меня посѣтилъ затѣмъ на островѣ мой братъ Оскаръ, вскорѣ послѣ меня прибывшій въ Доорнъ, и также Эйтель Фридрихъ былъ здѣсь. Такъ всѣ они постепенно познакомились съ тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ я живу вотъ уже болѣе 20 мѣсяцевъ. Имъ, пожалуй, не показалось уже здѣсь такъ плохо за нѣсколько дней ихъ пребыванія, особенно благодаря хорошей погодѣ. Большую радость доставило мнѣ прибытіе моего стараго, неизмѣнно преданнаго Мальцана, который во время своихъ посѣщеній меня на фронтѣ дѣлилъ со мной мои серьезныя опасенія по поводу нашего внутренняго положенія. — Въ концѣ мѣсяца должна опять пріѣхать сюда жена, на этотъ разъ со всѣми четырьмя мальчиками.

Мнѣ хочется въ замѣткахъ о моихъ личныхъ переживаніяхъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ двухъ людяхъ, въ которыхъ для всего германскаго народа воплотились идея и образъ военнаго вождя, о гене-

ралъ-фельдмаршалѣ Гинденбургѣ и объ его первомъ генералъ-квартирмейстерѣ генералѣ Людендорфѣ.

Чѣмъ наша родина обязана этихъ двумъ людямъ объ этомъ распространяться не приходится. Достаточно напомнить о дняхъ великихъ побѣдъ подъ Танненбергомъ и на Мазурскихъ озерахъ. Въ эти дни имена обоихъ вождей были у всѣхъ на устахъ и послѣ этихъ дней, какъ армія, такъ и народъ, одинаково желали, чтобы этимъ людямъ было ввѣрено руководство всей германской арміей. Мы, главнокомандующіе участками фронта, тоже искренне раздѣляли это всеобщее желаніе увидѣть Гинденбурга и Людендорфа на высшемъ отвѣтственномъ посту и приняли окончательное рѣшеніе его величества призвать ихъ съ радостью и надеждой.

Никогда въ жизни мнѣ не приходилось видѣть, чтобы два человѣка столь различные по натурѣ, такъ дополняли другъ друга и такъ сливались въ одно цѣлое, какъ Гинденбургъ и Людендорфъ. Общей почвой для ихъ плановъ, размышленій и рѣшеній была мысль о благѣ отечества, объ успѣхахъ и чести арміи.

Чтобы характеризовать генералъ-фельдмаршала, какимъ онъ представлялся въ годы своего зрѣлаго подъема, я долженъ былъ бы сказать, что его законченная въ самомъ себѣ индивидуальность производила впечатлѣніе безхитростной мощи и спокойствія. Это было впечатлѣніе увѣреннаго твердаго спокойствія, передававшагося каждому, кому приходилось съ нимъ соприкасаться въ жизни или по службѣ; оно внушало всѣмъ убѣжденіе, что судьбы арміи въ безопасности въ этой твердой рукѣ и подъ взглядомъ этихъ серьезныхъ и въ то же время всегда проникнутымъ теплымъ участіемъ, глубоко сидящихъ глазъ. Если же онъ при этомъ еще и говорилъ, то, кромѣ какъ будто застывшаго образа его крупной широкоплечей фигуры, на собесѣдника производили также впечатлѣніе его обдуманныя и медлительныя слова,

которыя онъ произносилъ своимъ низкимъ голосомъ. Такое впечатлѣніе получали не только отдѣльныя лица, съ которыми онъ разговаривалъ, оно передавалось также и толпѣ, когда передъ ней показывался генералъ-фельдмаршалъ. Къ этому присоединялось еще и то обстоятельство, что какія то трудно уловимыя черты его индивидуальности, казалось, сглаживали границы между его служебнымъ и его человѣческимъ отношеніемъ къ людямъ, вопросамъ и вещамъ.

На фонѣ грандіозныхъ освободительныхъ побѣдъ на востокѣ, уже окруженныхъ почти ореоломъ мифа, личность Гинденбурга сдѣлалась для арміи и народа какъ бы символомъ германской побѣды и спасенія отъ бѣдствій войны. То загадочное нѣчто, значительной частью коренящееся въ сердцѣ и душѣ, что создаетъ для массовой души популярнаго героя и что никогда не избирало своимъ объектомъ людей въ родѣ Фалькенгайна или Людендорфа, быстро окружило его блестящимъ ореоломъ, сдѣлало его въ германскихъ сердцахъ идеаломъ вождя. Это трогательное по своей примитивной безотчетности довѣріе, выражавшееся въ словахъ «нашъ старый Гинденбургъ это устроитъ», мнѣ приходилось встрѣчать повсюду, какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ; оно было утѣшеніемъ въ это тягостное время. Такое довѣріе осталось и тогда, когда мы, главнокомандующіе, хорошо знавшіе положеніе и уже давно лишившіеся былого оптимизма, встрѣчали въ отвѣтъ лишь молчаніе.

Уже и во время войны было распространено мнѣніе, — теперь оно имѣетъ еще больше сторонниковъ, — что генералъ-фельдмаршалъ за время своей дѣятельности на верховномъ военномъ посту рядомъ съ генераломъ Людендорфомъ, бывшимъ подлиннымъ spiritus rector верховнаго военнаго командованія, игралъ больше декоративную роль. Этотъ взглядъ я, зная прекрасныя отношенія между обоими вождями, долженъ назвать ошибочнымъ. Во всякомъ слу-

чаѣ онъ совершенно неправиленъ по отношенію къ тому времени, когда генералъ-фельдмаршалъ еще былъ въ полномъ обладаніи своими физическими силами и своей энергіей. Конечно, нужно признать, что и Гинденбургъ, котораго война застала, правда, сохранившимъ полную духовную и физическую свѣжесть, но все же шестидесятилѣтнимъ старикомъ, послѣ трехъ, четырехъ лѣтъ, преисполненныхъ труда, заботы и тяжкой отвѣтственности, не могъ вполнѣ избавиться отъ естественныхъ послѣдствій своего преклоннаго возраста. Это вѣдь нисколько не уменьшаетъ великихъ и незабвенныхъ заслугъ доблестнаго вождя. Неутомимая энергія его значительно болѣе молодого друга и ближайшаго сотрудника явилась ему подмогой и дала ему нужное облегченіе. И гармоническое ихъ единеніе, оставаясь всегда неколебимымъ, создало сильную волю, руководимую одной цѣлью. При этомъ не приходится спорить о долѣ духовнаго участія въ работѣ каждаго изъ нихъ. Чѣмъ былъ для Гинденбурга его товарищъ, — это горько сказалось въ тотъ моментъ, когда ихъ совмѣстная работа была нарушена уходомъ Людендорфа, когда мѣсто послѣдняго занялъ новый человѣкъ. Этотъ человѣкъ, бывшій не на высотѣ задачи, слишкомъ быстро пришелъ въ отчаяніе отъ мысли о томъ, что ему не удастся спасти потерпѣвшій аварію корабль и провести этотъ корабль подъ старымъ флагомъ сквозь всѣ бури къ спасительной гавани. Пожавъ плечами, онъ спустилъ флагъ и холодно отбросилъ какъ пустыя идеи всѣ тѣ національныя сокровища, которыя германскій народъ хранилъ какъ святыню. Его энергія, получивъ другое направленіе, явилась сильнѣйшимъ толчкомъ къ развитію тѣхъ событій, которыя имѣли мѣсто 9 ноября въ ставкѣ верховнаго командованія въ Спа.

По службѣ — по роду моихъ задачъ и обязанностей — мнѣ приходилось имѣть значительно больше дѣла съ генераломъ Людендорфомъ, чѣмъ съ генералъ-

фельдмаршаломъ, и я могу сказать, что при этомъ у меня всегда было чувство, что передо мной человѣкъ стальной энергіи и остро отточеннаго ума, прусскій вождь въ лучшемъ смыслѣ старой славной традиціи. Безчисленное множество разъ я обсуждалъ въ его свѣтломъ кабинетѣ, въ которомъ сосредоточивались, какъ въ фокусѣ увеличительнаго стекла, лучи всѣхъ фронтовъ окруженнаго врагами отечества, вопросы и проблемы войны и въ частности боевое положеніе моего участка фронта. При такихъ бесѣдахъ съ генералъ-фельдмаршаломъ я получалъ, какъ уже сказано, впечатлѣніе, что его затрудненныя и медленныя слова являются результатомъ глубокой увѣренности. Въ бесѣдахъ же съ генераломъ Людендорфомъ казалось, что передъ вами блестящая мастерская высшихъ духовныхъ достиженій, въ которой именно и вырабатывалась ежедневно эта увѣренность въ непрестанной борьбѣ съ безчисленными препятствіями, враждебными принципами, затрудненіями, заботами и недостатками всякаго рода.

Что въ связи съ предстоявшими Людендорфу задачами возникали также требованія и стремленія, собственно говоря, выходившія за предѣлы его компетенціи, было уже упомянуто. Онъ принялъ ихъ на себя потому, что разрѣшеніе ихъ имѣло величайшее значеніе и для военнаго положенія и такъ какъ безъ его вмѣшательства они остались бы неразрѣшенными. Многое изъ того, что онъ сдѣлалъ за предѣлами своего спеціальнаго круга дѣятельности, представляется мнѣ цѣннымъ, удачнымъ и во многихъ отношеніяхъ прямо таки образцовымъ. Однако, мнѣ кажется, можно безъ ущерба для его сильной индивидуальности признать, что значеніе его коренилось въ области стратегіи, тактики и организаціи. Здѣсь его теоретически блестяще подготовленный, богатый собственными идеями и изумительно точно работающій умъ въ тѣ годы, когда войска и военный матеріалъ еще представляли собой неизношенный аппаратъ въ

его рукахъ, съ поразительной увѣренностью разрѣшалъ труднѣйшія военныя проблемы и пріобрѣлъ безсмертную славу для себя и для германскаго оружія. Умѣніе проницательно и глубоко вникнуть въ положеніе, увѣренное претвореніе теоріи въ приказы и дѣйствія, точное знаніе пригодности пускаемыхъ въ дѣйствіе силъ, съ которыми онъ умѣлъ обращаться, какъ съ точными математическими величинами, доставили ему тогда на востокѣ крупныя побѣды подъ Танненбергомъ, подъ Лодзью и на Мазурскихъ озерахъ. Эти же данныя доставили ему и впослѣдствіи, когда онъ принялъ на себя болѣе широкія задачи руководства германской арміей въ борьбѣ за германскую линію вплоть до весны 1918 г., успѣхи, имѣвшіе огромное стратегическое значеніе. Успѣхи эти можетъ быть и представляются въ настоящее время омраченными отсутствіемъ окончательныхъ результатовъ и пораженіемъ въ конечной борьбѣ. Однако безпристрастное будущее причислить ихъ несомнѣнно къ величайшимъ военнымъ достоженіямъ всѣхъ временъ.

Осуществленіе его великихъ и смѣлыхъ идей сдѣлалось болѣе затруднительнымъ лишь съ того момента, когда воинскія части, включенныя имъ въ художественное зданіе его операціонныхъ плановъ, перестали отвѣчать тѣмъ требованіямъ, которыя онъ по старой традиціи предъявлялъ къ войскамъ, — съ того момента, когда боевая цѣнность войскъ стала слишкомъ зависѣть отъ колеблющихся физическихъ и психическихъ вліяній, и когда вслѣдствіе этого ненадежность и хрупкость матеріала сдѣлались неизбѣжными источниками ошибокъ при точномъ разсчетѣ работы машины.

Зрѣлый боевой мыслитель и конструкторъ побѣдъ, привыкшій съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ качествѣ маленькаго лейтенанта, въ первый разъ командовалъ отрядомъ, признавать незыблемыми понятія дисциплины, точности и боевого духа, и въ глазахъ кото-

раго съ тѣхъ поръ, какъ онъ, будучи молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, въ первый разъ надѣлъ брюки съ малиново-красными лампасами, боевыя единицы въ родѣ батареи и дивизіи представляли собой единицы опредѣленной боевой силы и поддающейся учету боеспособности, оказался вынужденнымъ снабдить всѣ эти понятія большими вопросительными знаками. Его замыслы, которымъ при неприкосновенности отдѣльныхъ факторовъ былъ бы обезпеченъ успѣхъ, потерпѣли въ концѣ концовъ крушеніе вслѣдствіе того, что частью переутомленный, частью загрязненный аппаратъ отказывался служить въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ или въ своемъ цѣломъ. Послѣдніе германскіе наступательные удары въ періодъ между 21 марта 1918 года и рѣшительнымъ поворотнымъ моментомъ войны 18 іюля, когда непріятель прорвалъ нашъ фронтъ у лѣса Виллеръ Коттере, были несмотря на нѣкоторые блестящіе начальные успѣхи лишь цѣпью печальныхъ подтвержденій этого факта.

Генералъ Людендорфъ, какъ человѣкъ и какъ солдатъ, тяжко страдалъ отъ этого положенія, и я болѣе, чѣмъ кто либо другой изъ военноначальниковъ, сочувствовалъ этимъ мукамъ. Всѣ мы, прошедшіе желѣзную школу старой славной арміи и дышавшіе воздухомъ краснаго зданія на Кенигсплацѣ, вынесли оттуда прочную увѣренность въ непоколебимость великой арміи и всѣхъ ея частей. И этотъ палладіумъ мощи и гордости германскаго народа намъ суждено было увидѣть поколебленнымъ.

Что касается меня, то я уже задолго передъ тѣмъ не могъ не замѣтить появившихся трещинъ, прорывовъ и разныхъ дефектовъ и неоднократно по долгу службы сообщалъ о своихъ наблюденіяхъ и мысляхъ генералъ-квартирмейстеру. Даже и теперь, вспоминая объ этихъ разговорахъ, я исполняюсь глубокой благодарности при мысли о томъ, что генералъ Людендорфъ всегда выслушивалъ взгляды и пожеланія

человѣка, гораздо болѣе молодого, съ неизмѣнной дружественностью и вниманіемъ и дѣлалъ все для удовлетворенія требованій, которыя онъ считалъ справедливыми. Правда, очень часто — особенно когда запасы людей, продовольствія, и военнаго матеріала стали истощаться — ему приходилось со ссылкой на «ultra posse — —» отказывать въ томъ, что онъ несомнѣнно охотно бы сдѣлалъ, если бы была возможность.

Генералъ Людендорфъ, насколько я узналъ его за долгіе годы совмѣстной работы въ направленіи общей цѣли, никогда не былъ карьеристомъ, никогда не старался произвести впечатлѣніе на другихъ. Исканіе благосклонности или боязнь утратить расположеніе отдѣльныхъ лицъ были его суровой прямой натурѣ солдата также чужды, какъ поиски популярности въ массахъ или страхъ имъ не понравиться. Принимая свои рѣшенія, онъ зналъ только одно мѣрило — ихъ объективную пригодность для достиженія великой цѣли вывести серединныя державы и въ особенности Германію неумаленными изъ войны и обезпечить имъ прочный миръ, не закрывавшій бы намъ въ будущемъ возможностей нашего естественнаго развитія.

Съ прямо таки страстной творческой энергіей и преданностью безоговорочно отдалъ онъ всю свою богатую индивидуальность на службу своимъ задачамъ военачальника. Для него самого, однако, это его безмѣрное самопожертвованіе было только простымъ и само собой понятнымъ исполненіемъ долга, ничѣмъ не отличающимся отъ долга каждаго нѣмца и каждаго нѣмецкаго солдата по отношенію къ своему отечеству. Слѣдствіемъ этого прекраснаго мужественнаго пониманія долга и неуклонной вѣрности и была его благородная высокая оцѣнка моральныхъ достоинствъ нѣмецкаго солдата и нѣмецкаго народа, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Благодаря ей онъ даже въ послѣдніе мѣсяцы войны былъ склоненъ

предполагать наличность такихъ силъ и доблестей, которыхъ давно уже не было, но которыя только и могли служить основной его военныхъ операцій и предъявлявшихся имъ къ истощенному тылу требованій. Увы, онъ предполагалъ ихъ даже тогда, когда лишенія, разочарованія и разлагающія вліянія аморально дѣйствующихъ факторовъ уже подточили первоначальную доблесть нѣмецкаго народа. Людендорфу, проникнутому глубокимъ національнымъ чувствомъ, было горько въ концѣ концовъ удостовѣриться въ разложеніи моральнаго стержня, составлявшаго силу нѣмецкаго народа. Онъ долго не хотѣлъ этому повѣрить, сохраняя въ своей душѣ гордый идеальный образъ непоколебимо преданнаго своему императору и своему государству нѣмецкаго народа. И повѣрилъ онъ этому только тогда, когда уже нельзя было не замѣтить вопіющихъ фактовъ дѣйствительности. Эта высокая оцѣнка массъ, благодаря которой онъ во все учащающихся симптомахъ разложенія въ теченіе долгаго времени видѣлъ лишь печальныя исключенія изъ общаго правила, была, пожалуй, главной причиной того, что сравнительно поздно и, увы, слишкомъ поздно было приступлено къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ агентовъ и жертвъ разложенія.

Въ оцѣнкѣ моральнаго духа и физической боеспособности войскъ, бывшими основной предпосылкой самой идеи скораго и удачнаго окончанія войны, взгляды наши, какъ уже упомянуто, существенно расходились, особенно въ теченіе послѣдняго года борьбы.

Мнѣ не хотѣлось бы въ этой связи умолчать объ одномъ обстоятельствѣ. На мой взглядъ генералъ Людендорфъ не всегда умѣлъ выбирать своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и не удѣлялъ также должнаго вниманія указаніямъ на ихъ ошибки и недостатки. Слишкомъ часто также онъ игнорировалъ сообщенія, несогласныя или опровергавшія ихъ доклады. Виной тому было опять таки его благородное

пониманіе долга вѣрности по отношенію къ своимъ помощникамъ, которые по мѣрѣ своихъ силъ, не всегда однако стоявшихъ на высотѣ положенія, несомнѣнно наилучшимъ образомъ стремились исполнять свои заданія. Этимъ и объясняется, что онъ терпѣлъ на неотвѣчающихъ ихъ способностямъ постахъ многихъ лицъ дольше, чѣмъ это было бы желательно въ интересахъ дѣла.

Такимъ образомъ я совсѣмъ не отношусь къ генералу Людендорфу безъ всякой критики. Многія его мнѣнія и его дѣйствія вызывали мое неодобреніе. И все же онъ остается для меня однимъ изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ военачальниковъ, человѣкомъ величайшей, подлинно нѣмецкой силы и вѣрности, вождемъ, воплощавшимъ въ себѣ традицію и совѣсть германской арміи.

Если его противники называютъ его «игрокомъ» и упрекаютъ его въ «азартѣ», то это неправда. Дай Богъ, если бы и во главѣ правительства мы имѣли равныхъ ему по доблести и знаніямъ людей, отличающихся такой же добросовѣстностью, основательностью въ оцѣнкѣ положенія и смѣлостью, какъ онъ. Дай Богъ, если бы тѣмъ самымъ каждому отдѣльному человѣку была предоставлена возможность использовать всѣ свои силы въ той именно области, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ его спеціальной подготовкѣ и признанію.

Въ «Очеркѣ всемірной исторіи» графа Іорка фонъ Вартенбурга, изъ котораго я послѣдніе дни вновь перечелъ главу о Римѣ, битвѣ при Каннахъ и стойкости римлянъ передъ лицомъ перенесенныхъ пораженій, я наткнулся на одну фразу, которая мнѣ кажется написанной спеціально для нашихъ дней. Въ экскурсѣ, посвященномъ событіямъ позднѣйшаго времени, Іоркъ здѣсь говоритъ о томъ, какимъ недостойнымъ образомъ прусскій народъ самъ заклеймилъ свою армію, потерпѣвшую пораженіе при Іенѣ, «которая вѣдь была не единственнымъ и не главнѣй-

шимъ виновникомъ случившагося». И далѣе онъ говоритъ: «Если какой-нибудь народъ хочетъ выйти побѣдоноснымъ даже изъ Каннъ, то онъ никогда не долженъ совершенно терять уваженія къ своимъ вождямъ и своимъ знаменамъ».

Всей душой желаю я нашему народу новаго подъема и новаго величія. Но только тогда, когда широкія массы народа вновь освободятся отъ той слѣпоты по отношенію къ минувшему величію, которой стараются окутать ихъ взоръ всякіе смутьяны и лжепророки, смогутъ они, правильно понявъ былое, обрѣсти въ себѣ душевныя силы для увѣренной работы надъ возведеніемъ зданія будущаго!

Октябрь 1920 г.

Въ началѣ мѣсяца я нѣсколько дней провелъ на томъ берегу — въ Овервеенѣ у пользовавшаго меня тамъ зубного врача Шеффера. Я никогда не думалъ, что скромныя удовольствія, которыя зубной врачъ можетъ предоставить своему паціенту съ помощью своихъ маленькихъ орудій пытки, въ состояніи будутъ принести мнѣ столько радости! Я прямо таки съ наслажденіемъ усаживался въ его превосходное кресло — все же это нѣчто другое по сравненію съ нашей жизнью въ Вирингенѣ. За долгое время эта поѣздка впервые нарушила монотонную тишину и одиночество острова. И въ это пасмурное время, когда кругомъ все увядаетъ на фонѣ здѣшняго бѣднаго ландшафта и когда начинается пора осеннихъ бурь, она помогла мнѣ примириться съ мыслью о томъ, что мнѣ предстоитъ провести еще одну долгую суровую и темную зиму въ тѣснотѣ и одиночествѣ этого острова вдали отъ родины и семьи. Къ тому же въ лицѣ Шеферовъ, живущихъ въ очаровательной маленькой виллѣ около Гарлема, я познакомился съ любезными и образованными людьми, гостепріимство которыхъ доставило мнѣ большую радость. Къ тому же на обратномъ пути мы на нѣсколько часовъ по-

сѣтили нашего стараго друга бюргермейстера Пееребоома, который живетъ теперь въ Бергенѣ, сдавъ нѣсколько недѣль тому назадъ свою должность превосходному, всегда отзывчивому господину Кольфу. Какъ онъ, такъ и его высокообразованная нѣмка-жена, всячески стараются скрасить здѣсь мнѣ мое существованіе.

Мнѣ хотѣлось бы также хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ отблагодарить здѣсь еще двѣ голландскія семьи, проявлявшія всегда по отношенію ко мнѣ величайшее гостепріимство. Это семьи Баксъ и Куму (Coumou). Пасторъ Баксъ не только глубоко образованный священникъ, но и сердечный искренній человѣкъ, чуждый всякой позѣ и дѣйствительно поступающій въ духѣ всепрощающей и вникающей въ чужую душу любви къ ближнему. Однажды мы бесѣдовали съ нимъ о религіи. Добрый старикъ сказалъ мнѣ тогда съ почти что плутоватой улыбкой: «Видите ли, когда напримѣръ, у отца есть сынъ, все время пристающій къ нему, говоря «отецъ, дай мнѣ копейку», — то рано или поздно отецъ теряетъ терпѣніе, и мальчишка получаетъ пощечину. То же самое и съ людьми, которые всегда чего то хотятъ отъ Бога и не устаютъ повторять Его имя, — они тоже въ концѣ концовъ получаютъ пощечину. Только тотъ, кто дѣйствительно испытываетъ глубокую и серьезную нужду, долженъ обращаться къ Богу съ просьбой о силѣ, и тогда онъ долженъ хорошенько взять себя въ руки: помоги себѣ самъ, тогда и Богъ тебѣ поможетъ!» Куму въ теченіе долгаго времени служилъ инженеромъ въ управленіи водными сооруженіями на островѣ. Это привѣтливый и отзывчивый другъ.

Среди писемъ, найденныхъ мною при моемъ возвращеніи, было письмо одного военнаго товарища. Въ немъ говорилось о сотнѣ подробностей, между

прочимъ упоминалась и глупая болтовня о моей дѣятельности въ качествѣ командующаго пятой арміи. Болтовней этой занимались люди, воображающіе, что они знаютъ больше всѣхъ другихъ. Они утверждали, что я повиненъ и въ несчастномъ приказѣ главнаго военнаго командованія объ отступленіи послѣ сраженія на Марнѣ въ 1914 году.

Эти умники увѣрены, что они все прекрасно знаютъ!

При такихъ обстоятельствахъ я имѣю нѣкоторое право разсказать то, что я могу сообщить о сраженіи, бывшемъ поворотнымъ пунктомъ въ нашей судьбѣ, тѣмъ болѣе, что серьезные критическіе наблюдатели въ большинствѣ случаевъ лишь мало касались событій, происходившихъ въ пятой, шестой и седьмой арміяхъ.

Я не хочу здѣсь дать картину военнаго развитія и операцій моей пятой арміи въ тѣ горькіе и тяжкіе дни, — я предполагаю это сдѣлать въ другомъ мѣстѣ, — здѣсь же я хочу лишь показать въ главныхъ чертахъ обстоятельства, приведшія тогда германскую армію отъ побѣдоноснаго наступленія къ трагическому отступленію.

Былъ ли я повиненъ въ этомъ? Только наглая злонамѣренность могла это выдумать, только безграничная глупость могла этому повѣрить!

Въ качествѣ главнокомандующаго пятой арміи, я руководилъ 14-го августа наступленіемъ моей арміи, участвовалъ въ рѣшеніяхъ, сообщеніяхъ и немногочисленныхъ объясненіяхъ съ главнымъ военнымъ командованіемъ и съ сосѣдними арміями, а въ дни сраженія на Марнѣ ежечасно наблюдалъ и изучалъ развитіе событій съ ближайшаго наилучшаго пункта.

У меня получилось впечатлѣніе, что цѣлый рядъ обстоятельствъ и ихъ несчастное стеченіе привели къ печальному исходу. На ряду съ несомнѣнной неспособностью генерала фонъ Мольтке и вызваннымъ ею его моральнымъ и физическимъ крушеніемъ,

въ этой катастрофѣ повинно также неудачное и малодушное руководительство второй арміей, начальникомъ который былъ генералъ фонъ Бюловъ, и прямо таки роковая дѣятельность одного офицера генеральнаго штаба при верховномъ военномъ командованіи, неправильно использовавшаго данную ему лишь устно, для особыхъ случаевъ, директиву въ качествѣ неограниченнаго полномочія и побудившаго обѣ побѣдоносно боровшіяся фланговыя арміи къ преждевременному отступленію.

Всякій разъ, когда я вспоминаю объ этомъ времени безсмысленнаго и непонятнаго отказа отъ достигнутыхъ успѣховъ, когда передъ моимъ взоромъ снова проносится весь ужасъ этой нелѣпости, передо мной встаетъ фигура человѣка, который долженъ былъ руководить, но не былъ вождемъ, и который, когда наростающія событія выступили изъ традиціонныхъ рамокъ, потерпѣлъ полное крушеніе: это былъ генералъ фонъ Мольтке.

Я хорошо зналъ генерала; я искренно уважалъ его, какъ человѣка, и я глубоко чувствую трагичность его судьбы, которая представляется мнѣ въ своей чисто человѣческой линіи внутренно нѣсколько похожей на судьбу несчастнаго австрійца Бенедека.

Генералъ фонъ Мольтке былъ человѣкомъ съ благороднымъ образомъ мыслей, вѣрнымъ другомъ моего отца. Когда кайзеръ по настоятельной рекомендаціи своихъ ближайшихъ совѣтчиковъ назначилъ его въ 1906 году начальникомъ генеральнаго штаба, Мольтке самъ горячо просилъ его императорское величество не дѣлать этого, такъ какъ онъ не чувствовалъ себя на высотѣ задачи. Но когда императоръ сталъ настаивать на своемъ рѣшеніи, Мольтке въ концѣ концовъ, какъ прусскій офицеръ, подчинился. Мольтке съ безконечнымъ трудолюбіемъ пытался овладѣть грандіозными задачами генеральнаго штаба. Въ его характерѣ была какая то застѣнчивость; онъ иногда какъ будто не чувствовалъ до-

статочнаго довѣрія къ своимъ силамъ. Такимъ образомъ онъ скоро оказался въ полной зависимости отъ своихъ сотрудниковъ. Личная мягкость и сердечная, человѣческая доброжелательность, которой онъ обладалъ, мѣшали ему пріобрѣсти тотъ безусловный авторитетъ, который долженъ имѣть начальникъ генеральнаго штаба. Во время моей службы въ генеральномъ штабѣ мнѣ разсказывали, что въ управленіе стараго Шлиффена даже оберъ-квартирмейстеры являлись на докладъ къ этому геніальному, рѣзкому и безпощадному начальнику не безъ нѣкоторой робости, тогда какъ къ генералу Мольтке каждый являлся съ докладами охотно и часто.

Генералъ Мольтке никогда не отличался здоровьемъ. Онъ часто болѣлъ. Въ началѣ войны онъ прошелъ два изнурительныхъ курса леченія въ Карлсбадѣ. Онъ былъ больнымъ человѣкомъ, когда началась война.

Руководительство отдѣльными арміями въ центральномъ бюро начальника генеральнаго штаба, расположенномъ слишкомъ далеко отъ района военныхъ дѣйствій, въ Люксембургѣ, было совершенно недостаточнымъ. Мольтке изъ своего отдаленнаго мѣстопребыванія не могъ слѣдить за событіями съ надлежащей точностью и оцѣнивать ихъ съ необходимой ясностью; возможно также, что въ рѣшающіе моменты сраженія ему не хватало пониманія того, что необходимо сдѣлать, или же способности къ быстрымъ рѣшеніямъ. Во всякомъ случаѣ при тогдашнемъ несовершенствѣ способовъ сношеній на разстояніи связь штаба съ продвигающимися впередъ командирами армій оказывалась часто совершенно недостаточной; сплошь и рядомъ наступалъ полный разрывъ связи. Это вело къ распаду единаго руководства. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что отдѣльныя арміи, начавъ движеніе впередъ и получивъ указанія о направленіи движенія, вели бои болѣе или менѣе самостоятельно и отъ времени до времени облегчали себѣ

выполненіе задачи путемъ переговоровъ съ сосѣдними арміями.

Немедленно послѣ сраженія при Лонгви я былъ вызванъ въ главную квартиру въ Люксембургъ. Я воспользовался тамъ случаемъ въ бесѣдѣ съ подполковникомъ Таппеномъ, правой рукой Мольтке, высказаться недвусмысленно о неудовлетворительномъ руководительствѣ арміями. Одновременно я потребовалъ назначенія постоянныхъ офицеровъ связи отъ верховнаго военнаго командованія (этого понятія тогда еще не существовало) при командующихъ арміями. Предложеніе это было съ улыбкой отклонено: это де совсѣмъ не нужно, такъ какъ все идетъ хорошо и безъ того.

Когда положеніе первой и второй армій къ востоку отъ Парижа обострилось, начальникъ генеральнаго штаба командировалъ подполковника Генча въ качествѣ освѣдомительнаго офицера верховнаго военнаго командованія и поручилъ ему совершить объѣздъ командующихъ арміями. Какъ замѣтилъ извѣстный начальникъ штаба войсковой группы кронпринца Руппрехта, генералъ фонъ Куль, этому офицеру было ввѣрена судьба всего сраженія.

Въ началѣ своей поѣздки Генчъ явился днемъ восьмого сентября прежде всего въ штабъ пятой арміи въ Вареннѣ и нарисовалъ намъ картину общаго положенія, насколько оно было извѣстно въ Люксембургѣ. Внимательному и спокойному слушателю его сообщеніе давало общую картину, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя было назвать неудовлетворительной. Изъ него вытекало все-таки, что успѣшное продвиженіе нашихъ войскъ временно пріостановилось. Немедленно вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ Генчъ объѣхалъ весь фронтъ и посѣтилъ четвертую, третью, вторую и первую арміи, чтобы собрать личныя впечатлѣнія на мѣстѣ.

При посѣщеніи другихъ армій началась роковая дѣятельность этого офицера, о которой я уже упо-

миналъ. Возможно, что Генчъ во время своей поѣздки и особенно при посѣщеніи штаба второй арміи вынесъ дѣйствительно неблагопріятное впечатлѣніе. Возможно также, что его нервы не выдержали; во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ поощрить упорное сопротивленіе, онъ одобрилъ рѣшеніе объ отступленіи. Его разсказъ о разложеніи второй арміи и использованіе имъ якобы даннаго ему полномочія самостоятельно предписать арміямъ отступленіе побудили въ концѣ концовъ и первую армію, не имѣвшую возможности поддержать непосредственный контактъ со второй арміей, послѣ сильнаго сопротивленія начать 9-го сентября отступленіе на Суассонъ. Разсказъ объ этихъ событіяхъ я слышалъ лично изъ устъ тогдашняго генеральнаго штаба арміи генерала фонъ Куля, на сужденіе котораго можно безусловно положиться. Въ третьей и четвертой арміи подполковникъ Генчъ достигъ, насколько мнѣ извѣстно, одинаково печальнаго результата. Никакого понужденія со стороны непріятеля не было.

Моя пятая армія въ эти критическіе дни разъѣздовъ Генча произвела на линіи Вавенкуръ—Ранберкуръ—Бозе—Сентъ-Андре наступленіе, не давшее успѣха, и подготовляла одновременно назначенную на 10-е сентября ночную аттаку съ цѣлью освободиться изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ мы оказались, будучи стиснуты между Верденомъ и трудно проходимыми Аргоннами. Планъ этой ночной аттаки, въ которой предполагалось участіе 13-го корпуса со включеніемъ 12 конной дивизіи, а также 16-го корпуса, не былъ одобренъ верховнымъ военнымъ командованіемъ, которому получавшіяся отъ Генча свѣдѣнія объ общемъ положеніи явно внушали все возрастающую тревогу. Однако послѣ нѣсколькихъ представленій штаба моей арміи верховное командованіе все же одобрило планъ.

Операція была выполнена съ точностью и имѣла блестящій успѣхъ: армія завладѣла линіей высотъ Луппи-Ле-Пти, на востокѣ — высоты Ранберкуръ, на сѣверо-востокѣ – Курсель-Суйи. Французская армія Саррайля отступила подъ нашимъ ударомъ въ среднемъ на 20 километровъ.

Въ день этого ночнаго успѣха, значитъ 10-го сентября, подполковникъ Генчъ вернулся изъ своего объѣзда войскъ обратно въ Вареннъ. Его отзывы о положеніи за это время пріобрѣли опредѣленно пессимистическую окраску. Онъ заявилъ, что положеніе на правомъ флангѣ безнадежно и потребовалъ отъ меня немедленнаго отвода пятой арміи. По его словамъ первая и вторая арміи были лишь бѣгущими остатками прежнихъ войскъ, третья армія держалась съ трудомъ, а четвертая оставалась до извѣстной степени въ порядкѣ.

Я заявилъ подполковнику Генчу, что о немедленномъ отступленіи пятой арміи не можетъ быть и рѣчи, что никакой необходимости къ тому ни по общему положенію, ни по положенію самой пятой арміи не было и что до возбужденія вопроса объ отступленіи необходимо обезпечить эвакуацію всѣхъ раненыхъ во время успѣшной операціи. Когда Генчъ, несмотря на всѣ мои доводы, сталъ настаивать, я спросилъ у него, имѣетъ ли онъ письменное полномочіе, — такого полномочія у него не оказалось. Вслѣдъ за тѣмъ я заявилъ ему, что мы не въ состояніи выполнить его желаніе.

Послѣ отступленія съ Марны грандіозный планъ Шлиффена рухнулъ. Условіемъ его выполненія былъ быстрый разгромъ Франціи. Я никогда не забуду того потрясающаго впечатлѣнія, которое осталось у меня, когда 11-го сентября въ мою ставку въ Вареннѣ явился генералъ Мольтке въ сопровожденіи подполковника Таппена, — предо мной былъ сломленный человѣкъ, которому было трудно побороть

подступавшія слезы. По его впечатлѣнію вся германская армія была разбита и неудержимо отступала. Онъ заявилъ, что не знаетъ, гдѣ это отступленіе остановится. Какъ онъ пришелъ къ такому взгляду, мнѣ было тогда непонятно.

Онъ былъ очень удивленъ тѣмъ, что въ штабѣ пятой арміи онъ нашелъ спокойную и благопріятную оцѣнку положенія, но это не измѣнило его взгляда, и, какъ и Генчъ, онъ потребовалъ отъ меня немедленнаго отвода арміи. Такъ какъ никакого видимаго основанія для подобнаго преждевременнаго шага не было, между нами возникъ оживленный споръ, въ концѣ котораго я заявилъ, что пока я остаюсь командующимъ арміей и несу за нее отвѣтственность, я не могу согласиться на немедленное отступленіе въ виду необходимости подобрать и бережно перевезти раненыхъ.

Генералъ Мольтке уѣхалъ въ глубокомъ волненіи. Этотъ разбитый человѣкъ внушалъ мнѣ глубокое сожалѣніе, но какъ солдатъ и военачальникъ я не могъ понять такого душевнаго упадка.

Днемъ 11 сентября полковникъ Доммесъ передалъ мнѣ вторичный приказъ верховнаго военнаго командованія, предписывающій моей арміи отступить въ мѣстность къ востоку отъ С. Менегульда. При этомъ въ приказѣ предлагалось двигаться по южной окраинѣ Аргоннскаго лѣса. Командованіе арміи приняло однако рѣшеніе отойти далѣе къ сѣверу на линію Апремонтъ — Больни — Монфоконъ — Жеркуръ, такъ какъ представлялось нецѣлесообразнымъ оставаться впереди четвертой арміи, уже начавшей по приказу верховнаго военнаго командованія отступленіе, и такъ какъ противникъ, силы котораго освободились, имѣлъ теперь полную возможность двинуться изъ Вердэна въ любомъ направленіи и угрожать тыловымъ сообщеніемъ не только пятой арміи, но и всѣмъ войскамъ на западѣ.

Пятая армія отступила только 12—15 сентября, послѣ эвакуаціи всѣхъ раненыхъ, въ полномъ порядкѣ и съ чувствомъ сильнаго превосходства въ силахъ. Саррайль не рѣшался напасть на насъ и хорошо сдѣлалъ. Съ высотъ къ сѣверу отъ Вердэна я собственными глазами видѣлъ уходъ съ позицій послѣднихъ колоннъ 13 и 16 корпусовъ и при этомъ могъ установить, что непріятель всюду слѣдовалъ за нами кавалерійскими патрулями.

Въ теченіе войны я имѣлъ случай говорить съ сотнями офицеровъ и съ неменьшимъ числомъ солдатъ со всего фронта о роковыхъ событіяхъ во время первой битвы на Марнѣ. Всѣ повторяли одно и тоже: мы совершенно отбили французскія контръ-аттаки и сами перешли уже въ наступленіе, повсюду обѣщавшее быть успѣшнымъ, — какъ вдругъ пришелъ никому непонятный приказъ къ отступленію.

Мой братъ Эйтель-Фридрихъ командовалъ въ тѣ дни первымъ гвардейскимъ полкомъ. Онъ мнѣ впослѣдствіи часто описывалъ съ искреннимъ возмущеніемъ ходъ сраженія: «отбивъ рядъ французскихъ контръ-аттакъ, мы вели наступленіе на французскія позиціи. Наши солдаты были сильно утомлены, но подвигались храбро и рѣшительно впередъ. Повсюду мы видѣли отступающихъ французовъ, побѣда была у насъ въ рукахъ — и вдругъ является адъютантъ съ проклятымъ приказомъ немедленно остановить наступленіе и начать отходъ!» То были, по словамъ брата, самые мучительные часы его жизни, когда онъ со своими храбрыми людьми долженъ былъ пройти обратно весь отвоеванный въ тяжелой борьбѣ путь и видѣлъ раненыхъ, которые теперь неминуемо должны были попасть въ плѣнъ. Наши бравые гренадеры никакъ не могли повѣрить приказу и все снова и снова спрашивали: «почему мы должны отходить, вѣдь мы разбили французовъ?!»

И они были правы. Германская армія не была разбита на Марнѣ, она была отведена назадъ своими на-

чальниками. Битва была проиграна, потому что верховное командованіе считало ее проигранной; она должна была привести къ побѣдѣ, несмотря на численное превосходство противника — соотношеніе было 1 : 2, — если бы верховное командованіе вѣрно оцѣнило положеніе и дѣйствовало цѣлесообразно и рѣшительно.

До этой мудрости я дошелъ не заднимъ умомъ. Уже тогда, въ виду общаго положенія, у меня сложилось впечатлѣніе, что можно было безъ труда устранить всѣ опасности, если бы мы сосредоточили все наше правое крыло на одной общей операціи и усилили его путемъ технически вполнѣ выполнимой переброски силъ съ лѣваго фланга.

Генерала фонъ Мольтке я видѣлъ послѣ этихъ мучительныхъ дней только одинъ разъ.

Это было въ главной квартирѣ въ Шарльвиллѣ. Онъ былъ уже освобожденъ отъ своей должности; я нашелъ его склоненнымъ надъ картами въ маленькой комнатѣ префектуры, сильно постарѣвшимъ, въ подавленномъ состояніи. Картина была потрясающая. Словъ я не могъ найти и выразилъ ему свои чувства молчаливымъ рукопожатіемъ.

Это потрясеніе свело его въ могилу. Въ немъ мы потеряли настоящаго прусскаго офицера и благороднаго человѣка. Ложно понятое чувство долга заставило его взять на себя непосильную задачу — вопреки сознанія имъ своей несостоятельности. Это былъ его рокъ. Его — и нашъ рокъ.

Конецъ октября 1920 г.

Во второй половинѣ этого мѣсяца я былъ еще разъ на томъ берегу. Въ день рожденія матери, двадцать второго числа. Это были тихіе, печальные дни въ Доорнѣ, ибо ни для кого изъ близкихъ ея не тайна, что силы ея убываютъ и поглощаются страданіемъ. Материнское сердце еще не примирилось съ

кончиной брата Іоахима, котораго она, какъ слабѣйшаго изъ насъ, всегда окружала особою заботливостью. Въ самый день рожденія она должна была лежать; сидя у ея кровати и держа ея похудѣвшую руку въ своей, я разсказывалъ ей цѣлый рядъ забавныхъ анекдотовъ о моемъ хозяйничаньѣ на островѣ и радовался, видя слабую улыбку на ея добромъ лицѣ. Подобно солнечному лучу, она возникаетъ и снова исчезаетъ. Но даже когда матери лучше, и она ходитъ по комнатамъ, скользя усталыми глазами по старой мебели и другимъ сувенирамъ изъ Берлина и Потсдама, то и это кажется тихимъ прощаніемъ.

Мой дядя, принцъ Гейнрихъ былъ также въ Доорнѣ, а на обратномъ пути къ великой моей радости заѣхалъ ко мнѣ на Вирингенъ.

Мюльднеръ собирался въ ноябрѣ опять съѣздить на родину, чтобы ознакомиться съ положеніемъ. Я чувствую себя въ такихъ случаяхъ настоящимъ Ноемъ, посылающимъ голубя, «дабы узнать, спала ли вода на землѣ».

Когда же онъ вернется съ масличною вѣтвью? Нашъ старинный, всегда отзывчивый къ услугамъ другъ — майоръ фонъ Іена замѣнитъ Мюльднера въ его отсутствіи и составитъ компанію мнѣ, моимъ двумъ собакамъ и моей кошкѣ въ нашемъ ковчегѣ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я пытался на этихъ страницахъ опровергнуть нелѣпыя сплетни, связавшія мое имя съ нашей неудачей въ первой битвѣ на Марнѣ. Теперь я хочу разрушить еще другую легенду.

Къ тѣмъ многочисленнымъ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя распространялись обо мнѣ либо по глупости, либо изъ злого умысла, относится также утвержденіе, будто бы я несу отвѣтственность за огромныя потери и конечную неудачу нашихъ операцій подъ Вердэномъ.

Приказъ аттаковать Вердэнъ исходилъ не отъ меня, а вытекалъ изъ рѣшенія высшаго командованія.

Планъ этой операціи, а также общія соображенія о ея выгодности были уже раньше изложены въ докладѣ, который генералъ фонъ Фалькенгайнъ, начальникъ генеральнаго штаба полевой арміи, представилъ кайзеру около Рождества 1915 г. Въ этомъ докладѣ говорилось: «За французской частью западнаго фронта находятся въ предѣлахъ досягаемости такіе пункты, для удержанія которыхъ французское командованіе вынуждено жертвовать послѣднимъ солдатомъ. Если оно это сдѣлаетъ, то силы французовъ будутъ постепенно истощаться, такъ какъ избѣжать такого истощенія представится возможнымъ, совершенно независимо отъ того, достигнемъ ли мы намѣченной цѣли или нѣтъ. Если же французское командованіе этого не сдѣлаетъ, и данный пунктъ окажется въ нашихъ рукахъ, то это чрезвычайно понизитъ духъ французскихъ войскъ. Германія же сможетъ употребить на эту пространственно ограниченную операцію лишь такое количество силъ, которое не заставитъ ее обнажить остальныя части фронта. Что же касается до попытокъ, которыя несомнѣнно будутъ сдѣланы французами, оттянуть наши силы отъ Вердэна путемъ нажима на другія части фронта, то онѣ не могутъ нашей арміи внушить серьезныхъ опасеній, и она, какъ мы надѣемся, сохранитъ еще достаточное количество силъ, чтобы встрѣтить эти аттаки контръ-ударами». Вскорѣ послѣ этого доклада верховное командованіе приказало аттаковать Вердэнъ. Повліяло на это рѣшеніе верховнаго командованія между прочимъ и желаніе предупредить такимъ путемъ ожидавшіяся аттаки противника, которыя могли быть предприняты имъ со свѣжими силами на нежелательныхъ для насъ участкахъ фронта. Организація англійской арміи уже стала замѣтно сказываться, и у французовъ освободились, благодаря этому, значительныя силы.

Противникъ имѣлъ весною 1916 г. на западѣ численный перевѣсъ въ милліонъ слишкомъ штыковъ

— по данным генерала фон Фалькенгайна 2.350 000 нѣмцевъ стояли противъ 3.470 000 бойцовъ Антанты, — и располагалъ превосходными запасами военныхъ матеріаловъ.

При обсужденіи плана наступленія на Вердэнъ командованіе 5-й арміей отстаивало необходимость одновременной аттаки съ значительными силами на обоихъ берегахъ Мааса. Однако верховное командованіе отклонило это предложеніе. Ограниченіе аттаки однимъ только восточнымъ берегомъ рѣки послѣдовало по прямому распоряженію верховнаго командованія. Но и эта аттака удалась бы, по всему вѣроятію, если бы не наступили крайне неблагопріятныя обстоятельства.

Подготовленія къ аттакѣ остались для французовъ совершенно незамѣченными. Установка артиллеріи прошла безпрепятственно, и ударныя части пѣхоты не несли въ исходномъ для аттаки положеніи почти никакихъ потерь.

Все было блестяще подготовлено. Однако, какъ разъ наканунѣ предназначеннаго для наступленія дня начались ливни, и поднялась метель, лишившіе артиллерію всякой возможности взять подъ обстрѣлъ намѣченныя цѣли. Приходилось изо дня въ день откладывать аттаку, такъ что штурмъ состоялся, десятью днями позже, чѣмъ это было первоначально предположено. Командованіе 5-й арміей переживало тогда мучительные дни, ибо мы знали, что всякій потерянный день, всякій потерянный часъ означаетъ уменьшеніе нашихъ шансовъ на успѣхъ. И дѣйствительно въ этотъ періодъ ожиданія французы узнали о предполагавшемся наступленіи черезъ двухъ перебѣжчиковъ изъ ландвера — жалкихъ мерзавцевъ.

Тѣмъ не менѣе противникъ уже не имѣлъ возможности своевременно принять необходимыя мѣры защиты. Аттака началась 21-го февраля 1916 г. Ошеломляющіе успѣхи первыхъ дней извѣстны. Пѣхота 3-го и 18-го армейскихъ и 7-го запаснаго кор-

пусовъ творили во время штурма чудеса храбрости. Вѣнчало всю операцію занятіе форта Дуамонъ. Если бы обѣщанные намъ резервы подоспѣли во время, то и теперь еще намъ удалось бы прорвать весь восточный фронтъ Вердэна. Почему они не пришли, — осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Взявшій фортъ Дуамонъ ротный командиръ фонъ Брандисъ разсказывалъ мнѣ тогда, что, по его собственнымъ наблюденіямъ, на четвертый день аттаки во всей мѣстности между Дуамонъ—Сувилль—Таваннъ не было ни одного француза. Однако и наши собственныя войска дошли до послѣдняго предѣла своихъ силъ. Погода стояла отчаянная, и не вездѣ удавалось во время подвозить пищу. Тѣмъ не менѣе было возможно путемъ немедленнаго продолженія аттаки занять весь восточный фронтъ Вердэна. Это явствуетъ хотя бы изъ того, что мѣстное французское командованіе уже отдало приказъ объ очищеніи восточнаго фронта. И только Жоффръ отмѣнилъ этотъ приказъ. Мало того. Недавно дошедшее до меня сообщеніе одного французскаго офицера, участвовавшаго въ бояхъ подъ Вердэномъ, ясно показываетъ, что оборона восточнаго фронта Вердэна была на третій день фактически сломлена. Всю опасность положенія, въ которомъ находились французы 24-го февраля, описываетъ также генералъ Манжэнъ въ Revue des Deux Mondes.

Утомленіе нашихъ ударныхъ частей послѣ необычайныхъ военныхъ достиженій и недостатокъ резервовъ лишили насъ плодовъ побѣды.

Я никого не виню за это, я лишь констатирую факты.

Съ этого дня отпалъ моментъ внезапности, и аттаки, сопровождавшіяся до сихъ поръ значительнымъ продвиженіемъ впередъ, превратились теперь въ мучительную борьбу изъ-за каждой пяди земли. Уже нѣсколько недѣль спустя мнѣ стало ясно, что намъ не удастся сломить упорное сопротивленіе защитни-

ковъ Вердэна, и что наши потери не окупаются достигаемыми результатами. Поэтому я приложилъ всѣ усилія, чтобы пріостановить наступленіе и неоднократно устно высказывалъ свою точку зрѣнія и вытекающія изъ нея предположенія. Въ первое время, однако, эти мои предположенія, съ которыми впрочемъ не соглашался также и начальникъ моего штаба генералъ фонъ Кнобельсдорфъ, были оставлены безъ вниманія, и послѣдовалъ приказъ — продолжать наступленіе. Я вполнѣ понимаю, что верховному командованію было трудно измѣнить свое рѣшеніе ввиду того большого моральнаго значенія, которое онъ приписывалъ операціи подъ Вердэномъ; я понимаю также, что верховное командованіе оцѣнивало Вердэнскую битву съ иной точки зрѣнія, чѣмъ командованіе 5-й арміей; тѣмъ не менѣе, я полагаю что мои соображенія даже при оцѣнкѣ съ этой высшей точки зрѣнія были правильны.

Когда впослѣдствіи положеніе настолько обострилось, что я въ виду безполезности нашихъ жертвъ не считалъ болѣе возможнымъ нести отвѣтственность за продолженіе наступленія, я лично доложилъ объ этомъ его величеству, а также представилъ верховному командованію письменный докладъ, послѣ чего кайзеръ примкнулъ къ моей точкѣ зрѣнія и разрѣшилъ пріостановить наступленіе. Приказъ объ этомъ, послѣ ухода генерала фонъ Фалькенгайна съ поста начальника главнаго полевого штаба и руководителя военныхъ операцій (29 августа), былъ данъ генералъ-фельдмаршаломъ фонъ Гинденбургомъ 2-го сентября 1916 г. и сопровождался распоряженіемъ объ укрѣпленіи достигнутой нами линіи.

Какъ ни печаленъ былъ такой исходъ, какъ ни тяжелы были наши потери подъ Вердэномъ, не слѣдуетъ также забывать, что французы еще значительно больше пострадали въ этихъ бояхъ. Около семидесяти пяти французскихъ дивизій, кипѣвшихъ въ адскомъ котлѣ подъ Вердэномъ, были выведены

изъ строя. Мощь французскаго удара на Соммѣ благодаря этому значительна уменьшилась, и трудно вообще учесть, какія слѣдствія имѣло бы наступленіе на Соммѣ, если бы до этого Вердэнская битва не приковала къ себѣ и не поглотила значительной части тѣхъ запасовъ людьми и матеріаломъ, которыми располагала Франція.

Заканчивая характеристику моего отношенія къ боямъ подъ Вердэномъ, я хочу высказаться еще по поводу одного присвоеннаго мнѣ оскорбительнаго прозвища, которое вотъ уже два года не сходитъ со страницъ печати, болѣе дорожащей дешевой сенсаціей, чѣмъ строгой истиной.

Какъ разъ въ эти дни мнѣ пришлось опять прочесть: «— кронпринцъ, смѣющійся палачъ Вердэна—».

Это лишняя капля желчи и горечи въ мою и безъ того мрачную жизнь на островѣ, который въ теченіе трехсотъ дней изъ трехсотъ шестидесяти пяти окутанъ туманомъ и вѣтромъ.

«— смѣющійся палачъ Вердэна», — это я. Собственно говоря, я долженъ былъ уже привыкнуть къ этому, такъ часто приходилось читать эту гнусную клевету. Но она задѣваетъ меня каждый разъ снова, ибо затрагиваетъ то единственное и самое цѣнное, что у меня осталось послѣ катастрофы: воспоминаніе о моихъ отношеніяхъ съ ввѣренными мнѣ войсками, о томъ взаимномъ довѣріи и пониманіи между нами, которое оправдало себя и въ самыя тяжелыя испытанія.

О бояхъ подъ Вердэномъ и роли, которую я тамъ игралъ, я уже говорилъ. Остается еще сказать о моихъ отношеніяхъ съ войсками и — о моемъ смѣхѣ.

Мнѣ трудно распространяться о первомъ изъ этихъ вопросовъ. Замѣчу лишь одно: Мои испытанныя въ безчисленныхъ бояхъ храбрыя и вѣрныя дивизіи вросли мнѣ въ душу какъ родныя дѣти, и я всегда старался по мѣрѣ силъ дать имъ все, что только допускали тяжелыя условія войны: своевременный

отдыхъ, довольствіе, награды и т. п. Каждый разъ, когда мои обязанности главнокомандующаго участкомъ фронта позволяли мнѣ отлучиться изъ штабъ-квартиры, я отправлялся въ передовыя линіи къ моимъ сражающимся войскамъ, знакомился съ ихъ окопной жизнью по собственнымъ наблюденіямъ и старался, насколько возможно, облегчить ихъ тяжелую долю. Такъ было въ Аргоннахъ и подъ Вердэномъ, такъ было и въ мѣловыхъ окопахъ Шампани. Среди многихъ сотенъ тысячъ, бойцовъ, сражавшихся въ теченіе исполинской борьбы подъ моимъ начальствомъ, найдутся немногіе, которые бы не видѣли меня въ своихъ окопахъ.

Итакъ, не теряя много словъ, я могу ихъ всѣхъ, моихъ храбрыхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ старой 5-й арміи и группы «Кронпринцъ», безъ страха призвать въ свидѣтели того, каковы были мои отношенія съ ними. Сознаніе того, что они мнѣ за всю мою любовь платили исключительной солдатской доблестью, храбростью и вѣрностью, и что они лично мнѣ были преданы, — все это для меня и по сю пору — является частицею прежняго счастья, которую я сохранилъ изъ прошлаго и которую даже самая злостная клевета не сможетъ разрушить!

«— Кронпринцъ, смѣющійся палачъ Вердэна—».

Наконецъ, послѣдній вопросъ: мой смѣхъ.

Да, я охотно признаю: я любилъ посмѣяться въ молодые годы и никогда не былъ нытикомъ и кабинетнымъ человѣкомъ. Я смѣялся, потому что находилъ тогда жизнь прекрасной и богатой и мнѣ казалось, будто бы мой смѣхъ является благодарностью судьбѣ за то, что я свѣжъ и здоровъ, и вѣрю въ свои силы.

Даже на войнѣ, несмотря на всю ея тяжесть, я не разучился смѣяться. Всякій настоящій мужчина, участвовавшій въ войнѣ, испыталъ, навѣрно то же самое: именно въ самыя тяжелыя минуты тебя охватываетъ безудержное желаніе уйти подальше прочь

отъ неслыханныхъ ужасовъ смерти и разрушенія, и ты жадно хватаешься за всякое хотя бы чисто внѣшнее выраженіе или проявленіе утверждающей себя жизни. Стало быть и тогда я не надѣвалъ маски, предназначенной для любопытствующей публики, и показывалъ свое лицо такимъ, какимъ оно было.

Я знаю, что такое поведеніе съ моей стороны вызывало уже тогда на родинѣ, быть можетъ и въ тыловыхъ частяхъ, отрицательную критику: у кронпринца всегда веселый видъ, — должно-быть онъ не слишкомъ серьезно относится къ событіямъ. —

Умныя головы и мудрые толкователи! Что вы вообще знали обо мнѣ?

Если бы я тогда столько же заботился о васъ, сколько вы обо мнѣ, то я быть можетъ дѣйствительно пересталъ бы смѣяться.

Но я думалъ и заботился только объ одномъ: о ввѣренныхъ мнѣ войскахъ на позиціяхъ. Вотъ если бы эти мои старые бойцы, съ которыми я сроднился и которыхъ я сегодня все съ такою же любовью вспоминаю, — вотъ если бы они не одобрили моего смѣха, вы были бы правы!

Но они меня благодарили за мою «веселость» и понимали меня. Ради нихъ я не разъ улыбался и смѣялся, даже когда мнѣ было совсѣмъ не до смѣха.

Предо мною проносятая образы тяжкихъ дней войны. Идетъ осмотръ эшелона новобранцевъ. Они кончили свое ученіе и идутъ теперь на фронтъ. Шестьсотъ милыхъ свѣжихъ германскихъ юношей, еще не вышедшихъ изъ отроческаго возраста. Они еще слишкомъ молоды для столь тяжелаго ремесла! Съ лихорадочнымъ ожиданіемъ смотрятъ они своими сіяющими глазами на меня: что скажетъ имъ кронпринцъ? — Мнѣ спираетъ горло и глаза готовы затуманиться слезами — слишкомъ многихъ я видѣлъ уходящими туда и немногихъ возвращающимся! а это почти дѣти! Можно ли имъ показать, что во мнѣ происходитъ? Нѣтъ, ни за что! Я беру себя въ

руки, улыбаюсь и говорю имъ: «Товарищи, думайте о родинѣ, мнѣ трудно васъ отпускать туда, но такъ должно быть, и вы справитесь со своей задачей. Выкажите себя достойными товарищей на фронтѣ! Да защититъ васъ Богъ! И они громко привѣтствуютъ меня и увѣренно идутъ по своему тяжелому пути. —

Идетъ крупный бой. Съ фронта приходятъ серьезныя вѣсти, противникъ прорвалъ наши линіи въ опасномъ мѣстѣ. Я сижу въ комнатѣ начальника штаба за картой, телефонъ рядомъ со мной. Мы подтянули резервы, артиллерія и летчики привлечены къ дѣлу; мы ждемъ извѣстій. Вотъ звонитъ телефонъ, я прикладываю трубку къ уху. Сообщеніе отъ командованія арміей: мѣсто прорыва расширилось, но мы надѣемся удержаться на линіи А до В. Тяжелыя заботы гнетутъ начальника штаба главнокомандующаго. Резервы всѣ исчерпаны, послѣдній солдатъ, послѣдній пулеметъ введены въ дѣло. Теперь очередь за войсками. Справятся ли они съ задачей?

Я выхожу изъ помѣщенія штаба, чтобы въ автомобилѣ съѣздить впередъ къ мѣсту прорыва. Сотни солдатъ стоятъ на улицѣ; они вопросительно и неувѣренно смотрятъ на меня. Трудность положенія въ передовыхъ линіяхъ стала извѣстной, паническое настроеніе виситъ въ воздухѣ. Я выпрямляюсь и громко обращаюсь къ нимъ: «ребята, идетъ тяжелый бой, но мы справимся, должны справиться и вы должны мнѣ въ этомъ помочь!» И кончивъ, улыбаюсь имъ. Теперь они знаютъ: да, дѣло серьезное, и можетъ быть будетъ еще тяжелѣй; но онъ увѣренъ въ насъ, онъ не унываетъ — дѣло образуется.

И вмѣсто глухого молчанія, которое я засталъ, теперь раздаются мнѣ вслѣдъ одобрительные возгласы.

Другая картина. Это было послѣ тяжелыхъ боевъ у Шемэнъ де Дамъ. Я ѣду въ полкъ, который только что возвращается изъ боя и долженъ нѣсколько дней

отдохнуть на горномъ хребтѣ Бовэ. Солдаты кое-какъ устроились въ воронкахъ отъ разорвавшихся снарядовъ и старыхъ французскихъ окопахъ. Я вступаю съ многими изъ нихъ въ разговоръ. Они страшно утомлены. Вотъ въ одной изъ воронокъ сидятъ нѣсколько капраловъ и играютъ въ скатъ. Я подсаживаюсь къ нимъ и жертвую три марки въ кассу. Сразу развязываются языки. Всѣ они настоящіе берлинцы, большинство изъ нихъ знаютъ меня еще изъ дому. Сначала они ругаются, что война такъ долго длится, но всетаки увѣряютъ: «авось, — справимся»! Я иду дальше къ другимъ войсковымъ частямъ. Вотъ стоитъ уже немолодой солдатъ, лѣтъ сорока пяти; онъ протягиваетъ мнѣ свою грубую руку и говоритъ: «Вы нашъ старый Вильгельмъ и мы не забудемъ, что Вы насъ тутъ навѣстили. Когда насъ опять поведутъ въ бой, Вы будете нами довольны». И громое ура оглашаетъ орошенный кровью Шемэнъ де Дамъ.

Вотъ какъ было дѣло съ моимъ смѣхомъ. —

Разъ я уже заговорилъ объ этомъ, то сдѣлаю еще одно признаніе: я и сегодня еще могу смѣяться!

Не взирая на всѣ удары судьбы и невзгоды, не взирая на одиночество и тѣсноту моей жизни, я и теперь еще иногда весело и непринужденно смѣюсь и благодарю Бога, что онъ мнѣ сохранилъ эту способность.

Такъ смѣялся я вчера, когда игралъ въ Денъ-Оверѣ съ дѣтьми рыбаковъ, и вотъ сейчасъ, когда мы съ подмастерьемъ въ кузницѣ дѣлились впечатлѣніями.

Декабрь 1920 г.

Мюльднеръ опять вернулся.

Какъ говорится про Ноя въ Библіи? «Но такъ какъ голубь не нашелъ сухого мѣста, гдѣ бы могъ стать, ибо вода лежала еще поверхъ всей земли, то онъ

вернулся къ ковчегу. И высунулъ Ной руку изъ ковчега и взялъ голубя назадъ въ ковчегъ. — И подождалъ еще семь дней».

Итакъ, остается только, — крѣпко стиснувъ зубы, пережить третью зиму на этомъ островѣ.

Я пережилъ большую радость: еще одинъ гость! Моя маленькая сестра провела на обратномъ пути изъ Доорна нѣсколько дней у меня. Если бы кто нибудь зналъ, чѣмъ мы были другъ другу съ дѣтскихъ лѣтъ, — «старый братъ» и маленькая Сисси, — онъ могъ бы почувствовать съ нами, сколько намъ дало это свиданіе послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Какъ только уѣхала моя маленькая герцогиня, на морѣ начались опять бури. Безъ перерыва, день и ночь. Удивительно, что онѣ не снесли еще крыши съ нашего пастората. — Зима сразу дала намъ нынче генеральное сраженіе; пуская всѣ свои силы въ ходъ: рѣзкое паденіе температуры, метели, жестокіе морозы и массы льда въ Зюдерзее. Такой суровой она не была даже въ первый годъ нашей жизни на островѣ.

Сейчасъ пронзительно рѣзкій нордъ-остъ и тяжелый ледоходъ дѣлаютъ сообщеніе съ материкомъ почти невозможнымъ. Телефонное сообщеніе прервано, и мы совершенно отрѣзаны отъ всего свѣта.

А между тѣмъ, послѣднія извѣстія о болѣзни дорогой матери такъ горестны и печальны, что приходится всего опасаться. Когда я объ этомъ думаю, у меня лишь одна мысль: только бы не теперь, — не въ эти дни!

Въ три, самое позднее въ 4 часа, уже полная ночь. Я сижу тогда около маленькой желѣзной печки при свѣтѣ керосиновой лампы за книгами и бумагами.

Я обозрѣваю свою книжную полку съ томами. Чего, чего я только не прочиталъ и не проработалъ за эти два года. Гораздо больше чѣмъ въ остальные тридцать шесть, вмѣстѣ взятые.

Во время войны штабъ моей пятой арміи и ввѣренный мнѣ участокъ фронта часто посѣщали лица, пріѣзжавшія съ родины или изъ нейтральныхъ государствъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ гостей скажу вкратцѣ.

Часто пріѣзжали нѣмецкіе союзные князья, чтобы провѣдать свои войска. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я велъ обстоятельныя бесѣды объ общемъ положеніи и о дѣлахъ на родинѣ. Многіе изъ нихъ совѣтовали во что бы то ни стало искать случая для соглашенія съ противниками, и я вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣніе. Слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что имперское правительство не прислушивалось больше къ голосу союзныхъ князей; многіе изъ нихъ предвидѣли несчастный исходъ. Благодаря излишней централизаціи правительственной власти въ Берлинѣ, федеративный характеръ Германской Имперіи, который Бисмаркъ всегда бережно охранялъ, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, къ сожалѣнію, отступалъ все болѣе и болѣе на задній планъ. Забывали при этомъ, что именно гордость своей болѣе тѣсной родиной является лучшимъ цементомъ для Имперіи.

Изъ выдающихся личностей, пріѣзжавшихъ ко мнѣ изъ союзныхъ или дружественныхъ странъ, укажу на Энвера-пашу, кронпринца Бориса болгарскаго, графа Тиссу, императора Карла и Свенъ Хедина.

Графъ Оттокаръ Чернинъ былъ дважды у меня, и мы имѣли съ нимъ продолжительные разговоры политическаго характера. Я вынесъ впечатлѣніе, что это — благородный и умный дипломатъ, ясно учитывавшій дѣйствительное положеніе дѣлъ и желавшій отсюда сдѣлать необходимые практическіе выводы. Когда мы съ нимъ лѣтомъ 1917 г. въ Шарльвиллѣ подробно обсуждали наше положеніе, становившееся съ каждымъ днемъ все болѣе тяжелымъ, онъ высказался въ томъ смыслѣ, что Двуединая монархія уже дошла до послѣдняго предѣла своихъ силъ, что она вообще держится только благодаря разнымъ сти-

мулирующимъ средствамъ, и что, вѣроятно, и Германія уже перешла за высшую точку своихъ военныхъ достиженій. Онъ ждалъ поэтому катастрофическаго исхода войны и хотѣлъ этому воспрепятствовать, своевременно предложивъ нашимъ противникамъ значительныя и вполнѣ осязательныя уступки. Цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, было мирное соглашеніе, съ помощью своевременныхъ жертвъ и уступокъ со стороны центральныхъ державъ. Въ словахъ его звучало убѣжденіе, что цѣль можетъ быть достигнута, если только будутъ обезпечены необходимыя для этого предпосылки. Согласно его проекту, Германія должна была уступить Франціи значительныя части Эльзасъ-Лотарингіи и получить компенсаціи на востокѣ путемъ вчлененія въ Имперію Польши совмѣстно съ Галиціей. Австрія съ своей стороны, отказывалась не только отъ Галиціи, но и уступала Трентино Италіи. Въ виду того, что затруднительность нашего положенія была мнѣ лучше извѣстна, чѣмъ кому-либо, я не могъ не сочувствовать точкѣ зрѣнія графа, но указалъ ему, что его предложенія встрѣтятъ у насъ на родинѣ полное непониманіе. Тамъ, видя, что наши войска побѣдоносно продвинулись въ глубь непріятельской страны, вполнѣ увѣрены, что наши дѣла идутъ хорошо; а потому и мысль объ отказѣ отъ старыхъ имперскихъ областей, лишь бы добиться мира, должна будетъ показаться непріемлемой. Не говоря уже о томъ, что я къ польскому проекту Чернина относился безусловно скептически, я не могъ отъ себя скрыть всѣ трудности, на которыя долженъ былъ наткнуться его проектъ со стороны нашихъ руководящихъ сферъ. Тѣмъ не менѣе я выразилъ графу готовность поддержать его точку зрѣнія въ особенности передъ высшимъ командованіемъ.

Шаги, предпринятые послѣ этого самимъ графомъ Чернинымъ, не имѣли успѣха. Имперскому правительству показалась предполагаемая жертва слишкомъ большой; Бетманъ-Голльвега особенно пугалъ — на-

сколько я могу судить — вопросъ: какъ открыть рейхстагу и странѣ глаза на истинное положеніе вещей. Еще меньше сочувствія встрѣтилъ графъ у верховнаго командованія; Людендорфъ ему прямо заявилъ, что, пока наша армія не разбита, невозможно говорить объ отдачѣ старыхъ нѣмецкихъ областей, которыя послѣ долгаго иностраннаго ига были вновь отвоеваны нѣмецкой кровью. Я не отрицаю значенія тѣхъ соображеній генерала Людендорфа, которыя онъ выдвигалъ въ защиту своей точки зрѣнія (они подробно изложены въ его «мемуарахъ»); но я считаю, что они продиктованы оптимизмомъ превосходнаго солдата, а не разумомъ спокойно взвѣшивающаго политика. Я съ своей стороны старался свести проблему къ простѣйшей ея формулѣ, которая гласила: угроза нашему престижу изъ за уступки французскихъ частей Эльзаса — или угроза самому существованію Имперіи? Вотъ почему я тогда рѣшительно настаивалъ на попыткѣ пойти по указанному графомъ Чернинымъ пути, но въ результатѣ обо мнѣ заговорили, что я поддался паникѣ и «струсилъ».

Голландскія, шведскія, испанскія, въ началѣ войны также американскія военныя миссіи были часто нашими гостями. Среди нихъ было не мало хорошихъ и симпатичныхъ офицеровъ.

Неоднократно пріѣзжали ко мнѣ также делегаціи нѣмецкихъ парламентскихъ дѣятелей, такъ извѣстные депутаты фонъ Гейдебрандтъ, Ольденбургъ-Янушау, Кемпфъ, Шульцъ-Бромбергъ, Тримборнъ, Фишбекъ, Давидъ, Германъ Мюллеръ и др.

Съ Давидомъ, представителемъ соціалистовъ большинства, у меня былъ во время его посѣщенія лѣтомъ 1917 г. продолжительный и интересный разговоръ. Хотя мы въ нашихъ взглядахъ, конечно, не сходились вполнѣ, у насъ нашлись всетаки нѣкоторыя точки соприкосновенія. Когда я спросилъ Давида, каковы очередныя требованія его партійной программы, онъ подчеркнулъ необходимость закона о помощи безра-

ботнымъ. На мое замѣчаніе, что очень трудно установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чѣмъ вызвана безработность, Давидъ отвѣтилъ, что предполагается ввести очень строгій контроль, исключающій всякія злоупотребленія. Когда я теперь снова и снова читаю о громадныхъ суммахъ, ассигнованныхъ государствомъ и коммунами на поддержку безработныхъ, мнѣ вспоминается иногда разговоръ съ товарищемъ Давидомъ. Удалось ли ему и другимъ авторамъ закона провести на практикѣ тотъ исключающій всякія злоупотребленія контроль, о которомъ грезила ихъ теорія? Я искренно желаю этого, — но всетаки сомнѣваюсь. — Впослѣдствіи мнѣ сообщили еще небольшой эпизодъ изъ поѣздки Давида въ зону военныхъ дѣйствій, эпизодъ, характеризующій его какъ добраго патріота: группа депутатовъ посѣтила одинъ изъ участковъ фронта, желая ознакомиться съ условіями жизни въ ближайшемъ тылу. Въ небольшомъ мѣстечкѣ стоялъ отрядъ ландвера и еще нѣкоторыя другія части, — все — народъ уже немолодой, который въ военной жизни не находилъ никакой прелести. Нѣкоторые изъ нихъ узнали депутата Давида и заявили ему, что они уже довольно воевали и хотятъ домой. Тогда соціалъ-демократъ Давидъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой напомнилъ, что каждый обязанъ исполнить свой долгъ, и бастовать въ виду непріятеля никому не разрѣшается. — Рѣчь произвела должное впечатлѣніе.

Съ г. фонъ Гейдебрандомъ у меня былъ разговоръ въ іюлѣ 1918 г., касавшійся нашего положенія и цѣлей войны. Меня поразилъ оптимизмъ, съ которымъ онъ даже въ этотъ моментъ смотрѣлъ на будущее. Онъ былъ глубоко потрясенъ, когда услышалъ отъ меня неприкрашенную правду и узналъ, что уже давно на западномъ фронтѣ наши усталыя, истощенныя войска ведутъ отчаянную борьбу съ подавляюще-превосходными силами противника; — когда я привелъ ему точныя цифры въ подтвержденіе своихъ словъ и

объяснилъ, какъ печально обстоитъ у насъ дѣло съ пополненіями — онъ съ трудомъ повѣрилъ мнѣ. Начальникъ штаба подтвердилъ и дополнилъ мои поясненія. Г-нъ фонъ Гейдебрандъ сознался мнѣ тогда, что онъ до сихъ поръ имѣлъ совершенно превратное представленіе о положеніи дѣлъ. Онъ и его партія въ Берлинѣ были неправильно информированы.

Невѣрной и тенденціозной информаціей объясняется такъ-же слишкомъ широкій размахъ военной программы пангерманской партіи, столь многими осуждаемой. Партія эта, какъ и многія другія, не имѣла никакого представленія о реальномъ ходѣ военныхъ событій. Пангерманцы ставили себѣ задачей указать народу цѣли войны, во имя которыхъ онъ сражается; Франція сражалась за Эльзасъ-Лотарингію, Англія — за господство на моряхъ и торговую монополію, Россія — за Константинополь и проливы, Италія — за «порабощенныя» провинціи, — за что-же сражалась Германія? На этотъ вопросъ пангерманская партія хотѣла дать отвѣтъ, но простѣйшая и очевидная истина: «за существованіе, неприкосновенность границъ и свободное развитіе» — звучала для нея недостаточно сильно. А между тѣмъ то былъ единственно-непоколебимый, сильнѣйшій и достойнѣйшій лозунгъ.

Несчастныя событія 18-го года заставили милліоны нѣмцевъ вернуться отъ плѣнительныхъ грезъ къ суровой дѣйствительности. Вѣчный примѣръ того, какія роковыя послѣдствія носитъ въ себѣ искусственно-взрощенный оптимизмъ въ оцѣнкѣ общаго положенія, особенно во время войны. Я утверждаю, что пораженіе Германіи никогда не могло-бы повлечь за собой столь ужасной катастрофы, если-бы народомъ не владѣли иллюзіи, поддерживаемыя правительствомъ и разрушенныя цѣною тяжелыхъ ударовъ на фронтѣ. Всѣ думали, что дѣла идутъ прекрасно; теперь-же всѣ убѣдились въ томъ, что были введены въ заблужденіе съ разсчетомъ поднять настроеніе. Этотъ туманный и легкомысленный оптимизмъ такъ прочно внѣдрился

въ народное сознаніе, что усталые люди, даже въ моментъ напряженной борьбы, искали въ немъ прибѣжища. И лишь немногіе находили въ себѣ достаточно силы и мужества, чтобы ясно представить себѣ всѣ послѣдствія возможнаго пораженія. Но именно въ сознаніи тяжелыхъ возможностей люди черпали силу сопротивленія, ибо они понимали, что только крайнее напряженіе можетъ привести къ побѣдѣ, — неудача же — къ уничтоженію.

Боязнь правдивости и неискренность, вошедшія въ кровь и плоть отвѣтственныхъ представителей власти, — жестоко дали себя почувствовать. Усыпляющимъ наркозомъ успокоительныхъ завѣреній не поднять личную и коллективную душу на высшую точку напряженія; поднять ее можно только честнымъ указаніемъ на неимовѣрную трудность борьбы, которая ведется не на жизнь, а на смерть, на необходимость въ превратностяхъ борьбы ни на минуту не спускать натянутой струны, на неизбѣжность гибели въ случаѣ неудачи. — Такъ и отъ нашей родины нельзя было скрывать послѣдствія возможнаго пораженія и замалчивать ужасы происходившей на фронтѣ борьбы.

Я этимъ отнюдь не защищаю унылое нытье, я лишь утверждаю, что съ самаго начала войны нѣмецкій народъ былъ достаточно зрѣлъ и подготовленъ къ тому, чтобы видѣть всю правду и видомъ ея закалять свои силы!

Народу въ тылу слѣдовало снова и снова повторять то же, что я всегда твердилъ своимъ войскамъ: «Товарищи, идетъ тяжелая, отчаянная борьба: быть или не быть всему, что мы есть, и что мы имѣемъ. Я не знаю, выдержимъ ли мы эту борьбу. Но я вѣрю въ васъ и вѣрю, что никто изъ васъ не предастъ другого, не предастъ родины. Для насъ нѣтъ другого пути, — а потому впередъ, съ Богомъ за Кайзера и за Имперію!»

Но у насъ предпочли сообщать правду маленькими порціями. Въ результатѣ изголодавшійся народъ жад-

но ловилъ всѣ слухи и росказни; повсюду росли недовѣріе и сомнѣнія. Уже въ дни первой битвы на Марнѣ примѣняли мы эту ложную тактику и цѣпко держались за нее до самаго момента крушенія.

Вина въ неправильной информаціи народа не падаетъ на нѣмецкую печать. Корень зла былъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ она получала освѣдомительный матеріалъ. Въ годы войны газеты всѣхъ направленій были воодушевлены искреннимъ желаніемъ писать одну правду, — хотя бы эта правда и получала въ каждомъ случаѣ ту или иную партійную окраску. Видные представители самыхъ различныхъ направленій нѣмецкой печати и въ особенности военные корреспонденты, бывшіе моими гостями, неоднократно жаловались мнѣ, что они не могутъ писать о военныхъ событіяхъ такъ, какъ они ихъ видятъ собственными глазами, т. е. вынуждены сообщать читателямъ лишь часть истины и не говорить ничего о серьезности положенія. Неблагопріятныя свѣдѣнія о ходѣ операцій обычно совсѣмъ не пропускаются; если же пропускаются, то рукою свирѣпаго цензора урѣзываются до неузнаваемости.

Искаженіемъ этихъ сообщеній непосредственныхъ очевидцевъ событій цензура тяжело провинилась передъ отечествомъ.

Канунъ Новаго Года 1920.

Полчаса тому назадъ мы встрѣтили втроемъ Новый Годъ: Мюльднеръ, Цобельтицъ и я.

Цѣлое маленькое общество!

Цобельтицъ пріѣхалъ, какъ только ледоходъ позволилъ. Какъ я обрадовался ему!

Но сегодняшній вечеръ былъ тѣмъ не менѣе тихій и тяжелый. Казалось, что каждый изъ насъ скованъ своими собственными думами и осторожно выбираетъ слова, лишь бы не разбередить старыхъ ранъ.

Какое счастье, что съ нами былъ нашъ славный Цобельтицъ въ своемъ ярко-желтомъ свитерѣ и съ

неистребимымъ меланхолическимъ юморомъ. Свойственной ему тихой и нѣсколько презрительной мудростью шута онъ смягчаетъ даже самое тяжелое.

Чего, чего только не передумаешь въ такіе часы размышленія и воспоминаній!

Прошедшее, настоящее, будущее — все это пестрая фильма, проходящая мимо насъ бѣдныхъ, безпомощныхъ зрителей. Вспоминаешь людей: жену, дѣтей, родителей и братьевъ, которые всѣ въ эту послѣднюю ночь стараго года гдѣ-нибудь о тебѣ думаютъ. Вспоминаешь милыхъ товарищей военнаго времени и живыхъ и мертвыхъ! Друзья, если все и сложилось по-иному, — жертвы, столь самоотверженно принесенныя вами бѣдному отечеству во имя нашихъ лучшихъ надеждъ и стремленій, не пропадутъ даромъ. Ваши подвиги останутся вѣчнымъ примѣромъ и будутъ сѣменемъ, изъ котораго возродится вѣра нѣмцевъ въ самихъ себя и въ свое будущее, въ то лучшее будущее, которое придетъ, должно придти!

И наконецъ, милыя лица мирнаго времени. Мнѣ теперь кажется, что съ тѣхъ поръ прошло гораздо больше чѣмъ шесть или семь лѣтъ. Какъ будто все это подернулось легкой завѣсой пыли. Многаго теперь уже не представишь себѣ такъ, какъ оно представлялось намъ тогда. Да, тяжелыя испытанія послѣднихъ лѣтъ научили насъ многому. — А между тѣмъ прошло только семь лѣтъ!

Какъ быстро течетъ жизнь!

А снова черезъ семь лѣтъ?

Одинъ Богъ знаетъ, какъ плохо приходится намъ, бѣднымъ нѣмцамъ, теперь, и мнѣ лично судьба никакого предпочтенія не оказала. Но когда я заглядываю въ будущее, мнѣ все-таки кажется, что не такъ уже долго намъ осталось ждать болѣе свѣтлыхъ дней!

Январь 1921 г.

Наступила опять болѣе или менѣе сносная зимняя погода, ледъ прошелъ, и невыносимо давящая отрѣ-

занность отъ міра прекратилась. Пришла почта, и вновь чувствуешь себя частью этого міра. Къ наводненіямъ и бурямъ — въ нихъ проявляетъ здѣшній климатъ свой темпераментъ — относишься какъ къ безобиднымъ эксцессамъ, на которые лучше всего не обращать вниманія.

Какъ только ледъ прошелъ, Цобельтицъ, закутанный, какъ полярный изслѣдователь, покинулъ островъ.

Я самъ на нѣсколько дней опять былъ въ Доорнѣ, чтобы возмѣстить несостоявшееся на Рождествѣ посѣщеніе родителей.

Но эти дни прошли, прошли тихіе часы, которые я провелъ у матери, и долгія бесѣды съ отцомъ. И опять впереди глубокая тишина зимы.

Эти разговоры съ отцомъ! Врядъ ли есть хоть одна проблема прошлаго, которую мы при случаѣ не затронули бы съ нимъ въ бесѣдѣ. Когда я стою передъ нимъ и вижу, какъ онъ мучительно ищетъ разрѣшенія загадки нашей судьбы, когда я вижу, какъ онъ, несмотря на неудачи, всегда желалъ только наилучшаго для ввѣреннаго его водительству государства и народа, я вновь и вновь убѣждаюсь въ томъ, какъ глубоко несправедливо отношеніе къ нему большой части нашего народа, отрицающей нынѣ какое бы то ни было значеніе за тѣмъ, что было сдѣлано кайзеромъ въ теченіе его жизни. Ибо подъ обломками неудачной политики мира при этомъ погребается также и все великое, доброе и непреходящее, что связано съ тридцатью годами правленія моего отца.

Я самъ отнюдь не закрываю глаза на тѣ ошибки, которыя въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій были совершены высшими правящими сферами Германіи. И эти записки, я думаю, свидѣтельствуютъ о моемъ желаніи, какъ ясно видѣть, такъ и откровенно высказывать видѣнное. Что на мой взглядъ многое изъ того, что нынѣ общимъ мнѣніемъ ставится въ вину кайзеру, должно быть въ дѣйствительности отнесено

за счетъ неудачныхъ дѣйствій его неспособныхъ совѣтниковъ, — это уже было высказано мною въ другомъ мѣстѣ. При всемъ томъ однако замѣтки эти лишь весьма односторонне обрисовали бы мое отношеніе къ дѣятельности моего отца, если бы я не высказалъ здѣсь явно всего признанія его громадныхъ личныхъ заслугъ въ дѣлѣ возрожденія и подъема нашего государства.

Эти заслуги относятся еще къ тому времени, когда онъ былъ кронпринцемъ. Послѣ франко-прусской войны германская армія переживала состояніе самоудовлетворенія и покоя. Офицерскій корпусъ былъ отчасти слишкомъ старъ по своему составу, такъ какъ правительство не хотѣло отпустить людей, столь оправдавшихъ себя во время войны, и въ общемъ относился весьма сдержанно ко всякимъ новшествамъ. Принципы, оправдавшіе себя во время удачной войны съ Франціей, должны были по возможности оставаться неприкосновенными. И вотъ несомнѣнной заслугой, тогда еще совсѣмъ молодого, кронпринца Вильгельма было то, что онъ своевременно понялъ опасности, которыя крыло въ себѣ такое покойное самоудовлетвореніе. Со всей присущей ему энергіей онъ принялся за своевременное преобразованіе военной подготовки арміи, такъ что во имя этого ему пришлось даже вынести довольно суровую борьбу. Я хорошо еще помню, какъ мой отецъ впервые привлекъ при обученіи потсдамскаго гарнизона тяжелую артиллерію крѣпости Шпандау, которую онъ къ удивленію всего генералитета приказалъ вывести въ поле. Развивая эту мысль дальше, онъ впослѣдствіи уже во время своего царствованія принялъ живое участіе въ созданіи нашей тяжелой артиллеріи. Точно также развитіе нашихъ саперныхъ войскъ слѣдуетъ во многомъ отнести на счетъ личной иниціативы кайзера. Очень много также потрудился кайзеръ для культивированія въ войскахъ патріотическаго духа самоотверженія. И всюду, гдѣ только онъ могъ, со-

дѣйствовалъ онъ сохраненію традиціи и внутренней связи между отдѣльными войсковыми частями.

Созданіе военнаго флота есть на мой взглядъ подлинная и великая заслуга моего отца. Тѣмъ самымъ онъ вывелъ Германію на путь мірового развитія, что было необходимо для Германіи, разъ изъ континентальной державы она хотѣла превратиться въ міровую. При этомъ работа его не ограничивалась созданіемъ нашего военнаго флота, долженствовавшаго охранять наше достоинство на морѣ, но и въ созданіи нашего торговаго флота онъ принималъ дѣятельное участіе.

Въ области рабочаго законодательства онъ стоялъ впереди другихъ. И глубокая трагика судьбы заключается въ томъ, что именно та партія, ради которой кайзеръ, отмѣнивъ ограничительный законъ о соціалистахъ, не убоялся въ самомъ началѣ своего царствованія вступить въ конфликтъ съ преданными ему кругами, въ концѣ концовъ, вызвала его паденіе.

Послѣ крушенія въ іюлѣ 1918 года большого Реймскаго наступленія, для котораго верховное командованіе еще разъ стянуло всѣ наличныя силы (вплоть до нѣкоторыхъ резервовъ свѣжихъ дивизій и тяжелой артиллеріи, остававшихся про запасъ въ войсковой группѣ Рупрехта на случай нападенія противника), для меня уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ событія на фронтѣ, такъ и положеніе вещей въ тылу неуклонно ведутъ насъ къ катастрофѣ, если только въ двѣнадцатый часъ не будутъ приняты и твердой рукой проведены въ жизнь самыя рѣшительныя мѣры. Начальникъ моего штаба графъ фонъ деръ Шуленбургъ вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Послѣ большого наступленія противника у Виллеръ-Коттере мы сдѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы побудить верховное командованіе принять въ первую очередь двѣ мѣры, изъ которыхъ одна должна была оздоровить на нашъ

взглядъ положеніе на фронтѣ, а другая положеніе въ тылу.

Имѣя въ виду наше чрезвычайно затруднившееся военное положеніе, мы считали необходимымъ немедленно же въ строгомъ, заранѣе опредѣленномъ порядкѣ отвести весь нашъ фронтъ на линію Антверпенъ—Маасъ. Эта линія принесла бы намъ тогда цѣлый рядъ преимуществъ. Прежде всего мы сразу бы такимъ образомъ отошли на довольно значительное разстояніе отъ врага, что дало бы намъ нѣкоторый выигрышъ времени, въ теченіе котораго наши, уже сильно утомленныя и душевно потрепанныя войска могли бы отдохнуть и освѣжиться. Далѣе, это значительно сократило бы линію нашего фронта, Маасскій же фронтъ въ Арденнахъ, и безъ того очень сильный благодаря своимъ естественнымъ условіямъ, могъ бы при этомъ сохранить всю свою силу сопротивленія. Тѣмъ самымъ можно было бы съэкономить большое число резервовъ. Оперативно слабыми пунктами всего фронта по-прежнему оставались бы правый флангъ въ Бельгіи и лѣвый у Вердэна.

Свою оцѣнку положенія мы представили въ видѣ доклада верховному командованію. Въ этомъ докладѣ мы исходили изъ того, что главная задача германской арміи сводится теперь къ тому, чтобы, отражая аттаки непріятеля, «продержаться» до наступленія дождливаго времени года, т. е. приблизительно до конца ноября. И потому, если у насъ нѣтъ силъ удерживать длинную передовую линію, то мы должны своевременно ее сократить. Для общаго военнаго положенія безразлично, гдѣ мы стоимъ. Существенно лишь, чтобы армія наша оставалась непобитой и боеспособной. Между тѣмъ нашъ лѣвый флангъ между Седаномъ и Вогезами не можетъ быть отодвинутъ назадъ и потому долженъ быть заранѣе уже усиленъ, какъ на передовыхъ позиціяхъ, такъ и въ резервахъ.

Верховное командованіе отвѣтило намъ, что въ крайнемъ случаѣ оно рѣшится лишь на отходъ на линію, которую войска наши занимали до весенняго наступленія 1918 года. Оно при этомъ стояло на той, въ извѣстномъ смыслѣ, быть можетъ, и правильной точкѣ зрѣнія, что дальнѣйшій отходъ нашихъ войскъ съ занимаемой ими линіи фронта будетъ понятъ нашими противниками, какъ признаніе нами нашей собственной слабости, что можетъ повлечь за собой крайне нежелательныя для насъ политическія слѣдствія. Кромѣ того, верховное командованіе считало, что наши желѣзныя дороги не въ состояніи быстро очистить весь бошой участокъ фронта впереди линіи Антверпенъ—Маасъ, и что такимъ образомъ въ руки непріятеля неминуемо попадутъ громадные запасы военнаго и всякаго другого матеріала. Наконецъ, оно полагало, что линія Антверпенъ—Маасъ непригодна для продолжительной защиты вслѣдствіе неблагопріятныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, а именно отсутствіе поперечныхъ желѣзнодорожныхъ линій должно сильно затруднить и замедлить переброску резервовъ позади фронта и съ одного фланга на другой.

Въ противоположность этому мы стояли на той точкѣ зрѣнія, что сокращеніе фронта неизбѣжно, что поэтому лучше отойти въ порядкѣ при сохраненіи войсками ихъ боеспособности, чѣмъ ожидать того момента, когда мы были бы вынуждены сдѣлать это подъ давленіемъ противника. Политика должна преклониться предъ военной необходимостью сохранить боеспособную армію. Потеря военнаго матеріала и неблагопріятныя сообщенія позади линіи Антверпенъ—Маасъ не представлялись уже намъ такими большими бѣдствіями. Разъ рано или поздно мы все равно вынуждены будемъ отойти, то лучше сдѣлать это своевременно, чѣмъ слишкомъ поздно.

Что касается тыла, то мы настаивали на энергическихъ и самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ.

Нашими требованіями были: диктатура, подавленіе всякой революціонной агитаціи, примѣрное наказаніе дезертировъ и уклоняющихся отъ военной службы, милитаризація военной промышленности, высылка подозрительныхъ иностранцевъ и т. п. Однако наши предложенія и предостереженія не имѣли успѣха. И намъ было ясно, куда все это должно было привести.

И дѣйствительно довольно скоро мы вступили въ полосу разложенія, подтачивавшаго наши силы, и въ полномъ сознаніи опасности положенія принуждены были оставаться пассивными зрителями того, какъ начавшееся зло неуклонно и съ каждымъ днемъ все быстрѣе и быстрѣе приближало насъ къ катастрофѣ.

Оглядываясь теперь назадъ на это время и сравнивая его съ другими событіями своей жизни, я считаю его самымъ печальнымъ изъ всего того, что мнѣ пришлось вообще пережить. Печальнѣе даже, чѣмъ критическіе мѣсяцы Вердэна и тоже исполненные глубокой скорби дни, недѣли и мѣсяцы послѣ катастрофы.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправлялся я каждое утро въ канцелярію своего штаба, всякій разъ ожидая какихъ нибудь тяжелыхъ, печальныхъ извѣстій, которыя, увы, слишкомъ часто и приходили въ дѣйствительности. Поѣздки по линіи фронта, которыя раньше всегда освѣжали и радовали меня, стали мнѣ въ тягость. Лица начальниковъ штаба были изборождены морщинами. Почти всюду, куда я ни приходилъ, войска обнаруживали крайнюю степень истощенія, несмотря на свой превосходный внѣшній видъ, на дружелюбіе и радость, съ которыми они меня привѣтствовали. Сердце сжималось въ груди при видѣ ихъ впавшихъ щекъ, ихъ исхудалыхъ и усталыхъ лицъ въ разорванной и грязной формѣ. Хотѣлось сказать этимъ людямъ: «иди домой, дорогой товарищъ, выспись основательно и наѣшься досыта, ты достаточно уже поработалъ!» А между тѣмъ сказать этого было нельзя, и они попрежнему бодро вы-

тягивались во фронтъ, когда я обращался къ нимъ со словами ободренія и пожималъ имъ руку. И самое ужасное было то, что не было никакихъ средствъ помочь, — они, эти усталые и до конца истощенные воины были послѣдними остатками той силы, которая еще оставалась въ нашемъ распоряженіи и которую мы должны были безпощадно пустить въ дѣло, если только мы желали избѣжать катастрофы и добиться для Германіи болѣе или менѣе сносныхъ условій мира.

День ото дня я долженъ былъ съ болью въ сердцѣ наблюдать, какъ все болѣе и болѣе ослабѣвала старая боеспособность моихъ самыхъ храбрѣйшихъ дивизій, какъ въ непрерывныхъ тяжелыхъ бояхъ вмѣстѣ съ кровью все болѣе и болѣе утрачивалась и вѣра и сила. При создавшемся положеніи вещей даже самыя изможденныя дивизіи могли въ лучшемъ случаѣ получать только по дню отдыха. Въ виду того, что такъ и не послѣдовало основательнаго сокращенія линіи фронта, наши обезкровленныя и потрепанныя дивизіи вынуждены были попрежнему выдерживать слишкомъ широкія полосы боевъ. Вскорѣ стало уже невозможнымъ въ достаточной мѣрѣ прикрывать эти широкіе участки фронта съ помощью ослабѣвшихъ резервовъ. Требованія смѣны и отдыха стали раздаваться все чаще и чаще, а я былъ не въ состояніи хоть сколько нибудь пойти имъ навстрѣчу, хотя самъ сознавалъ всю ихъ справедливость. Пополненія почти совершенно прекратились, и то немногое, что поступало, было лишь въ незначительной своей части пригодно къ употребленію. Пополненія эти составлялись изъ старыхъ уставшихъ отъ войны солдатъ, нерѣдко преждевременно выписанныхъ изъ лазарета, и изъ подростковъ безъ надлежащей выучки и тренировки. И при всемъ томъ, большая часть этихъ послѣднихъ пополненій приносила съ собой въ армію дурной духъ недовольства и возмущенія, продуктъ безотвѣтственной

агитаціи въ тылу, но также и попустительства бездѣятельнаго правительства, не предпринимавшаго никакихъ мѣръ противъ агитаторовъ и всей ихъ подпольной разлагающей работы.

Что именно тылъ былъ очагомъ всего этого разложенія, что именно онъ высылалъ на фронтъ отравлявшіе его элементы, стремившіеся къ возмущенію и перевороту, что изъ него вытекалъ весь этотъ мутный потокъ агитаціи, недовольства и неповиновенія, — это было ясно всякому непредубѣжденному наблюдателю. Высказывая это свое убѣжденіе, я отнюдь не опираюсь только на мнѣніе военныхъ фронтовыхъ круговъ, я самъ имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ собственными глазами въ теченіе своихъ поѣздокъ съ фронта домой и въ ближайшемъ тылу.

Насколько я могъ судить на основаніи личныхъ наблюденій, почвой, питавшей всѣ эти факторы разложенія, которые особенно пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли въ послѣдніе полтора года войны, заглушивъ подъ конецъ всѣ болѣе здоровыя настроенія, былъ недостатокъ продовольствія и снабженія внутри страны. И если въ концѣ концовъ страна не выдержала войны, то менѣе всего, конечно, виноваты въ этомъ тѣ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ безропотно голодалъ и отказывалъ себѣ во всемъ ради отечества. Подлинная вина лежитъ, на мой взглядъ, на тѣхъ, кто по своему служебному положенію обязаны были заботиться о лучшемъ снабженіи страны и о болѣе справедливомъ распредѣленіи наличныхъ продуктовъ, не взирая ни на какія препятствія. Наконецъ, вина въ этомъ лежитъ также и на тѣхъ, кто, видя неудовлетворительность наличнаго аппарата, не рѣшились на учрежденіе продовольственной диктатуры, которая, не будучи связана рутиной слишкомъ сложнаго стараго вѣдомственнаго аппарата и будучи надѣлена чрезвычайными полномочіями, могла бы дѣйствительно провести въ жизнь необходимыя мѣропріятія.

Описывая выше годы, предшествовавшіе катастрофѣ 1914 года, я уже упоминалъ, что въ теченіе этихъ грозныхъ лѣтъ въ сущности ничего не было сдѣлано для экономической подготовки страны къ войнѣ, и что, слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о нашей хозяйственной къ ней подготовленности. Унаслѣдованная отъ того времени вина возросла однако затѣмъ до безпримѣрныхъ размѣровъ въ силу отсутствія широкаго кругозора у нашихъ правящихъ круговъ и боязни ихъ отказаться отъ старыхъ способовъ управленія, приспособленныхъ къ удовлетворенію со дня на день текущихъ потребностей жизни. Новые планы и рѣшенія возникали не въ цѣляхъ предупрежденія будущихъ бѣдствій, но всегда лишь подъ давленіемъ уже наступившей нужды. Въ качествѣ примѣра этого я приведу здѣсь только психозъ государственнаго «учета», который разразился тогда, когда уже почти нечего было учитывать, и значеніе котораго должно было свестись къ нулю благодаря широко развившемуся къ тому времени взяточничеству, къ сожалѣнію прямо таки поощрявшемуся ничѣмъ необъяснимымъ попустительствомъ со стороны властей.

Говоря это, я отнюдь не хочу сложить всякую вину съ нашихъ лѣво-радикальныхъ круговъ, которые изъ всѣхъ бѣдствій войны старались извлечь для себя партійныя выгоды, ловя рыбу въ мутной водѣ. Вина ихъ не можетъ быть ничѣмъ искуплена, и ихъ поведеніе весьма и весьма содѣйствовало печальному исходу всей нашей болѣе, чѣмъ четырехлѣтней геройской борьбы. Лѣвый радикализмъ лишь постольку правъ, поскольку одна только пропаганда дѣйствительно не имѣла бы никакого значенія, если бы ей не содѣйствовали условія жизни, дѣлавшія души людей къ ней воспріимчивыми. Но именно тѣ отвѣтственные круги, которые должны были бы дать народу духовную и тѣлесную пищу, охранить отъ разрушенія его волю къ побѣдѣ, его національный

духъ, его здоровое тѣло, и оказались, къ сожалѣнію, пособниками и распространителями этой пропаганды.

Уже въ началѣ 1917 года я, будучи въ Берлинѣ, вынесъ изъ разговоровъ съ цѣлымъ рядомъ простыхъ людей изъ народа впечатлѣніе, что усталость отъ войны достигла крайняго предѣла. Уже тогда видѣлъ я, какимъ угрожающимъ образомъ измѣнилась картина берлинскихъ улицъ. Того, что нѣкогда составляло ихъ отличительную черту, а именно довольныхъ лицъ людей средняго сословія, не было и въ поминѣ. Добросовѣстно работающій мелкій буржуа, чиновникъ, ихъ жены и дѣти скользили по улицамъ подобно привидѣніямъ съ блѣдными изможденными лицами, исхудалые, въ старой висѣвшей на нихъ мѣшкомъ одеждѣ. На всѣхъ лицахъ лежала печать заботы и унынія. А въ качествѣ контраста имъ, улицы кишѣли спекулянтами и военными хищниками и ихъ подлой свитой.

Ясно было, что эти противорѣчія должны были у страдающей стороны только усилить недовольство и озлобленіе и поколебать вѣру въ право и безпристрастіе правительства. Несмотря на это не предпринималось никакихъ мѣръ для противодѣйствія злу. Всякому, кто только хотѣлъ наживаться, предоставлялась къ этому самая широкая возможность: одни наживались поставками, продуктами питанія, сырьемъ, другіе — партійными выгодами въ пользу интернаціонала.

Пустившее внутри страны свои корни зло распространялось какъ бы эксцентрическими кругами, доходя до ближайшаго тыла и заражая собой фронтъ. Носителемъ его было каждое озлобленное письмо изъ дому, каждый солдатъ возвращавшійся изъ отпуска, столкнувшійся со всѣми этими печальными фактами у себя дома и разсказавшій своимъ товарищамъ свои впечатлѣнія, всѣ тѣ выросшіе безъ отцовскаго призора разгильдяи и бездѣльники, которыхъ недально-

видное начальство старалось услать на фронтъ, не умѣя съ ними справиться дома.

Источникомъ, откуда армія получала пополненія, были тыловыя корпусныя управленія въ странѣ, во главѣ которыхъ стояли замѣстители корпусныхъ командировъ. Громадное значеніе этихъ учрежденій было недостаточно сознано, и при выборѣ лицъ, назначавшихся на посты замѣстителей корпусныхъ командировъ и начальниковъ штабовъ не было проявлено въ свое время достаточно вниманія. Съ самаго начала посты эти часто замѣщались старыми офицерами, нерѣдко вполнѣ дѣльными и заслуженными воинами, воодушевленными искреннимъ желаніемъ послужить отечеству, но уже не обладавшими достаточной энергіей и способностями. Правительство исходило изъ желанія предоставить кандидатамъ, съ такой патріотической готовностью предлагавшимъ ему свои услуги, поле дѣятельности, «въ которой они все равно ничего не могли испортить». Кромѣ того, всѣ болѣе свѣжія силы правительство приберегало для фронта. Все это было бы правильно, если бы война была непродолжительна и если бы можно было разсчитывать, что въ теченіе этой непродолжительной войны устойчивость внутреннихъ отношеній въ государствѣ удержится на уровнѣ 1914 года. Но какъ только война затянулась, необходимо было очевидно перейти самымъ рѣшительнымъ образомъ къ новымъ методамъ работы, тѣмъ болѣе, что не нужно было особой проницательности для того, чтобы предвидѣть возможность возникновенія новыхъ и возобновленія старыхъ вліяній, разлагавшихъ первоначально столь единое настроеніе народа. Къ сожалѣнію однако приспособленія къ этимъ новымъ условіямъ войны такъ и не послѣдовало. Тѣ, кто раньше занимали упомянутыя должности замѣстителей, такъ и остались на нихъ. А если какой либо изъ этихъ постовъ иногда освобождался — за смертью ли выбывающаго или за его

слишкомъ уже явной неспособностью, — то въ преемники выбывшему назначались обыкновенно офицеры изъ рядовъ тѣхъ, кто потерпѣлъ крушеніе на фронтѣ или вслѣдствіе болѣзни, раненій и т. п. «могъ быть использованъ только на службѣ въ отдаленномъ тылу».

«Вѣдь это должность въ тылу! развѣ можно на ней чѣмъ-либо навредить?»

Эти бывшіе люди, уже ничего собой больше не представлявшіе, съ растраченной энергіей, никогда не видѣвшіе фронта или возвратившіеся оттуда озлобленными и усталыми и смотрѣвшіе на свою службу въ тылу, какъ на своего рода отдыхъ послѣ выполненной ими работы, причинили отечеству громадный вредъ. Конечно, и здѣсь были исключенія. Но въ общемъ, особенно въ послѣдніе годы войны, пополненія, поступавшія на фронтъ, оставляли желать много лучшаго. Прежде чѣмъ влиться въ фронтъ, они должны были бы пройти строгую тренировку и воспитаніе, а для этого нужны были болѣе сильныя и крѣпкія руки. Не надо забывать, что матеріалъ, поступавшій въ армію, былъ благодаря агитаціи уже зараженъ пацифистскими идеями. Прежде чѣмъ посылать его намъ на фронтъ, необходимо было соотвѣтствующимъ энергичнымъ вопитаніемъ создать изъ него преданныхъ долгу людей, достойныхъ товарищей бойцамъ на фронтѣ. И, конечно, для совершенія этой воспитательной работы недостаточно было тѣхъ словоизліяній, которыя культивировались въ военныхъ обществахъ и во время патріотическихъ празднествъ. То, что тылъ въ свое время упустилъ сдѣлать, нельзя было впослѣдствіи возмѣстить никакимъ «патріотическимъ обученіемъ», какъ бы ни было оно хорошо поставлено. Впрочемъ, мнѣ всегда представлялась крайне наивной идея прививать людямъ отсутствующій патріотизмъ посредствомъ обученія — и при томъ предъ лицомъ ураганнаго огня. Въ качествѣ пополненій къ намъ поступали люди, уже

вышедшіе изъ дому съ рѣшеніемъ при первой же возможности поднять руки вверхъ. — Такимъ образомъ неправильный способъ замѣщенія отвѣтственныхъ должностей командировъ тыловыхъ корпусныхъ управленій жестоко отомстилъ за себя.

Лѣтомъ и ранней осенью 1918 года постепенно все болѣе и болѣе распространявшееся разложеніе начало проявлять себя уже и въ оккупированныхъ областяхъ. Первоначальный порядокъ въ ближайшемъ къ фронту тылу началъ явно распадаться. Въ большихъ этапныхъ пунктахъ можно было видѣть тысячи отставшихъ отъ своихъ частей солдатъ, дезертировъ и отпускныхъ: для однихъ изъ нихъ каждый день, который они могли провести вдали отъ своей части, былъ какъ бы даромъ судьбы, другіе же не могли нагнать своихъ частей вслѣдствіе переполненія поѣздовъ. Я вспоминаю изъ этого времени одну свою поѣздку на фронтъ, въ теченіе которой мнѣ пришлось задержаться на узловой станціи Гирсонъ. Это былъ прямо-таки питательный пунктъ для отпускныхъ и отставшихъ, стекавшихся сюда сотнями. Я нарочно смѣшался съ толпой и вступилъ въ разговоры съ людьми. То, что мнѣ пришлось услышать, произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Большинство изъ нихъ были окончательно утомлены войной и едва скрывали свой страхъ вернуться назадъ въ свои части. Отнюдь не всѣ при этомъ были негодяи, попадалось множество людей, на лицахъ которыхъ было написано, что нервы ихъ уже не выдерживаютъ болѣе перенесеннаго напряженія, что примитивное безудержное стремленіе къ самосохраненію, быть можетъ противъ ихъ собственной воли, восторжествовало въ нихъ надъ разумнымъ, пониманіемъ необходимости продержаться и сопротивляться до конца. Конечно, среди отставшихъ отъ своихъ частей въ Гирсонѣ были и такіе, которые сохранили свое здоровое настроеніе и выдержку.

Противъ этого распыленія силъ, къ сожалѣнію, не предпринималось или почти не предпринималось никакихъ мѣръ. А между тѣмъ энергичными дѣйствіями вполнѣ возможно было собрать эти разсыпавшіяся силы арміи, которыя могли бы оказаться весьма цѣнной поддержкой для фронта, нужда котораго въ пополненіяхъ возрастала съ каждымъ днемъ. Помочь здѣсь могли бы только рѣшительныя, широкія и новыя мѣропріятія, подлежавшія компетенціи верховнаго командованія. Въ предѣлахъ нашего участка фронта мы конечно дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ для того, чтобы внести порядокъ въ этотъ хаосъ, но наши усилія встрѣтили въ этомъ направленіи мало поддержки.

Дисциплина въ ближайшемъ тылу съ каждымъ днемъ ослаблялась. Это можно было наблюдать даже въ ставкѣ моей войсковой группы въ Шарльвиллѣ. Сплошь и рядомъ приходилось останавливать и дѣлать выговоры солдатамъ за ихъ плохую выправку и распущенность, за неотдачу чести и другія нарушенія дисциплины. Солдаты, возвращавшіеся изъ отпуска и бывшіе раньше безупречными воинами, проявляли склонность къ неповиновенію и возмущенію. Поступавшія же на фронтъ пополненія изъ новобранцевъ были въ лучшемъ случаѣ лишены всякаго воодушевленія, но чаще еще проникнуты какимъ то легкомысленнымъ отношеніемъ къ священнымъ для солдата понятіямъ отечества, долга и вѣрности. Къ сожалѣнію, верховное командованіе даже предъ лицомъ этихъ опасныхъ явленій не рѣшилось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ воздѣйствія. Французское населеніе, правда, вело себя все время вполнѣ корректно, хотя и не скрывало своей радости при видѣ зрѣлища начавшагося у насъ разложенія.

Приблизительно съ конца сентября событія начали развиваться стремительнымъ ходомъ. Они напоминали громадный пожаръ, который уже въ теченіе долгаго времени тлѣлъ подъ спудомъ, а теперь

вдругъ вышелъ наружу, сразу озаривъ своимъ пламенемъ всю окрестность. Всюду былъ огонь: здѣсь на западѣ — и внизу на юго-востокѣ — и внутри страны.

Болгарская катастрофа была первымъ пробившимся наружу пламенемъ.

Дурныя извѣстія съ балканскаго фронта пришли къ намъ 26 сентября. Они настигли насъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вся моя группа войскъ должна была отражать въ тяжелыхъ бояхъ большое наступленіе непріятеля западнѣе Энъ и по обѣ стороны Аргоннскаго лѣса отъ Реймса до Мааса. Несмотря на геройское сопротивленіе мы подъ давленіемъ превосходныхъ силъ непріятеля и танковъ должны была уступить цѣлый рядъ позицій. Подъ сильнымъ давленіемъ соединенныхъ силъ Антанты болгары должны были отойти на македонскомъ фронтѣ, потерявъ большое число плѣнныхъ и громадные запасы военнаго матеріала, и болгарскій министръ-президентъ Малиновъ — поскольку объ этомъ можно было судить на основаніи краткихъ телеграммъ и телефонныхъ сообщеній — рѣшилъ повидимому исправить эту военную неудачу вступленіемъ въ мирные переговоры съ главнокомандующимъ непріятельскаго македонскаго фронта. Созданное такимъ образомъ положеніе было чревато для насъ самыми серьезными опасностями, — выходъ Болгаріи изъ войны могъ означать для серединныхъ державъ начало конца: оно открывало Антантѣ доступъ къ Дунаю; вторженіе ихъ въ Румынію и Венгрію стало близкой возможностью. И дѣйствительно это извѣстіе вызвало величайшее смущеніе какъ въ верховномъ командованіи въ Авейнъ, такъ и у кайзера. Сначала попытались было заткнуть образовавшуюся дыру. Благодаря вліянію болгарскаго царя и наслѣдника Бориса удалось задержать выходъ Болгаріи изъ войны, и верховное командованіе немедленно распорядилось объ отправкѣ на Балканы цѣлаго ряда

дивизій съ востока и нѣсколькихъ австрійскихъ дивизій, которыя должны были укрѣпить этотъ сильно поколебленный фронтъ.

А между тѣмъ на всемъ германскомъ западномъ фронтѣ, начиная отъ Фландріи, вплоть до мѣстности къ востоку отъ Аргоннскаго лѣса, непріятель продолжалъ свои чудовищныя аттаки, отличавшіяся даже за время этой войны яростью. У насъ было чувство, что концентрическое наступленіе непріятеля достигло своего апогея. И хотя подъ чудовищнымъ натискомъ непріятеля мы вынуждены были отступить, мы чувствовали все же, что въ общемъ, введя въ дѣйствіе свои послѣднія силы, мы сможемъ еще продержаться. Только въ глубинѣ души, подъ этимъ отчаяннымъ напряженіемъ всѣхъ силъ, неутомимо подстерегалъ каждаго изъ насъ мучительный вопросъ: какъ долго еще?

Двадцать восьмого сентября я посѣтилъ своего брата Фрица, который на восточномъ крылѣ Аргоннъ велъ съ своей гвардейской дивизіей тяжелый бой съ американцами. Я знаю брата, какъ храбраго, стойкаго и трезваго офицера, отличающагося исключительной заботливостью о своихъ солдатахъ. Онъ привыкъ къ самымъ тяжелымъ испытаніямъ, первая гвардейская дивизія стояла всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ: у Ипра, въ Шампани, на Соммѣ, у Шемэнъ де Дамъ, подъ Горлицей и въ Аргоннахъ. Этотъ разъ я нашелъ его сильно измѣнившимся. Исполненный безмѣрной горечи, онъ видѣлъ приближеніе конца, противъ котораго онъ со своими людьми отчаянно боролся. Нарисованная имъ картина боевъ, произвела на меня потрясающее впечатлѣніе: вся дивизія брата состояла изъ пятисотъ штыковъ въ строю, штабы и служба связи дрались съ оружіемъ въ рукахъ въ передовыхъ линіяхъ. Орудійная прислуга была до крайности утомлена, орудія износились, запасныя части доставлялись изъ артиллерійскихъ мастерскихъ очень туго, довольствіе было недостаточное

и недоброкачественное. Что же ожидало ихъ въ будущемъ?

Къ тому же аттаки американцевъ, хотя и неумѣло производимыя, все же были намъ страшны непривычными для насъ пріемами нападенія. Противникъ наступалъ колоннами, которыя наши еще сохранившіеся пулеметы скашивали тысячами. Опасность была не въ этомъ. Страшны были танки, прорывавшіе наши рѣдкія цѣпи — на 20 метровъ по одному человѣку! — и обстрѣливавшіе насъ съ тыла. И только послѣ такой подготовки вступала въ бой американская пѣхота. Кромѣ того, американцы располагали необычайно большимъ количествомъ тяжелой артиллеріи крупнѣйшаго калибра. Подготовительный огонь противника своей силой и напряженностью далеко превосходилъ огонь у Вердэна и на Соммѣ. — Въ докладѣ его величеству въ Спа я подробно описалъ отчаянное положеніе первой гвардейской дивизіи. Кайзеръ говорилъ по этому поводу съ Людендорфомъ, однако никакихъ мѣръ для облегченія положенія принято не было, да, вѣроятно, и не могло быть принято, ибо каждый солдатъ былъ намъ нуженъ до послѣдняго издыханія.

Мое вниманіе и мои силы были въ это время цѣликомъ сосредоточены на ввѣренныхъ мнѣ войскахъ и крайне напряженныхъ событіяхъ на фронтѣ. Почти ежедневно я бывалъ на особо угрожаемыхъ участкахъ фронта. Мои обязанности въ качествѣ главнокомандующаго «группою кронпринца» настолько поглощали меня, что я вплоть до октября 1918 г. не имѣлъ возможности слѣдить съ прежнимъ вниманіемъ за развертывавшимися тогда важными политическими событіями. А потому я не могу о нихъ говорить, такъ же какъ о дѣлахъ на фронтѣ, на основаніи собственныхъ наблюденій и сужденій, а могу лишь вкратцѣ подѣлиться тѣмъ, что мнѣ передали другіе.

30-го сентября фонъ Бергъ неожиданно вызвалъ меня по телефону въ Спа, гдѣ въ ставкѣ верховнаго командованія ожидались чрезвычайно важныя рѣшенія, касавшіяся какъ военнаго положенія, такъ и внутренней политики и наконецъ вопроса о мирѣ. Такъ какъ обычно меня ограничивали кругомъ моихъ военныхъ обязанностей, этотъ вызовъ предвѣщалъ, повидимому, нѣчто необычайное: надежды на то, что это будетъ поворотъ къ лучшему, было мало.

Вѣсти, ожидавшія меня въ Спа, были дѣйствительно ошеломляющи даже для человѣка, внутренне готоваго къ самымъ непріятнымъ неожиданностямъ. Я набросаю лишь въ самыхъ общихъ чертахъ картину, которую я тамъ засталъ.

Въ совѣщаніи, которое генералъ-фельдмаршалъ Гинденбургъ и генералъ Людендорфъ имѣли съ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, послѣдній сообщилъ, что сдѣланныя послѣ совѣщанія 14-го августа попытки войти въ сношенія съ непріятелемъ черезъ посредство нейтральныхъ державъ, не привели къ положительному результату. Въ отвѣтъ на это признаніе иностраннымъ вѣдомствомъ своего банкротства представители верховнаго командованія заявили со своей стороны, что они въ виду разложенія войскъ въ тылу и на фронтѣ, а также въ виду подавляющаго превосходства силъ противника считаютъ военную побѣду невозможной. Если громадныя усилія, которыя непріятель дѣлаетъ въ послѣдніе мѣсяцы на фронтѣ, и являются, повидимому, также и съ его стороны предѣльными, то все же наша задача, по мнѣнію верховнаго командованія, можетъ теперь только сводиться къ тому, чтобы продержаться до конца, т. е. до того момента, когда противникъ самъ откажется отъ продолженія войны. Въ виду отсутствія резервовъ и дезорганизаціи въ тылу этой цѣли можно будетъ достигнуть, лишь отойдя на болѣе выгодныя позиціи и продолжая тамъ оборону въ продолженіе осени и зимы. Въ теченіе этого

времени необходимо добиться перемирія и приступить къ мирнымъ переговорамъ. — Для оборонительной зимней кампаніи верховнымъ командованіемъ были намѣчены позиціи на Маасѣ, тѣ самыя позиція, на которыя я и мой начальникъ штаба уже указывали непосредственно послѣ нашего неудачнаго іюльскаго наступленія подъ Реймсомъ.

Еще грознѣе звучали привезенныя статсъ-секретаремъ извѣстія съ родины, гдѣ общественное мнѣніе, повидимому, все болѣе и болѣе подпадало вліянію партій большинства. Здѣсь, по словамъ министра, борьба за государственную власть могла каждую минуту разразиться въ открытую революцію. Партіи большинства воспользовались создавшимися вслѣдствіе неблагопріятнаго военнаго положенія условіями для достиженія своихъ цѣлей и выступили въ главной комиссіи рейхстага съ рѣзкими нападками на рейхсканцлера графа фонъ Гертлинга, совершенно не заботясь о томъ, какъ подобное выступленіе отразится на внѣшнемъ и внутреннемъ престижѣ имперіи. Обвиненія, предъявленныя канцлеру, сводились въ главномъ къ засилію въ правительственныхъ кругахъ замѣстителей корпусныхъ командировъ тыловыхъ частей, реформѣ избирательнаго права и безотвѣтственнаго вліянія верховнаго командованія на внутреннюю политику. Требованія, выставленныя указанными партіями, явно вели къ парламентаризму и къ упраздненію военнаго режима.

Для преодолѣнія кризиса намѣчались два пути: первый — путь диктатуры и самыхъ рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью удержанія правительствомъ власти, второй — путь уступокъ и приспособленія къ требованіямъ партій большинства. Статсъ-секретарь разсчитывалъ введеніемъ парламентскаго режима на широкой національной базѣ обезвредить революціонную пропаганду и высказался поэтому за второй путь, хотя моментъ для измѣненія конституціи и казался крайне неблагопріятнымъ. Грозившая снизу революція должна

была быть подавлена «революціей сверху», которая подъ лозунгомъ «правительства національной обороны» снова спаяла бы во едино распавшіяся народныя силы.

Я ничуть не сомнѣваюсь, что отвѣтственныя лица, поддерживавшія это предложеніе, искренно вѣрили въ возможность такимъ путемъ преодолѣть кризисъ и въ особенности подъ флагомъ новаго правительства извлечь нѣкоторую выгоду для мирныхъ переговоровъ. Но я долженъ признаться, что всѣ эти соображенія казались мнѣ въ конечномъ итогѣ лишь красивыми словами, формой, которой прикрывалось совершенно иное содержаніе: передача власти партіямъ большинства.

Его величество согласился съ предложеніями докладчика. Мнѣ казалось, что государь, подъ давленіемъ многочисленныхъ трудностей, утратилъ свою внутреннюю силу сопротивленія и не могъ уже подняться до самостоятельности и отвѣтственныхъ рѣшеній. Поэтому онъ искалъ опоры въ предложеніяхъ своихъ военныхъ и политическихъ совѣтчиковъ, желая хотя бы въ данный моментъ миновать опасности.

Положеніе рейхсканцлера графа фонъ Гертлинга, который вслѣдствіе старости и болѣзни физически не могъ справиться съ трудностями своего отвѣтственнаго поста, было настолько поколеблено, что его величество рѣшилъ, въ виду несогласія канцлера съ измѣненіемъ конституціи, принять его отставку. Преемниками называли въ первую голову принца Макса Баденскаго и управляющаго имперскимъ казначействомъ графа Редерна, причемъ избраніе послѣдняго казалось болѣе вѣроятнымъ.

Настроеніе берлинскихъ дипломатовъ, а также господъ свиты его величества и представителей верховнаго командованія было, въ виду грознаго и неяснаго общаго положенія на фронтѣ и въ тылу, очень мрачнымъ. Тѣмъ не менѣе разсчитывали закончить большую битву на западномъ фронтѣ, не по-

терпѣвъ серьезнаго пораженія. Кромѣ того, надѣялись также удержать заколебавшихся было союзниковъ. Что же касается внутренняго положенія, то перестройка правительственной власти, какъ полагали, должна была такъ повліять на настроеніе народа, что въ случаѣ ожидавшихся въ ближайшемъ будущемъ мирныхъ переговоровъ установился бы единый внутренне и внѣшне прочный фронтъ.

Я лично не раздѣлялъ оптимизма, проявлявшагося въ такомъ взглядѣ на наше внутреннее положеніе. Какъ мои естественныя симпатіи, такъ и мои воззрѣнія, основанныя на собственномъ опытѣ и на изученіи исторіи, внушили мнѣ уваженіе къ системѣ англійскаго парламентаризма, и я еще раньше задумывался надъ вопросомъ о возможности его перенесенія на германскую почву, причемъ — какъ указывалось выше — мои предложенія, клонившіяся въ эту сторону, встрѣчали всегда рѣшительный отпоръ. То, что теперь предполагали осуществить, какъ будто совпадало съ моими собственными идеями и планами. Но такъ только казалось! Въ дѣйствительности это было нѣчто совершенно иное.

Только то, что дается добровольно, цѣнится какъ настоящій даръ. Наоборотъ, всякая вынужденная уступка того, въ чемъ раньше было отказано, становится какъ бы «правомъ» просящаго и теряетъ, какъ даръ, всякое значеніе. Поступиться своимъ правомъ своевременно, подчиняясь доводамъ разума, — это образъ дѣйствій достойный истиннаго мужа и короля, но столь же мужественно и достойно правителя отказать въ томъ, что пытаются у него вырвать силою, пользуясь моментомъ величайшей опасности, когда страна борется за самое свое существованіе.

Если бы корона своевременно и по собственному почину преобразовала государственную власть въ либеральномъ духѣ, то она показала бы свою силу, обезоружила и связала бы оппозицію. Теперь же,

уступая насильственному и угрожающему революціей требованію новой конституціи, правительство только обнаруживало свою безпомощность и слабость, что должно было еще болѣе раздразнить аппетиты его внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Въ тотъ моментъ, когда надвигалась буря, убрали плотину, надѣясь, что устраненіемъ этого препятствія удастся успокоить и сгладить бушующія волны. Какое заблужденіе! Этимъ шагомъ отдали все, что охранялось плотиной. Принятыя въ Спа рѣшенія головой выдали государственную власть лѣвымъ партіямъ, стремившимся къ полному перевороту. Еще до начала бури надо было показать свою силу. Однако, намѣченная къ руководству для внутренней политики программа 14-го августа, программа рѣшительныхъ мѣръ, строгаго порядка и безпощадной борьбы со всякимъ попустительствомъ, эта программа, которую выставилъ Людендорфъ при первыхъ же признакахъ начавшагося разложенія и проведеніе которой было обѣщано канцлеромъ, — осталась невыполненной. Съ тѣхъ поръ ничего не было сдѣлано. Теперь, когда буря бушевала во всю, было уже поздно наверстывать потерянное, укрѣпляя и возстанавливая запущенныя дамбы и плотины. — Даже геніальный политикъ — будь это самъ Бисмаркъ — не справился бы съ этой задачей, не смогъ бы въ нѣсколько часовъ исправить ошибки долгихъ лѣтъ. Исходъ борьбы за власть былъ предрѣшенъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что страна уже много лѣтъ не чувствовала твердой руки, которая бы вела народъ, а не предоставляла событія ихъ естественному ходу. Что же касается тѣхъ лицъ, высшая мудрость которыхъ заключалась въ томъ, что они свалили непосильное имъ бремя отвѣтственности на чужія плечи, — то они предали уже тогда принципъ монархизма, расшаркиваясь передъ демократическими требованіями нашихъ враговъ и угрозами интернаціоналистовъ всѣхъ возможныхъ окрасокъ. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ Гин-

це, какъ уже было указано, взялъ тогда на себя задачу сдѣлать кайзеру докладъ по вопросамъ внутренней политики и предложить ему въ видѣ исхода — «революцію сверху». Какъ странно, что этотъ человѣкъ, съ славнымъ прошлымъ и прекрасной репутаціей, который въ качествѣ преемника Кюльмана могъ бы сдѣлать многое, пошелъ по этому пути!

То, что я сейчасъ записалъ, это — я признаюсь — въ значительной мѣрѣ размышленія и соображенія болѣе поздняго времени. Тогда, въ краткіе часы, проведенные мною въ Спа, на меня нахлынуло такое множество извѣстій и впечатлѣній, что я ихъ воспринималъ лишь въ общихъ чертахъ; тѣмъ болѣе, что я пріѣхалъ прямо съ поля битвы и долженъ былъ немедленно туда вернуться. Моего мнѣнія по поводу принятыхъ или дебатируемыхъ рѣшеній никто не спрашивалъ. Хорошо еще, что вспомнили, что главнокомандующій участка фронта является одновременно и кронпринцемъ Германской имперіи и прусскаго королевства. Особа неотвѣтственная, неполномочная, но все же кронпринцъ... Итакъ, меня вызвали въ Спа, и я долженъ былъ наблюдать, какъ событія насъ неудержимо влекли навстрѣчу катастрофѣ, — въ то время, какъ тысячи голосовъ меня звали обратно къ исполненію моего солдатскаго долга.

Кайзеръ уѣхалъ немедленно по окончаніи совѣщанія домой, куда 1-го октября за нимъ послѣдовалъ и генералъ-фельдмаршалъ, съ тѣмъ, чтобы — какъ онъ самъ говорилъ — въ эти дни серьезнѣйшихъ рѣшеній быть около его величества, информировать нарождавшееся новое правительство и укрѣплять взаимное довѣріе.

Уже второго октября выяснилось, что, по всѣмъ признакамъ, канцлеромъ будетъ назначенъ — несмотря на первоначальныя колебанія — принцъ Максъ Баденскій. Его происхожденіе, а также его личность, казалось, служили вѣрнымъ залогомъ того, что онъ при неизбѣжномъ переустройствѣ всей внутренней

политики имперіи сумѣетъ обезпечить интересы престола. Во время предварительныхъ переговоровъ принцъ сталъ какъ будто безъ всякихъ оговорокъ на оффиціальную платформу партій большинства.

Февраль 1921 г.

Моя «группа Кронпринцъ» продолжала свою тяжелую оборонительную борьбу, когда я узналъ объ окончательномъ назначеніи принца Макса Баденскаго. Въ составъ вновь образованнаго правительства вошли въ качествѣ членовъ нѣсколько соціалъ-демократовъ. Это новшество означало стало быть въ глазахъ міра перестройку внутренней политики имперіи, перемѣну системы управленія въ сторону большей демократизации и парламентаризма. Насколько такая конструкція власти, созданная подъ непосредственнымъ давленіемъ серьезнаго внѣшняго положенія, окажется дѣйствительно способной сблизить противныя стороны, еще нельзя было предвидѣть.

4-го октября мои войска опять отчаянно отбивались отъ наступавшихъ по всему западному фронту армій непріятеля. На вершинѣ и на склонахъ Шемэнъ де Дама, между Элеттой и Энъ, въ Шампани, по обѣ стороны ведущей отъ Соммъ-Пи на сѣверъ дороги, между Аргоннами и Маасомъ, къ востоку отъ Энъ и по обѣ стороны дороги Монфоконъ—Бантевилль, — повсюду шли ожесточенные бои. 26-го сентября нами были обнаружены у противника не менѣе тридцати семи наступающихъ дивизій, а кромѣ того артиллерія, отряды танковъ и летчиковъ, казавшіеся неисчислимыми.

Наши старые воины дрались еще большею частью превосходно и съ прежней непоколебимой стойкостью. Однако, наряду съ этимъ мы несли теперь потери людьми и матеріаломъ, какихъ раньше не знали. Учащались случаи утраты боеспособности отдѣльными дивизіями отчасти вслѣдствіе истощенія силъ, отчасти

же — и это было самое страшное — потому, что войска заражались пацифистскимъ и интернаціоналистическимъ настроеніемъ. Войсковымъ частямъ храбро шедшимъ впередъ, раздавались вслѣдъ возгласы: «штрейкбрехеры», или «затягиватели войны»! Сомнѣніе въ надежности товарищей разлагало силу и единство сопротивленія; вслѣдствіе бездѣятельности отдѣльныхъ дезорганизованныхъ частей окружались и попадали въ плѣнъ боеспособныя, стойкія части. Приходилось снимать съ позицій такія ненадежныя войска и замѣнять ихъ надежными, но переутомленными частями. Такъ я былъ вынужденъ безумно тратить свой драгоцѣннѣйшій матеріалъ. До сихъ поръ я безъ слезъ не могу вспомнить непоколебимой самоотверженности вѣрныхъ, храбрыхъ испытанныхъ частей, до послѣдней минуты исполнявшихъ свой долгъ. Въ этотъ день я поѣхалъ сначала на совѣщаніе съ генералъ-полковникомъ фонъ Бёномъ и начальникомъ его штаба генераломъ фонъ Лоссбергомъ въ Авейнъ и оттуда въ Монсъ къ кронпринцу баварскому, чтобы съ нимъ и съ начальникомъ его штаба генераломъ фонъ Кулемъ обсудить положеніе. Мы сошлись на томъ, что въ данныхъ условіяхъ нельзя отразить непріятеля, аттакующаго превосходными силами наши разбитыя снарядами позиціи. Для контръ-аттакъ у насъ не хватало силъ, и мы не могли поэтому дать нашимъ бойцамъ необходимой передышки. Въ виду всего этого мы рѣшили, очистивъ часть занимаемой нами территорій, отойти съ боемъ на тыловыя позиціи и выгадать путемъ сокращенія фронта резервы, необходимые для продолженія сраженія, длительность котораго еще нельзя было предвидѣть.

Въ слѣдующую ночь, когда мои храбрыя дивизіи, измученныя и изнуренныя, отбивались отъ непріятеля, отступая шагъ за шагомъ, — изъ Берлина была послана черезъ Швейцарію нота президенту Сѣвероамериканской республики съ предложеніемъ «справедливаго мира» на основѣ выставленныхъ Вильсономъ 14 пунк-

товъ и съ злополучной просьбой о заключенiи немедленнаго перемирiя.

Сраженiе продолжалось, и конца не предвидѣлось. Нашимъ войскамъ противостояли подавляющiя своей численностью и своимъ техническимъ превосходствомъ силы противника. Они сдерживали непрiятеля, отбивали его удары, отступали, смыкались въ новую линiю и снова вступали въ бой. Почти каждый день я былъ въ окопахъ, видѣлъ нашихъ бойцовъ и говорилъ съ ними. Ложь, что боевой духъ фронта упалъ. Нѣтъ, онъ былъ сильнѣе изнуренныхъ и разбитыхъ тѣлъ. Правда, въ минуты досуга солдаты ругались, ругались какъ всякiй добрый нѣмецъ; но какъ только ихъ звалъ долгъ службы, они оказывались опять на своихъ постахъ. И странный результатъ имѣли эти непрерывные бои: они приводили къ своеобразной чисткѣ войсковыхъ частей. Все гнилое и разложившееся попадало въ плѣнъ. Оставалось одно цѣнное ядро армiи. Эти нѣмецкiе бойцы, прошедшiе черезъ тысячи смертей, изнуренные плохимъ питанiемъ и измученные непрерывными боями, давали армiи все, на что только были способны. Съ благодарностью вспоминаю я ихъ и тѣхъ, что остались на чужбинѣ, и тѣхъ, которые теперь, разсѣянные по германскимъ городамъ и весямъ, вернулись къ мирному труду за плугомъ, за наковальней, у письменнаго стола.

Противникъ продолжалъ наступленiе. Каждый день возобновлялись ожесточенныя аттаки. Воздухъ дрожалъ отъ непрерывной пальбы, — глухiе удары разрывающихся снарядовъ, ревъ, и гулъ, и грохотъ орудiй не умолкали ни на минуту.

Первая армiя отошла лѣвымъ флангомъ въ ночь на 5-ое октября за Свиппъ; чтобы возстановить связь съ отступающей седьмой армiей, она должна была также очистить выступъ фронта подъ Реймсомъ и отодвинуть правый флангъ до Кондэ. 18-ая армiя, которая въ эти дни также была подчинена моему командованiю, отошла съ боемъ къ позицiи «Her-

mann'»a, укрѣпленія которой тогда еще были намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ.

И вотъ, въ это время, когда мои мысли принадлежали только фронту и ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, — доходили до меня, какъ нѣчто чуждое и далекое, извѣстія съ родины: текстъ нашего мирнаго предложенія президенту Вильсону, протестующіе голоса изъ Парижа, — и затѣмъ нота Вильсона, уклоняющаяся отъ прямого отвѣта и требующая еще до перемирія нашего согласія на очищеніе всѣхъ оккупированныхъ нами областей. Говорили о совѣщаніи правящихъ сферъ съ верховнымъ командованіемъ по поводу образованія комиссіи по перемирію подъ предсѣдательствомъ генерала фонъ Гюнделля въ качествѣ эксперта. Военный министръ фонъ Штейнъ вышелъ въ отставку и генералъ Шейхъ занялъ его мѣсто.

Сраженіе продолжалось. Къ концу второй недѣли бои стали постепенно затихать. Обѣ стороны были смертельно утомлены. Подъ необычайно сильнымъ давленіемъ непріятеля нами была очищена часть оккупированной области, но мы все таки держались. Нигдѣ непріятелю не удалось прорвать нашихъ линій. 10-го октября 3-я армія занимала новую позицію Брунгильды отъ Сэнъ-Жермэнмона вдоль сѣвернаго берега Эны до Ретеля, восточнѣе Вузье, западнѣе Гранпрэ. Гальвицъ бился съ американцами въ промежуткѣ между Сиври и Омонскимъ лѣсомъ. 12-го октября, согласно диспозиціи, и 1-ая армія заняла линію «Гудруны и Брунгильды», а 7-ая армія дошла въ своемъ отступленіи до линіи «Гундинга» за участкомъ Уазы и Серры.

Обозрѣвая общую картину военнаго положенія, можно было убѣдиться, что перенесеніемъ обороны на болѣе короткую и сильную линію удалось избѣжать крушенія всего западнаго фронта. Несмотря на серьезность положенія, мы заняли опять довольно прочныя позиціи и могли, пока противникъ былъ занятъ передвиженіемъ войскъ и подготовкой новаго насту-

пленія, позаботиться о дальнѣйшемъ укрѣпленіи нашихъ позиций и усиленіи нашихъ оборонительныхъ средствъ. При крайнемъ переутомленіи и истощеніи войскъ, такая передышка была болѣе чѣмъ необходима.

Итакъ, оставалась еще, какъ мнѣ казалось, слабая надежда, что предпринятые нами шаги приведутъ еще до зимы къ почетному для Германіи окончанію войны и къ заключенію мира на основахъ права и всеобщаго примиренія. Если же эта надежда не сбудется, то мы сможемъ, опять-таки, казалось мнѣ, продержаться въ крайнемъ случаѣ до весны 1919 г.

12-го октября въ отвѣтъ на запросъ президента Вильсона Берлиномъ было изъявлено полное согласіе на поставленныя имъ требованія, а также готовность къ очищенію оккупированныхъ областей при извѣстныхъ условіяхъ.

Изъ всего, что доходило до насъ изъ вражескаго лагеря, вытекало, какъ мнѣ казалось, что тамъ борются между собой двѣ точки зрѣнія: одна — президента Вильсона, которому хотѣлось пристроить свои четырнадцать пунктовъ, и другая — генерала Фоша, знавшаго только одну цѣль: уничтоженіе Германіи. Кто же побѣдитъ? Пара неравная: мечтатель Вильсонъ и практикъ Фошъ. Если удастся быстро придти къ соглашенію, то шансы на сторонѣ Вильсона. Если же переговоры затянутся до безконечности, то время увеличитъ шансы Фоша. Каждый лишній день, замедляющій соглашеніе, будетъ для него выигрышемъ, ибо увеличитъ разруху въ странѣ, и ослабитъ и безъ того уже расшатанный фронтъ.

Тринадцатое число принесло извѣстіе, которое меня крайне огорчило за отца: дальнѣйшій ходъ событій внутри страны привелъ къ отставкѣ заслуженнаго начальника гражданскаго кабинета государя, фонъ Берга. Въ его лицѣ изъ интимнаго круга близкихъ

къ государю лицъ выбылъ человѣкъ, который въ качествѣ друга дѣтства, имѣлъ возможность говорить отцу, не считаясь съ придворнымъ этикетомъ, открыто всю правду.

15-го октября возобновились сильныя аттаки непріятеля противъ группы кронпринца Рупрехта, противъ моей группы и группы генерала Гальвица. Противникъ придвинулъ свои войска къ нашему фронту и снова обрушился на насъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ мы вынуждены были къ отходу... Войска дошли до послѣдняго предѣла истощенія. На другой день палъ Лилль. Хуже всего шли дѣла на сосѣднемъ участкѣ у кронпринца баварскаго. Повсюду потери, гдѣ бы противникъ ни производилъ аттаки. Казалось, что наши солдаты, съ тѣхъ поръ какъ услышали о возможности перемирія и о предстоящихъ мирныхъ переговорахъ, утратили внутреннюю силу сопротивленія. Мѣстами казалось даже, что они не хотятъ больше драться. Но развѣ эти измученные голодомъ и лишеніями люди, тысячи разъ жертвовавшіе жизнью ради отечества, еще понимали, гдѣ граница между тѣмъ, что они могутъ, и тѣмъ, что они хотятъ? И неужели затравленнаго воина, сотни разъ выказывавшаго себя героемъ, отсутствіе выдержки подъ конецъ дѣлаетъ трусомъ? Конечно нѣтъ! Онъ теряетъ лишь одно: плоды всего своего предыдущаго героическаго поведенія.

И опять, въ то время какъ новое правительство ускореннымъ темпомъ демократизируетъ весь государственный строй и переворачиваетъ конституцію вверхъ дномъ, — приходитъ вторая нота президента Вильсона, рѣзко отличающаяся своимъ заносчивымъ, непримиримымъ тономъ. Она предъявляетъ новыя требованія, знаменующія явное вмѣшательство во внутреннія дѣла Германіи. Нота эта проникнута духомъ Фоша, который грозитъ побороть Вильсона. Учитывая результаты послѣднихъ боевъ, Фошъ прекрасно понимаетъ, что всякая отсрочка или затяжка перего-

воровъ должна еще усугубить бѣдствіе, постигшее германскій народъ и германскую армію.

Приведу здѣсь относящуюся къ тому времени замѣтку изъ моей записной книжки, характеризующую политическое положеніе такъ, какъ я его тогда понималъ.

«Сейчасъ существуетъ рѣзкій антагонизмъ между Вильсономъ и Фошемъ. Вильсонъ хочетъ справедливаго мира на основѣ всеобщаго примиренія и соглашенія. Фошъ добивается полнаго униженія Германіи и удовлетворенія французскаго самолюбія.

Стойкость германскаго фронта и твердость германской дипломатіи усиливаютъ позицію Вильсона. Всякій признакъ военной или политической слабости усиливаетъ Фоша.

Вильсонъ требуетъ уступки лишь по двумъ пунктамъ:

1) Подводная война: не топить больше пассажирскихъ пароходовъ.

2) Демократизація Германіи: (не отреченіе кайзера, а конституціонная монархія, положеніе короны какъ въ Англіи).

Военнаго униженія Германіи Вильсонъ не добивается. Фошъ, напротивъ, стремится всѣми средствами вынудить насъ къ военной капитуляціи (для удовлетворенія французской жажды мести).

Кто изъ нихъ одержитъ верхъ, зависитъ исключительно отъ поведенія Германіи. Если фронтъ продержится и наша дипломатія сумѣетъ сохранить должное достоинство, побѣдитъ Вильсонъ. Всякая уступка Фошу означаетъ уничтоженіе Германіи и крушеніе надежды на сносный миръ.

Позиція Англіи — средняя. Главныя затрудненія для заключенія мира исходятъ отъ Франціи.

Достиженіе компромиссного мира крайне затруднено для Вильсона вслѣдствіе совпаденія двухъ событій:

демократизаціи нашей конституціи съ одной, — нашей попытки начать мирные переговоры съ другой стороны. Это толкуется какъ признакъ нашей слабости и усиливаетъ позицію Фоша. Если мы хотимъ добиться справедливаго мира, мы должны нѣсколько замедлить темпъ нашихъ политическихъ мѣропріятій, въ особенности сдержать нашу жажду перемирія и мира. А кромѣ того, мы должны сдѣлать все, чтобы удержать нашъ фронтъ и ввести дальнѣйшую демократизацію въ болѣе спокойное (внушающее довѣріе) русло.»

Все сказанное здѣсь о Вильсонѣ было, быть можетъ, вѣрно въ моментъ написанія, но вскорѣ ужъ оно было опережено событіями. Однако, я и сегодня еще склоненъ думать, что этотъ самодовольный доктринеръ въ началѣ дѣйствительно хотѣлъ рѣшить великій споръ народовъ по совѣсти и справедливости, пока болѣе сильный и хитрый партнеръ не забралъ его въ руки и не запрягъ въ свою телѣжку.

17-го октября группа кронпринца Рупрехта, моего храбраго двоюроднаго брата, сдала непріятелю Остендэ, Брюгге и Турнэ, — 19-го числа противникъ прочно занимаетъ восточный берегъ Эны по обѣ стороны отъ Вузье и готовится къ новымъ аттакамъ. Съ родины приходятъ въ эти дни извѣстія о лихорадочномъ возбужденіи, охватившемъ весь народъ. Одни подавлены, въ полномъ отчаяніи, другіе полны надежды, разсчитывая на сносный исходъ. Ходятъ слухи о предстоящемъ отреченіи государя, объ избраніи династіи Виттельсбаховъ на мѣсто Гогенцоллерновъ, о регентствѣ принца Макса Баденскаго...

Борьба продолжается, и мы кое-какъ держимся. Въ ходъ пускаютъ всякаго, кто только можетъ держаться на ногахъ; ибо дѣло идетъ о томъ, чтобы добиться перемирія и мира. Верховное командованіе настойчиво указываетъ главнокомандующимъ участками фронта, что дальнѣйшее отступленіе отразится

крайне неблагопріятно на начатыхъ дипломатическихъ переговорахъ.

Итакъ, надо удержаться на линіяхъ «Германа» и «Гудруны»! Но что же могутъ дать эти позиціи, изъ которыхъ многія еще только укрѣпляются!

И всетаки — бойцы, отдававшіе въ теченіе четырехъ лѣтъ свои лучшія силы, оказываются и въ эти тяжелые дни самыми доблестными и вѣрными воинами въ мірѣ: они удерживаютъ фронтъ!

Двадцать перваго числа мы узнаемъ текстъ нашей отвѣтной ноты Вильсону: она соглашается на всѣ требованія президента. Безспорно, на этой почвѣ онъ найдетъ средства и пути для заключенія перемирія и начала мирныхъ переговоровъ. Но захочетъ ли онъ этого? Не раздумалъ ли онъ?

Снова проходятъ дни, въ теченіе которыхъ народы истекаютъ кровью, тогда какъ дипломаты не торопятся за своимъ зеленымъ столомъ. Наше положеніе на фронтѣ не улучшается. Въ заносчивомъ и надменномъ тонѣ второй ноты Вильсона отъ 24-го октября слышался голосъ маршала Фоша или же самого Вильсона, превратившагося въ пѣшку въ рукахъ французскаго генерала и перенявшаго всѣ его аллюры.

Въ эти мрачные и суровые дни, когда наши бѣдныя, разбитыя дивизіи буквально исходили силами, мои бравые солдаты еще одинъ разъ доставили мнѣ большую радость!

Это было 25-го октября; я отправился въ окопы, чтобы ознакомиться съ положеніемъ нѣкоторыхъ моихъ дивизій, которыя въ это время вели какъ разъ тяжелый бой. Побывъ въ штабахъ 50-й пѣхотной и 5-й гвардейской дивизій, я поѣхалъ по направленію къ одной возвышенности, съ которой хотѣлъ обозрѣть весь ближайшій участокъ боя. Въ долинѣ передъ деревней Серэнкуръ я наткнулся на резервы даннаго участка, собиравшіеся какъ разъ двинуться въ бой. То были полки первой пѣхотной дивизіи и

среди нихъ мой полкъ «Кронпринцъ». Какъ только солдаты увидѣли мой автомобиль, они окружили меня шумной толпой, весело махая шапками и привѣтствуя громкими кликами. Тяжелые бои послѣднихъ мѣсяцевъ оставили на всѣхъ глубокіе слѣды. Рваныя куртки съ еле видными знаками частей, исхудалыя до крайности лица; но глаза сіяютъ и выправка гордая, самоувѣренная. Они знали, что я имъ довѣряю; ни разу еще не обманули они моихъ ожиданій. Они гордились подвигали своего полка. Съ одними я говорилъ, другимъ пожималъ руку, третьимъ прикалывалъ за отличіе въ послѣднихъ бояхъ желѣзный крестъ. Затѣмъ раздѣлилъ между ними свой небольшой запасъ шоколада и папиросъ. Такъ среди горести тѣхъ дней я провелъ одинъ незабвенно прекрасный часъ въ кругу моихъ испытанныхъ бойцовъ. Между тѣмъ французы взяли подъ обстрѣлъ находившуюся недалеко отъ насъ деревню, и вскорѣ ихъ огонь распространился и на нашу поляну. Я приказалъ батальонамъ разсыпаться. Когда я уѣзжалъ, мои милые сѣрые ребята провожали меня шумными криками «ура», со всѣхъ сторонъ махая шапками и ружьями. Тутъ я не могъ удержаться отъ слезъ. Говорю это безъ стыда; вѣдь я зналъ, какъ серьезно, какъ отчаянно наше общее положеніе.

Мой гренадерскій полкъ подъ Серэнкуромъ — это была послѣдняя часть нашей арміи, которую я видѣлъ идущей въ бой съ веселыми лицами и съ криками «ура». Милые, милые мои товарищи, каждаго изъ васъ я вспоминаю здѣсь на островѣ съ глубокой благодарностью и любовью!

Вернувшись черезъ нѣсколько часовъ въ штабъ-квартиру, я снова вошелъ въ прежній міръ заботъ и мученій. Съ родины пришли новыя, тревожныя вѣсти.

На другой день, 26-го октября мнѣ сообщили по телефону, что Людендорфъ вышелъ въ отставку. Онъ былъ принесенъ въ жертву рейхсканцлеру,

принцу Максу Баденскому, который въ связи съ инцидентомъ, возникшимъ по поводу извѣстной телеграммы верховнаго командованія ко всѣмъ войскамъ (отъ 24-го октября), поставилъ вопросъ о довѣріи. Для меня было ясно: это конецъ. Какъ мнѣ сообщили, въ преемники Людендорфа прочатъ генерала Грэнера. Я немедленно велѣлъ соединить меня съ генералъ-фельдмаршаломъ. Ясно сознавая роковое значеніе такого назначенія, я настойчиво убѣждалъ Гинденбурга не выбирать этого человѣка, совершенно чуждаго тому духу, который одинъ только могъ спасти, что еще оставалось спасать. Генералъ-фельдмаршалъ, считавшій себя повидимому обязаннымъ къ уступкамъ новому правительству, остался, однако, при своемъ мнѣніи, и на другой день послѣдовало назначеніе генерала Грэнера первымъ генералъ-квартирмейстеромъ.

28-го октября вернулся мой адъютантъ Мюллеръ изъ служебной поѣздки на родину. Онъ привезъ первыя дурныя вѣсти о матросскихъ бунтахъ. Изъ сообщеній Мюллера вытекало ясно, что мы на порогѣ революціи, но что для подавленія ея не принимается до сихъ поръ никакихъ мѣръ. Онъ самъ предлагалъ въ виду серьезности положенія держать на готовѣ въ тылу нашей арміи нѣсколько надежныхъ дивизій, которыя въ случаѣ надобности могли бы быть двинуты на помощь правительству. Къ сожалѣнію, этому предложенію не дали хода, наше вниманіе было совершенно поглощено событіями на фронтѣ и заботами о ввѣренныхъ намъ войскахъ.

Мои четыре арміи вели съ 4-го ноября на протяженіи всего фронта тяжелые, но планомѣрно протекающіе арьергардные бои, отходя постепенно къ линіи Антверпенъ—Маасъ.

Въ эти дни насъ посѣтилъ новый генералъ-квартирмейстеръ генералъ Гренеръ. Начальники штабовъ

моихъ четырехъ армій представили ему доклады о положеніи на фронтѣ. Всѣ въ одинъ голосъ указывали на переутомленіе нашихъ войскъ и на полное отсутствіе свѣжихъ резервовъ. Тѣмъ не менѣе они твердо надѣялись, что отступленіе на линію Антверпенъ—Маасъ произойдетъ въ полномъ порядкѣ, и что эту линію удастся удержать.

Изъ заключительнаго слова начальника моего штаба я припоминаю два требованія, выставленныя имъ рѣзко и опредѣленнно: во первыхъ, чтобы немедленно прекратилась дискуссія по вопросу о кайзерѣ въ печати и въ обществѣ; иначе бремя, взваленное на плечи нашихъ войскъ, окажется непосильнымъ. Во вторыхъ, чтобы верховное командованіе не давало такихъ приказовъ, въ выполнимость которыхъ оно само не вѣритъ. Такіе приказы колеблютъ довѣріе къ начальникамъ, ибо остаются невыполненными просто потому, что въ данной обстановкѣ выполненіе ихъ оказывается невозможнымъ.

Пятаго ноября главное командованіе группою «кронпринцъ» перенесло свою штабъ-квартиру изъ Шарльвилля въ расположенное на 50 километровъ къ сѣверу мѣстечко Вольсортъ на полупути между Живэ и Динаномъ на Маасѣ. Мрачное, непривѣтливое настроеніе царило въ мѣстечкѣ, было холодно, и густой липкій туманъ окутывалъ всю долину, стѣсненную группами дикихъ утесовъ. Я остановился у бельгійскаго графа де Жонгъ, любезнаго и тактичнаго дворянина. Въ длинномъ разговорѣ, который завязался у насъ вечеромъ, графъ высказался между прочимъ и о причинахъ нашего пораженія — пораженія, которое стало теперь очевиднымъ и для жителей занятой территоріи. По его мнѣнію, Германія сдѣлала двѣ ошибки: прежде всего она должна была заключить миръ еще осенью 1914 г. А разъ не удалось, то необходимо было назначить гражданскаго диктатора съ неограниченными полномочіями для обезпеченія

внутренняго порядка. — Въ этотъ же вечеръ первый офицеръ штаба моей группы майоръ фонъ Бокъ разсказалъ мнѣ, что его оскорбилъ на улицѣ солдатъ изъ тыловыхъ частей ландштурма. Два дня спустя я самъ впервые пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ революціей.

Я ѣхалъ со своимъ адъютантомъ Цобельтицемъ изъ Вольсорта по направленію къ Живэ, чтобы еще разъ посмотрѣть войска, которыя у Шарльвилля должны были удерживать линію Мааса. Когда мы въ нѣсколькихъ километрахъ за Вольсортомъ доѣхали до мѣста, гдѣ желѣзнодорожная линія идетъ параллельно шоссейной дорогѣ, мы поравнялись съ остановившимся въ открытомъ полѣ поѣздомъ для отпускныхъ, и я увидѣлъ здѣсь первый красный флагъ. Одновременно изъ открытыхъ или разбитыхъ оконъ вагоновъ послышались нелѣпые возгласы, ставшіе въ то время лозунгомъ всѣхъ недовольныхъ и скандалистовъ: «Туши огонь»! — «Въ ножи»!

Я немедленно остановилъ автомобиль и, подойдя въ сопровожденіи Цобельтица къ поѣзду, приказалъ солдатамъ выйти изъ поѣзда, что сейчасъ же и было исполнено.

Ихъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, дикая банда, большею частью баварцы, ѣхавшіе изъ Фландріи. Впереди стоялъ баварскій унтеръ-офицеръ громаднаго роста въ вызывающе небрежной позѣ, держа руки въ карманахъ, — настоящій образецъ неповиновенія. Я прикрикнулъ на него, чтобы онъ немедленно всталъ, какъ полагается стоять германскому солдату, и мой окрикъ немедленно подѣйствовалъ. Послѣ этого я обратился къ окружавшимъ меня солдатамъ съ краткимъ, но внушительнымъ словомъ, стараясь подѣйствовать на ихъ чувство чести. Еще не кончивъ рѣчи, я почувствовалъ, что мое дѣло выиграно.

Подъ конецъ выступилъ семнадцатилѣтній мальчикъ съ желѣзнымъ крестомъ и юношески открытымъ

лицомъ и сказалъ: «Ваше высочество, не сердитесь на глупыя слова, которымъ мы сами не придаемъ никакого значенія; мы всѣ васъ очень любимъ и знаемъ, что вы всегда заботитесь о своихъ солдатахъ. Видите ли, мы уже три дня въ дорогѣ и не получаемъ никакого довольствія. Никому до насъ нѣтъ никакого дѣла, и никто изъ офицеровъ насъ не сопровождаетъ. Не сердитесь на насъ!»

Гулъ одобренія. Я протянулъ мальчику руку. Кончилось дѣло комически. Саксонецъ мнѣ сказалъ: «мы знаемъ, что у васъ всегда есть папиросы для храбрыхъ солдатъ, а курево у насъ тоже вышло». Хотя эти «храбрые» солдаты отнюдь не заслуживали поощренія, я роздалъ имъ свои папиросы, просто войдя въ ихъ положеніе, которое, очевидно, было главною причиною ихъ глупаго поведенія. Я сохранилъ впечатлѣніе, что эти люди не сбились бы съ пути, если бы внутри страны и въ тыловыхъ частяхъ не господствовала полная разруха.

Я привожу этотъ эпизодъ отъ 7-го ноября только для того, чтобы показать, какъ слабо еще было движеніе, принявшее вслѣдствіе бѣшеной агитаціи столь угрожающіе съ виду размѣры, и какъ спокойное и рѣшительное поведеніе всегда дѣйствовало на этихъ въ корнѣ не испорченныхъ людей.

Къ сожалѣнію, ни военныя ни гражданскія власти въ тылу не проявили должной энергіи и твердости. Было запрещено стрѣлять по мятежникамъ, и это открыло революціи всѣ пути.

Что касается поведенія войскъ въ эти дни, то я долженъ замѣтить, что они отступили въ полномъ порядкѣ и безъ всякаго давленія со стороны противника, лишь медленно слѣдовавшаго за ними. Надежда занять естественно и искусственно укрѣпленныя позиціи на Маасѣ подняла духъ нашей арміи.

Осталось упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ: 6-го ноября наши парламентеры, посланные правитель-

ствомъ для переговоровъ, перешли линію фронта на участкѣ 18-ой арміи по дорогѣ, ведущей изъ Ла-Шапелль въ Гизъ.

Конецъ апрѣля 1921 г.

Почти два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ послѣднія строки.

Каждый разъ, когда я пытался описать эти тяжелые часы, я снова переживалъ всю горечь еще свѣжихъ страданій; позже, меня отвлекали другія мысли и заботы.

Въ концѣ февраля я былъ въ Доорнѣ; двадцать седьмого мои родители праздновали сорокалѣтнюю годовщину своей свадьбы. Праздновали ли? Нѣтъ, это не былъ праздникъ. Всѣ были грустны и подавлены въ прекрасномъ и благоустроенномъ замкѣ. Мать должна была лежать, и изъ-за слабости бодрствовала всего нѣсколько часовъ. Такъ мало силъ было у нея, что она еле говорила; и все-таки за каждую мельчайшую услугу благодарила: «Спасибо, милый мальчикъ!» гладила тихо и нѣжно мою руку. — Приходилось удерживаться, чтобы не расплакаться. Съ тѣхъ поръ меня не оставляло предчувствіе, что больше мнѣ никогда уже не придется ее видѣть и цѣловать. Всѣ болѣе позднія вѣсти изъ Доорна были таковы, что уже не позволяли ни на что надѣяться, и оставалось только молить о томъ, чтобы Богъ сократилъ ея страданія.

Шесть недѣль послѣ послѣдняго свиданія печальная вѣсть о ея кончинѣ пришла на островъ.

Мы поѣхали въ Доорнъ, и въ долгіе часы пути я никакъ не могъ постичь, что она больше уже не будетъ со мной говорить, не будетъ смотрѣть на меня своими добрыми глазами! Она была тѣмъ магнитомъ, который всегда притягивалъ насъ, дѣтей, гдѣ бы мы ни были, къ родительскому дому, она знала всѣ наши самыя сокровенныя желанія, надежды и заботы — и теперь она отнята у насъ навсегда.

Измѣнившимся, пустыннымъ и чуждымъ казались мнѣ домъ, паркъ и все окружающее.

Мой бѣдный отецъ! Какъ онъ ни крѣпился, я зналъ, что онъ потрясенъ до глубины сердца. Въ обществѣ приближенныхъ и насъ, дѣтей, его поддерживала старая гордость, желаніе сохранить свое царственное достоинство. Но въ одиночествѣ . . .

Долгую и тихую ночь провелъ я у гроба возлюбленной матери, оставаясь съ ней въ послѣдній разъ съ глазу на глазъ. Въ этой торжественной тишинѣ, насыщенной запахомъ цвѣтовъ, при мерцающемъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей, являлась она мнѣ въ безчисленныхъ образахъ прошлаго.

Я вспоминаю ея радость, когда я десятилѣтнимъ мальчикомъ явился къ ней лейтенантомъ, и первый мой парадъ прошелъ благополучно, хотя мои короткія ноги съ трудомъ поспѣвали за длинноногими гренадерами.

Вспоминаю ея сіяющее счастьемъ лицо, когда она первый разъ заключила въ объятія мою невѣсту и сказала мнѣ: «Да, милый мой мальчикъ, ты сдѣлалъ хорошій выборъ!»—И до послѣдняго дня эти двѣ женщины нѣжно любили другъ друга.

Вспоминаю ее сидящей цѣлыми ночами у постели тяжело больныхъ братьевъ Фрица и Іоахима, — неутомимая сидѣлка, мать, готовая на самопожертвованіе.

Вспоминаю ее на придворныхъ торжествахъ въ полномъ блескѣ царственнаго величія. Стройная, благородная осанка, свѣжее и милое лицо, обрамленное пышными, рано посѣдѣвшими волосами. И въ каждомъ словѣ столько простоты и сердечности, столько желанія помочь, понять и приласкать.

И далѣе: я вижу ее въ Новомъ дворцѣ въ рабочемъ кабинетѣ. Я заѣзжаю къ ней въ часы между утренней и послѣобѣденной службой. Расхаживая по комнатѣ, дѣлюсь съ ней своими мыслями и заботами. Въ мелкихъ конфликтахъ она мой духовникъ, всегда находящій правильное и достойное рѣшеніе. Но и крупные

вопросы и заботы о благѣ, о будущемъ отечества находятъ сочувственный откликъ въ душѣ этой женщины, столь далекой, казалось, отъ всякой политики.

Затѣмъ годы войны: заботы, заботы и заботы.

И наконецъ — катастрофа.

Я вижу ее въ саду замка Доорнъ. Она сидитъ въ колясочкѣ, запряженной парою пони, а я, держа ея руку, иду рядомъ съ ней. «Мой мальчикъ, здѣсь хорошо, но это не мой Потсдамъ, не Новый дворецъ, съ моимъ садикомъ розъ, не наша родина. Если бы ты зналъ, какъ часто меня мучаетъ тоска по родинѣ, по моей родинѣ, которой я, увы, никогда больше не увижу».

Теперь она покоится въ родной землѣ, къ которой душа ея такъ страстно рвалась въ послѣдніе мѣсяцы.

На обратномъ пути я проводилъ ея тѣло до вокзала въ Маарнѣ и снова вернулся на островъ.

Наступили дни, полные тихой грусти: не проходило ни одного часа, въ который мои мысли не возвращались бы все снова къ ней. Лишь въ одномъ я нашелъ утѣшеніе: тысячи полученныхъ мною писемъ свидѣтельствовали мнѣ, что на родинѣ ее не забыли, что любовь, которую она посѣяла, взошла и расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ.

Нѣсколько дней гостилъ у меня мой шуринъ, герцогъ Брауншвейгскій. Сисси остается пока въ Доорнѣ, чтобы помочь отцу въ постигшемъ его великомъ горѣ и скрасить его одиночество въ прекрасномъ и все же печальномъ замкѣ.

Теперь мнѣ осталось занести на эти страницы только то, что относится къ моимъ послѣднимъ и самымъ тяжелымъ переживаніямъ въ моментъ окончательной катастрофы. Богъ тому свидѣтель, — писать объ этомъ мнѣ труднѣе, чѣмъ обо всемъ до сихъ поръ мною изложенномъ.

---

8 ноября 1918 года вечеромъ я получилъ неожиданно въ Вольсортѣ приказаніе его величества явить-

ся къ нему 9 ноября утромъ въ Спа. Ни слова о томъ, въ чемъ дѣло и что отъ меня требовалось. Несомнѣнно только было, что это приказанiе сулило мало хорошаго. Приходилось опасаться новыхъ мучительныхъ конфликтовъ.

Въ холодную пасмурную погоду мы поѣхали въ автомобилѣ по мѣстности, окутанной сѣрымъ тяжелымъ туманомъ.

Все печально, безпросвѣтно, разорено: полуразвалившiеся дома съ облупленной штукатуркой, безконечныя дороги, изъѣзженныя тысячами тяжкихъ колесъ, истоптанныя тысячами копытъ и кованыхъ сапоговъ.

И эти изнуренныя сѣрыя фигуры, настолько подавленныя горечью, заботами и несчастьемъ, что, казалось, никогда не смогутъ вернуть себѣ вѣру въ жизнь.

Автомобиль трясся по размытой дождями дорогѣ, разбрызгивая фонтанами коричневую грязь, обгонялъ медленно двигавшiяся колонны, толпы дезорганизованныхъ, обносившихся, нагруженныхъ случайнымъ скарбомъ людей, нѣкогда именовавшихся солдатами; — намъ вслѣдъ раздавались проклятiя, и протягивались въ мракъ угрожающiе кулаки.

Мимо — мимо . . .

Около двѣнадцати часовъ, промерзшiе до костей, мы прiѣхали въ Спа.

Императоръ жилъ въ виллѣ Френезъ за городомъ.

Гофмаршалъ генералъ фонъ Гонтаръ принялъ меня въ прiемной. Его лицо было серьезно и озабочено. Въ отвѣтъ на мои вопросы, онъ безпомощно поднялъ обѣ руки, и это сказало мнѣ больше всякихъ словъ.

Вскорѣ вышелъ ко мнѣ начальникъ моего штаба графъ Шуленбургъ. Онъ съ утра прибылъ въ Спа и до того момента, когда ему было сообщено о моемъ прибытiи, онъ отстаивалъ у императора наши взгляды. Онъ былъ блѣденъ, повидимому, глубоко взволнованъ. Быстро, по солдатски коротко, онъ разсказалъ

о событіяхъ, въ которыя мы были вовлечены, и просилъ меня со всей настойчивостью сильнаго, сознающаго свою отвѣтственность, вѣрнаго императору человѣка сдѣлать съ своей стороны все, чтобы удержать его величество отъ необдуманныхъ непоправимыхъ рѣшеній.

Какъ мнѣ разсказалъ Шуленбургъ, событія до моего пріѣзда развивались слѣдующимъ образомъ:

Рано утромъ мой отецъ обсудилъ подробно положеніе съ дежурнымъ офицеромъ своего генеральнаго штаба, майоромъ Ниманомъ, и принялъ рѣшеніе встрѣтить угрожающую революцію съ открытымъ забраломъ. Съ этимъ уже принятымъ рѣшеніемъ императоръ отправился на совѣщаніе, на которое были приглашены генералъ-фельдмаршалъ и генералы Гренеръ, Плессенъ, Маршаллъ, Гинце, Грюнау и майоръ Ниманъ.

Генералъ-фельдмаршалъ высказался первымъ. Онъ ограничился немногими словами, изъ которыхъ однако можно было ясно заключить, что всякое сопротивленіе онъ считаетъ безполезнымъ. Онъ сказалъ: я долженъ просить ваше величество объ отставкѣ, такъ какъ то, что я считаю себя вынужденнымъ высказать, я не могу, какъ прусскій офицеръ, сказать своему королю и государю.

Кайзеръ на это отвѣтилъ только движеніемъ головы: сначала выслушаемъ, какъ обстоитъ дѣло.

Затѣмъ взялъ слово генералъ Гренеръ — когда Шуленбургъ разсказывалъ мнѣ содержаніе его рѣчи, то мнѣ казалось, что я вижу его передъ собой и слышу его слова! Гренеръ, только двѣ недѣли тому назадъ замѣстившій покинутый Людендорфомъ постъ, былъ совершенно новымъ человѣкомъ. Онъ не зналъ тѣхъ препятствій, которыя старому генералъ-фельдмаршалу мѣшали высказать свое мнѣніе. Весь характеръ его поведенія, его манера рѣчи выказывали какой то новый тонъ грубаго и демонстративнаго отреченія отъ всей старой традиціи. Казалось, что въ

этомъ именно пренебреженіи къ прошлому Гренеръ какъ бы стремится почерпать силы для того удара въ сердце, который предстояло совершить.

Если бы то, что, по словамъ Шуленбурга, сказалъ въ своей рѣчи генералъ Гренеръ, было дѣйствительно правдой, то это поистинѣ означало бы конецъ: военное положеніе армій отчаянное — войска колеблются, на нихъ нельзя больше полагаться — продовольствія хватитъ еще на нѣсколько дней, — и наконецъ — угрожающій голодъ, мятежи и грабежъ. Внутри страны революція пылаетъ во всю, войска отказываютъ въ повиновеніи и въ состояніи полнаго разложенія перебѣгаютъ къ красному знамени. Весь ближайшій тылъ, желѣзныя дороги и телеграфъ, мосты черезъ Рейнъ, депо и узловыя станціи въ рукахъ революціонеровъ. Въ самомъ Берлинѣ положеніе натянуто до того, что каждый моментъ можетъ начаться столкновеніе, которое зальетъ городъ потоками крови. Повернуть же ставшія совсѣмъ ненадежными войска и, имѣя непріятеля въ тылу, двинуть ихъ внутрь страны для подавленія гражданской войны совершенно немыслимо. При этомъ Гренеръ присовокупилъ, что къ этому, его и генералъ-фельдмаршала, взгляду присоединились также начальники штабовъ и большая часть представителей верховнаго командованія. Въ сущности эта рѣчь, хотя и не въ совсѣмъ явной формѣ, предъявляла моему отцу требованіе объ отреченіи.

Не проронивъ ни слова и глубоко потрясенный, выслушалъ мой отецъ рѣчь Гренера, рисовавшую положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Послѣ нея наступило неловкое молчаніе. Замѣтивъ по движенію начальника моего штаба, что онъ тоже хочетъ быть выслушаннымъ, кайзеръ встрепенулся и обратился къ нему: «Выскажите вы, графъ, ваше мнѣніе».

Тогда графъ Шуленбургъ произнесъ длинную рѣчь. Онъ началъ съ того, что нарисованная генералъ-квартирмейстеромъ картина положенія не соотвѣтствуетъ,

на его взглядъ, дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, войсковая группа кронпринца блестяще дралась въ послѣднемъ долгомъ сраженіи, несмотря на всѣ громадныя трудности и предъявленныя къ ней сверхчеловѣческія требованія. И все же она сейчасъ, какъ и раньше, сохраняетъ порядокъ и не вышла изъ повиновенія своимъ начальникамъ. Правда, она истощена громадными потерями, переутомлена и жаждетъ перемирія. Но если только перемиріе будетъ достигнуто, а войскамъ дано нѣсколько дней передышки, возможность выспаться и они хоть нѣсколько будутъ обезпечены продовольствіемъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ командующимъ будетъ дана возможность войти въ болѣе близкое соприкосновеніе съ частями и воздѣйствовать на нихъ, то можно будетъ вновь повысить общее упавшее настроеніе. Повернуть всю армію западнаго фронта съ тѣмъ, чтобы направить ее на Германію и вызвать тѣмъ гражданскую войну, конечно невозможно, но этого совсѣмъ и не требуется. Единственное, что необходимо, — это рѣшительное и мужественное подавленіе агитаціи и смуты, которую, къ сожалѣнію, слишкомъ долго терпѣли безъ всякаго сопротивленія. Нужно немедленное энергическое подавленіе возставшихъ въ главныхъ центрахъ мятежа, безпощадное возстановленіе порядка и авторитета. Съ продовольствіемъ дѣло обстоитъ не такъ уже мрачно, какъ это обрисовалъ генералъ Гренеръ. Въ результатѣ энергичнаго подавленія большевизма въ тылу фронта всѣ здоровые элементы въ странѣ объединятся, и революціонное движеніе будетъ быстро задушено. Такимъ образомъ мнѣніе Шуленбурга сводилось къ слѣдующему: никакихъ уступокъ предъ преступнымъ насиліемъ, никакого отреченія, но и никакой гражданской войны. Только вооруженное возстановленіе порядка въ упомянутыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Поскольку это потребуется отъ нихъ, войска въ массѣ несомнѣнно выполнять свой долгъ вѣрности по отношенію къ императору.

Кайзеръ присоединился къ этому взгляду. Такимъ образомъ совѣщаніе свелось къ спору между начальникомъ моего штаба и генераломъ Гренеромъ, который въ теченіе обмѣна мнѣніями продолжалъ настаивать на томъ, что событія зашли уже слишкомъ далеко, чтобы можно было возлагать какія-нибудь надежды на предлагаемыя Шуленбургомъ мѣры. По его словамъ возстаніе распространилось уже на всю страну, и возставшіе конечно тотчасъ же отрѣжутъ всякую возможность снабженія оперирующихъ противъ нихъ армій продовольствіемъ. И, наконецъ, опять: армія не надежна, и уже не стоитъ болѣе на сторонѣ его величества.

Эти взгляды генерала Гренера получили нѣкоторое подтвержденіе въ извѣстіяхъ, которыя во время самаго совѣщанія канцелярія рейхсканцлера сообщила по телефону въ ставку. Извѣстія говорили о кровавыхъ уличныхъ столкновеніяхъ, о переходѣ войскъ внутри страны на сторону революціонеровъ и каждый разъ сопровождались требованіемъ объ отреченіи. Насколько эти явно обязанныя паническому настроенію сообщенія, настойчивость которыхъ еще усиливала ихъ впечатлѣніе, соотвѣтствовали дѣйствительности,—нельзя было, конечно, провѣрить.

Несмотря на это, кайзеръ оставался при принятомъ имъ ранѣе рѣшеніи. Но въ виду столь непримиримаго противорѣчія между обѣими точками зрѣнія на положеніе дѣлъ и вытекающія изъ нихъ слѣдствія, онъ въ концѣ концовъ обратился къ генералу Гренеру съ опредѣленнымъ заявленіемъ: такъ какъ мнѣніе генерала въ этомъ громадной важности тяжеломъ вопросѣ его не удовлетворяетъ, то онъ желалъ бы письменнаго доклада ему генералъ-фельдмаршала Гинденбурга и генерала Гренера. Въ основу этого доклада должны быть положены сужденія всѣхъ командующихъ арміями западнаго фронта, которые всѣ должны быть опрошены по этому вопросу. Мысль вести гражданскую войну не подлежитъ для него,

конечно, никакому обсужденію, но онъ остается при своемъ желаніи отвести по заключеніи перемирія войска въ порядкѣ на родину.

На это генералъ Гренеръ ограничился рѣзкимъ и нетерпѣливымъ — какъ будто всякое оттягиваніе рѣшенія было въ его глазахъ уже только безполезной тратой времени — отвѣтомъ: «Армія вернется домой въ порядкѣ подъ начальствомъ своихъ вождей и командующихъ генераловъ, но не подъ начальствомъ вашего величества».

На взволнованный вопросъ моего отца: «на чемъ основываете вы это утвержденіе? графъ Шуленбургъ утверждаетъ прямо противоположное!» Гренеръ только отвѣтилъ:«У меня другія свѣдѣнія». [1]

Послѣ новой рѣчи начальника моего штаба, генералъ-фельдмаршалъ рѣшился наконецъ тоже нарушить хранимое имъ до сихъ поръ молчаніе. При всемъ своемъ сочувствіи — сказалъ онъ — духу воинской вѣрности, которымъ проникнуты слова фонъ Шуленбурга, я практически все же вынужденъ согласиться съ взглядомъ генерала Гренера, и на основаніи свѣдѣній, полученныхъ верховнымъ командова-

[1] Важно установить, что генералъ Гренеръ высказалъ все это моему отцу задолго до того, когда въ его распоряженіи находились результаты опроса командующихъ участками фронта. Какія же это «другія свѣдѣнія» имѣлъ генералъ-квартирмейстеръ и какой изъ начальниковъ западнаго фронта ихъ ему сообщилъ? Вопросы эти еще до сихъ поръ ждутъ своего отвѣта. Отъ подчиненныхъ мнѣ четырехъ армій я не получилъ ни одного сообщенія, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать подобные выводы, какъ для фронта, такъ даже и для ближайшаго къ нему тыла. Сообщенія эти очевидно были получены генераломъ Гренеромъ 7 или 8 ноября, ибо въ Шарльвиллѣ онъ былъ еще вполнѣ бодро настроенъ, 5-го ноября онъ въ Берлинѣ рѣшительно выступилъ на защиту кайзера и 6-го еще верховное командованіе писало арміямъ западнаго фронта, что для арміи не можетъ быть никакого вопроса объ отреченіи императора, и что она, вѣрная своей присягѣ, непоколебимо стоитъ за своего верховнаго вождя.

ніемъ какъ съ фронта, такъ и изъ тыла, я полагаю, что подавить революцію въ настоящее время уже невозможно. Онъ прибавилъ, что, подобно Гренеру, онъ не можетъ больше уже отвѣчать за надежность войскъ.

Кайзеръ закрылъ наконецъ совѣщаніе, повторивъ свое желаніе опросить всѣхъ главнокомандующихъ. — «Если вы мнѣ тогда сообщите, что армія не стоитъ болѣе на моей сторонѣ, то я готовъ буду уйти, — но не раньше!»

Это совѣщаніе и рѣшеніе императора ясно обнаружили, что кайзеръ въ интересахъ германскаго народа и ради сохраненія возможности внутренняго и внѣшняго мира былъ готовъ пожертвовать собой. Поэтому Шуленбургъ въ концѣ разговора добавилъ еще, что, каково бы ни было рѣшеніе его величества по вопросу объ императорской коронѣ, онъ считаетъ, что этотъ вопросъ слѣдовало бы рѣзко отдѣлять отъ вопроса о прусской королевской коронѣ. Только объ отреченіи императора, а не объ отреченіи отъ престола прусскаго короля можетъ и должна въ крайнемъ случаѣ идти рѣчь, сказалъ онъ. Онъ развилъ свои соображенія по этому поводу и указалъ также, что, по его мнѣнію, тревожныя телефонныя сообщенія изъ Берлина нуждаются еще въ точной провѣркѣ. Основывать на нихъ окончательное рѣшеніе нельзя.

Отецъ мой увѣрилъ его въ томъ, что онъ во всякомъ случаѣ останется прусскимъ королемъ и, въ качествѣ такового, не покинетъ арміи. Затѣмъ онъ затребовалъ отъ берлинскаго губернатора немедленныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Берлинѣ и въ ожиданіи ихъ удалился съ нѣсколькими офицерами изъ своей свиты въ садъ. Генералъ-фельдмаршалъ, генералъ Гренеръ и графъ Шуленбургъ остались въ это время еще въ комнатѣ совѣщанія, продолжая обсуждать вопросъ, въ частности, послѣднія соображенія Шуленбурга. Генералъ-фельдмаршалъ при этомъ согласился съ мнѣніемъ начальника моего штаба, что-

бы кайзеръ во всякомъ случаѣ не отрекался отъ прусскаго престола. Генералъ Гренеръ напротивъ отнесся къ этому требованію скептически и отрицательно. Онъ сказалъ, что свободное рѣшеніе императора въ этомъ смыслѣ, если-бы оно имѣло мѣсто нѣсколько недѣль тому назадъ, быть можетъ и оказало бы свое воздѣйствіе на общее положеніе, но что теперь оно, по его мнѣнію, уже опоздало, чтобы имѣть какое-либо значеніе, ибо вся Германія охвачена уже пламенемъ революціи, съ каждымъ моментомъ распространяющимся все далѣе и далѣе.

Все, что затѣмъ произошло, должно было только способствовать укрѣпленію этого взгляда генерала Гренера, — конечно для тѣхъ, въ чьихъ глазахъ получаемыя сообщенія соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей и настроенію умовъ въ странѣ. Отъ начальника генеральнаго штаба при берлинскомъ губернаторѣ полковника фонъ Берге вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ. Правда съ нѣкоторыми ограниченіями, но онъ подтвердилъ полученныя изъ канцеляріи рейхсканцлера извѣстія: кровавые уличные бои, переходъ войскъ на сторону возставшихъ, отсутствіе у правительства какихъ бы то ни было средствъ для подавленія движенія. — Вскорѣ по телефону былъ переданъ еще призывъ принца Макса Баденскаго, въ которомъ онъ указывалъ, что гражданская война неизбѣжна, если его величество въ самый кратчайшій срокъ не оповѣститъ о своемъ отреченіи.

Съ этими извѣстіями генералъ-фельдмаршалъ, генералъ Гренеръ и фонъ Гинце поспѣшили въ садъ къ кайзеру, и въ то время, какъ графъ фонъ деръ Шуленбургъ информировалъ меня о положеніи дѣлъ, они какъ разъ докладывали ему содержаніе полученыхъ сообщеній.

Я отправился съ начальникомъ моего штаба къ императору.

Онъ стоялъ въ саду, окруженный небольшой группой.

Я никогда не забуду картины этой полудюжины людей въ сѣрыхъ формахъ у обезцвѣченныхъ поздней осенью увядшихъ клумбъ. Кромѣ этихъ людей никого не было. Все было тихо. Вдали сквозь туманъ виднѣлся горный лѣсъ въ своемъ осеннемъ убранствѣ блѣдной зелени, желтизны, золота и красной краски во всѣхъ оттѣнкахъ.

Казалось, что кайзеръ остановился на минуту во время возбужденной прогулки съ этими людьми. Взволнованно и съ сильными движеніями правой руки онъ разговаривалъ съ окружающими, съ генераломъ Бремеромъ, фонъ Гинце. Иногда его взглядъ направлялся на генералъ-фельдмаршала, молча смотрѣвшаго вдаль, на престарѣлаго генералъ-полковника фонъ Плессена. Въ небольшомъ разстояніи отъ группы стояли генералъ фонъ Маршаль, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Грюнау и майоръ Гиршфельдъ.

Большинство присутствующихъ, подавленные и растерявшіеся, молча слушали, какъ окаменѣлые. Говорилъ только кайзеръ.

Мой отецъ замѣтилъ меня, подозвалъ меня къ себѣ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу.

И только теперь, подойдя къ нему, я могъ замѣтить, какъ взволнованы были черты, какъ все дрожало въ его похудѣвшемъ и пожелтѣвшемъ лицѣ.

Онъ мнѣ едва далъ время привѣтствовать генералъ-фельдмаршала и свиту. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ. Остальные отступили немного въ сторону, генералъ Гренеръ отошелъ къ дому. И тутъ полилась его горячая, стремительная рѣчь.

Онъ откровенно излагалъ событія, повторилъ многое изъ того, что мнѣ только что разсказалъ начальникъ моего штаба, дополнилъ этотъ разсказъ другими данными, далъ мнѣ, только что прибывшему изъ уединенія фронта, возможность заглянуть еще глубже въ картину катастрофы, явившейся результатомъ растерянности, раздвоенія воли и силъ. Я узналъ, что уже

наканунѣ вечеромъ, прежде чѣмъ отецъ меня вызвалъ по телефону, въ Спа состоялось подробное обсужденіе положенія, во время котораго генералъ Гренеръ настоятельно совѣтовалъ императору не возвращаться домой и не пытаться произвести «внутренняго прорыва». По его словамъ возставшія массы уже идутъ въ Вервье и въ Спа. Надежныхъ войскъ вообще уже больше нѣтъ. Ѣхать на фронтъ для того, чтобы тамъ бороться и умереть, Гренеръ тоже не совѣтовалъ отцу, такъ какъ этотъ шагъ, въ виду предстоящаго перемирія, могъ бы повести державы согласія къ ложнымъ выводамъ, что повлекло бы за собой дальнѣйшія несчастія и кровопролитія. Мой отецъ разсказалъ мнѣ далѣе, что по полученнымъ имъ сообщеніямъ въ Кельнѣ, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Мюнхенѣ совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ уже захватили силой власть, что въ Килѣ и Вильгельмсгафенѣ вспыхнула революція, и что въ виду, повидимому, необходимаго отреченія отъ императорской короны, онъ предполагаетъ передать верховное командованіе германскими войсками генералъ-фельдмаршалу.

При всемъ моемъ глубокомъ волненіи я попытался удержать его отъ рѣшеній, которыхъ, по моему мнѣнію, несмотря на стремительный ходъ событій, еще можно было избѣжать. Мнѣ казалось, что еще можно было предотвратить полное крушеніе: если отреченіе отъ императорской короны дѣйствительно было уже неизбѣжнымъ, то отецъ по крайней мѣрѣ непоколебимо долженъ остаться прусскимъ королемъ.

«Разумѣется!» И это дѣйствительно казалось само собой разумѣющимся. Его глаза твердо смотрѣли въ мои. Казалось, что уже однимъ этимъ словомъ достигнуто многое.

Я подчеркнулъ также необходимость оставаться во что бы то ни стало при арміи и предложилъ ему отправиться къ моей войсковой группѣ и во главѣ ея отступить на родину.

Генералъ Гренеръ снова присоединился къ группѣ лицъ, находившихся въ саду. Его сопровождалъ полковникъ Гейе, который, какъ мнѣ сообщили, только что прибылъ съ собранія фронтовыхъ офицеровъ, спѣшно созваннаго верховнымъ командованіемъ на манеръ консиліума, помимо главнокомандующихъ войсковыми группами и командующихъ арміями. Постановленіямъ этого собранія Гренеръ придавалъ рѣшающее значеніе.

Императоръ предложилъ полковнику Гейе высказаться, и онъ сдѣлалъ свой докладъ: командирамъ былъ поставленъ вопросъ, можно ли въ случаѣ гражданской войны въ тылу положиться на войска. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получился отрицательный. Отдѣльные командиры не считали возможнымъ безусловно положиться на вѣрность войскъ.

Графъ фонъ деръ Шуленбургъ вмѣшался. Онъ сообщилъ, что мы, знакомые съ нашими войсками, знали по собственному наблюденію: если бы войскамъ пришлось рѣщать вопросъ, должны ли они нарушить присягу и покинуть своего императора и верховнаго вождя, то армія въ массѣ осталась бы несомнѣнно вѣрной кайзеру.

Однако генералъ Гренеръ лишь пожалъ плечами съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ и сказалъ: «Присяга? Верховный вождь? Вѣдь это въ сущности слова. Вѣдь это въ концѣ концовъ только идея —».

Два міра столкнулись другъ съ другомъ, два пониманія, между которыми не было никакого моста и не было возможности достичь какого либо взаимнаго пониманія. Съ одной стороны — вѣрный императору и королю, выросшій въ сознаніи долга и преданности прусскій офицеръ, живущій и умирающій при исполненіи своей клятвенной присяги, принесенной имъ въ молодости, и съ другой — человѣкъ, который никогда не считалъ эти вещи налагающими такія священныя обязанности, а принималъ ихъ скорѣе за символы и «идею», который всегда считалъ себя современнымъ

человѣкомъ, и болѣе подвижной умъ котораго теперь легко освобождался отъ путъ, грозившихъ стать неудобными.

Шуленбургъ вновь отвѣтилъ ему. Онъ сказалъ, что такія слова свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что Гренеръ не знаетъ души и чувствъ людей на фронтѣ, и что армія сдержитъ присягу, останется вѣрной и послѣ четырехлѣтней войны не покинетъ своего императора.

Онъ еще продолжалъ говорить, когда его прервалъ фонъ Гинце, получившій между тѣмъ изъ Берлина новыя сообщенія и желавшій передать эти печальныя вѣсти императору: рейхсканцлеръ принцъ Максъ, одновременно обратившійся съ просьбой объ отставкѣ, сообщилъ только что, что положеніе въ Берлинѣ приняло угрожающій характеръ, и что монархію нельзя будетъ спасти, если императоръ не рѣшится немедленно отречься отъ престола.

Кайзеръ принялъ это извѣстіе съ глубокой молчаливой серьезностью. Его крѣпко сжатыя губы поблѣднѣли. Его лицо, какъ будто постарѣвшее на нѣсколько лѣтъ, сдѣлалось сѣро-желтымъ. Только тотъ, кто зналъ его, какъ я, могъ догадаться, что онъ переживалъ вопреки этой съ трудомъ сохраняемой сдержанности, когда ему пришлось услышать это грубое и нетерпѣливое требованіе канцлера.

Когда Гинце кончилъ, императоръ кивнулъ головой и потомъ постарался поймать своими глазами взоръ генералъ-фельдмаршала, какъ будто онъ ждалъ отъ Гинденбурга поддержки и помощи въ своей мукѣ. Но онъ не нашелъ тамъ ничего. — Глубоко потрясенный, великій старикъ стоялъ молча, не находя выхода. Онъ не вмѣшался въ судьбу своего короля и вождя, которому такъ долго и храбро служилъ въ качествѣ солдата.

Императоръ былъ одинокъ. Ни одинъ изъ входившихъ въ составъ верховнаго военнаго командованія людей, которые раньше были слиты подъ руковод-

ствомъ Людендорфа въ сплоченное цѣлое, не подошелъ къ нему и не поддержалъ его. Всѣ были разрознены, все находилось въ разложеніи, здѣсь точно также, какъ и въ тылу — дома. Здѣсь, гдѣ желѣзная воля должна была бы проявиться, неотразимо овладѣть всѣми начальниками, сосредоточить для энергичнаго выступленія всѣ незатронутыя силы на фронтахъ, однако ничего этого не было, рѣшительно ничего. Теперь господствовали генералы Гренеры, а они, пожавъ плечами, оставили императора на произволъ судьбы.

Рѣзко и странно, какъ будто совершенно по чужому, звучалъ голосъ моего отца, когда онъ поручилъ затѣмъ молча ожидающему Гинце протелефонировать канцлеру, что онъ готовъ сложить съ себя императорскую корону, если благодаря этому будетъ избѣгнута общая гражданская война въ Германіи, но что онъ остается прусскимъ королемъ и не оставитъ своей арміи.

Присутствующіе молчали...

Статсъ-секретарь уже хотѣлъ идти. Шуленбургъ обратилъ въ это время вниманіе на то, что во всякомъ случаѣ необходимо изложить письменно это рѣшеніе его величества, имѣющее столь глубокое значеніе. Увѣдомленіе канцлеру можетъ быть сдѣлано только по одобреніи и подписаніи документа.

Кайзеръ поблагодарилъ: «Да, это вѣрно». И онъ предложилъ генералъ-полковнику фонъ Плессену, генералу фонъ Маршалю, Гинце и графу Шуленбургу немедленно составить текстъ отреченія и представить ему для подписи.

Послѣ этого всѣ вошли въ домъ.

Составленіе документа еще не было закончено, какъ снова было получено телефонное сообщеніе изъ Берлина. Начальникъ имперской канцеляріи Ваншаффе торопилъ съ заявленіемъ объ отреченіи. Графъ Шуленбургъ сообщилъ ему, что принятое уже его величествомъ рѣшеніе только должно быть еще формули-

ровано и немедленно будетъ препровождено имперскому правительству.

Документъ **не содержалъ отреченія императора**, а выражалъ лишь готовность къ нему, если этимъ будетъ избѣгнуто дальнѣйшее кровопролитіе и предотвращена гражданская война. При этомъ въ документѣ подчеркивалось, что отецъ останется прусскимъ королемъ и въ стройномъ порядкѣ приведетъ армію обратно на родину.

Канцлеру слѣдовало на основаніи этого рѣшенія снова сдѣлать докладъ о положеніи въ странѣ. Только тогда послѣдовало бы окончательное рѣшеніе императора.

Фонъ Гинце взялся протелефонировать содержаніе документа въ канцелярію канцлера.

Наступилъ часъ завтрака. Всѣ пошли къ столу. Эта молчаливая трапеза въ бѣломъ свѣтломъ залѣ за столомъ, на которомъ стояли свѣжіе цвѣты, а въ душѣ всѣхъ присутствующихъ была мука и отчаяніе, принадлежитъ къ числу моихъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній. Никто не показывалъ собесѣдникамъ своего истиннаго лица. Всѣ судорожно старались на эти полчаса казаться непринужденными и не говорить о призракѣ, стоявшемъ за нашей спиной. А между тѣмъ, никто изъ насъ ни на минуту не могъ забыть о немъ. Ничто не шло въ ротъ, трапеза походила на ужасныя поминки.

Послѣ этой нестерпимо мучительной трапезы его величество остался со мной и Шуленбургомъ. Около двухъ часовъ онъ былъ вызванъ генераломъ Плессеномъ. Статсъ-секретарь Гинце, только что телефонировавшій въ Берлинъ, получилъ оттуда новое неожиданное сообщеніе.

Мы остались въ залѣ въ волненіи, ожидая, что произошелъ какой нибудь совершенно непредвидѣнный инцидентъ, и что и безъ того запутанное и трудное положеніе еще усложнилось. Минуты казались намъ безконечными.

Затѣмъ Шуленбургъ и я были вызваны къ императору.

Мы нашли его по внѣшности спокойнымъ и сдержаннымъ, но душевно глубоко потрясеннымъ. И все еще какъ будто борясь съ сомнѣніемъ, что то, что онъ только что пережилъ, было дѣйствительностью и правдой, онъ сказалъ намъ, что, согласно сообщенію изъ Берлина, принцъ Максъ Баденскій, не ожидая полученія составленнаго иператоромъ заявленія, оповѣстилъ объ его отреченіи отъ императорской и прусской короны и вмѣстѣ съ тѣмъ о моемъ отреченіи въ томъ же объемѣ. Объ этомъ возвѣстило телеграфное агентство Вольфа. Принцъ ушелъ съ поста канцлера и назначенъ правителемъ государства, а соціалдемократическій депутатъ рейхстага Эбертъ сдѣлался канцлеромъ.

Мы всѣ были до того поражены этимъ извѣстіемъ, что въ первый моментъ не могли вымолвить слова. Затѣмъ, однако, мы тотчасъ же попытались установить весь ходъ этихъ безпримѣрныхъ событій:

Какъ только фонъ Гинце приступилъ къ передачѣ по телефону сдѣланнаго его величествомъ заявленія, его прервали указаніемъ, что это заявленіе — недостаточно; необходимо включить въ него также отреченіе отъ прусскаго престола. Затѣмъ статсъ-секретарю было предложено выслушать то, что ему протелефонируютъ изъ Берлина. — Протестуя противъ такого перерыва своего сообщенія, статсъ-секретарь заявилъ, что необходимо сначала огласить рѣшеніе его величества и прочелъ его текстъ. Непосредственно послѣ этого изъ Берлина сообщили, что соотвѣтствующее заявленіе уже опубликовано черезъ агентство Вольфа и по безпроволочному телеграфу передано нѣкоторымъ войсковымъ частямъ. Это заявленіе гласитъ: «Кайзеръ и король рѣшилъ отречься отъ престола. Рейхсканцлеръ остается еще на своемъ посту, пока не будутъ урегулированы всѣ вопросы, связанные съ отреченіемъ кайзера, съ отказомъ кронпринца Герман-

ской Имперіи и королевства Прусскаго отъ престолонаслѣдія и съ учрежденіемъ регентства...» — Статсъ-секретарь фонъ Гинце заявилъ немедленно рѣшительный протестъ противъ опубликованія безъ согласія государя сообщенія, которое не соотвѣтствовало рѣшеніямъ его величества и выразилъ нѣсколько разъ желаніе переговорить лично съ рейхсканцлеромъ. Принцъ Максъ Баденскій наконецъ подошелъ къ телефону: признавъ, на вопросъ Гинце, себя авторомъ сообщенія, составленнаго и распространеннаго безъ вѣдома кайзера, онъ прибавилъ, что онъ за сообщеніе отвѣчаетъ.

Итакъ, принцъ не отрицалъ, что онъ виновникъ этого непонятнаго шага: онъ не только самовольно огласилъ рѣшенія его величества въ такой редакціи, въ какой они никогда не были приняты, но и предвосхитилъ легкомысленно мои рѣшенія, которыя вообще еще не подвергались обсужденію.

Для насъ было очевидно: пользуясь возбужденнымъ настроеніемъ на фронтѣ и въ тылу, крайне воспріимчивый ко всѣмъ событіямъ, принцъ создалъ своимъ неслыханнымъ образомъ дѣйствій — видимость совершившагося факта, разсчитывая такимъ путемъ лишить насъ почвы, на которой мы стояли.

Положеніе во всякомъ случаѣ выяснилось: мы теперь поняли, какое насиліе было учинено надъ государемъ и надо мною, но поняли также, чего отъ насъ требуетъ моментъ. Мы снова перешли въ комнату съ каминомъ, гдѣ собрались между тѣмъ остальные сановники. Извѣстіе о поступкѣ канцлера вызвало общее замѣшательство. Негодующіе возгласы мѣшались съ предложеніями противодѣйствія коварному замыслу Берлина.

Шуленбургъ и я умоляли его величество не подчиняться насилію, учиненному этимъ государственнымъ переворотомъ, всѣми средствами противодѣйствовать тому, что сдѣлалъ принцъ и настаивать на принятомъ ранѣе рѣшеніи. Графъ подчеркнулъ, что

вслѣдствіе этого событія стало еще необходимѣе, чтобы императоръ остался верховнымъ вождемъ арміи.

Мы нашли въ этихъ взглядахъ поддержку со стороны генерала Маршаля и въ особенности со стороны престарѣлаго генералъ-полковника Плессена. Его рыцарскій нравъ и солдатскій темпераментъ, обычно прикрывавшіеся осторожными манерами царедворца, неожиданно прорвались наружу: пылая гнѣвомъ, онъ самыми рѣзкими словами клеймилъ гнусный ударъ, нанесенный его кайзеру и всему императорскому дому. Для насъ было очень существенно, что Плессенъ путемъ личныхъ распросовъ выяснилъ несостоятельность утвержденія генерала Гренера, будто бы даже войска въ главной квартирѣ ненадежны и не могутъ обезпечить охраны государя.

Дальнѣйшее предложеніе графа Шуленбурга и мое поручить намъ подавленіе революціонныхъ элементовъ въ странѣ и возстановить въ первую очередь въ Кельнѣ порядокъ кайзеръ отклонилъ. Онъ не желалъ войны нѣмцевъ съ нѣмцами.

Но подъ конецъ государь заявилъ рѣшительно, повторивъ нѣсколько разъ, что онъ не беретъ назадъ своего рѣшенія отречься отъ престола только въ качествѣ германскаго кайзера, что онъ остается королемъ прусскимъ и потому арміи не покинетъ. Генераламъ фонъ Плессену и фонъ Маршалю кайзеръ поручилъ совмѣстно съ фонъ Гинце извѣстить генералъ-фельдмаршала о событіяхъ въ Берлинѣ, а также о той позиціи, которую онъ, кайзеръ, занялъ по отношенію къ нимъ.

Нѣсколько успокоенный твердымъ настроеніемъ отца, который, казалось, увидѣлъ теперь передъ собою ясный путь дѣйствія, я простился съ нимъ, ибо военныя дѣла требовали моего возвращенія въ главную квартиру въ Фильсальмѣ.

Я не подозрѣвалъ, пожимая ему на прощаніе руку, что увижу его только черезъ годъ въ Голландіи.

Графъ фонъ Шуленбургъ еще остался въ Спа.

О дальнѣйшихъ событіяхъ, разыгравшихся уже въ мое отсутствіе въ роковой день 9-го ноября въ главной квартирѣ въ Спа, я узналъ изъ доклада начальника моего штаба графа фонъ Шуленбурга.

Шуленбургъ простился съ кайзеромъ почти одновременно со мной, но потомъ былъ снова вызванъ отцомъ, который ему повторилъ: «Я остаюсь прусскимъ королемъ, и не отказываюсь отъ прусскаго престола; арміи я не покину!» — Въ связи съ этимъ заявленіемъ обсуждался вопросъ, кому поручить заключеніе перемирія, такъ какъ нельзя же было признать революціонное правительство въ Берлинѣ. Его величество высказался въ томъ смыслѣ, что верховное командованіе долженъ взять на себя фельдмаршалъ, такъ-же какъ и роль отвѣтственнаго руководителя переговоровъ. Въ концѣ разговора кайзеръ пожалъ графу Шуленбургу руку и повторилъ: «Я остаюсь въ арміи. Передайте это войскамъ!»

Отъ его величества Шуленбургъ отправился въ квартиру генералъ-фельдмаршала, гдѣ при участіи генераловъ фонъ Гренера и фонъ Маршаля, статсъ-секретаря фонъ Гинце и легаціоннаго совѣтника фонъ Грюнау приступили въ половинѣ четвертаго къ обсужденію создавшагося благодаря берлинскимъ событіямъ положенія. Генералъ Гренеръ заявилъ, что военными силами для противодѣйствія объявленному въ Берлинѣ отреченію кайзера онъ не располагаетъ.

По предложенію фонъ Гинце было рѣшено составить письменный протестъ противъ опубликованнаго безъ согласія кайзера акта объ отреченіи, снабдить его подписью государя и хранить въ безопасномъ мѣстѣ. — При обсужденіи мѣръ о личной безопасности кайзера, отвѣчать за которую генералъ Гренеръ рѣшительно отказывался, коснулись между прочимъ вопроса, какое мѣстопребываніе могъ бы избрать государь, если бы дальнѣйшій ходъ событій вынудилъ его уѣхать за границу. При этомъ упомянули о Голландіи. — Графъ Шуленбургъ, считавшій,

что со стороны его величества было бы большой ошибкой покидать армію, остался со своимъ мнѣніемъ въ одиночествѣ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы его величество отправился на мой участокъ фронта; путь туда былъ, по его словамъ, совершенно свободенъ.

Будучи твердо увѣреннымъ въ непоколебимости рѣшенія кайзера, графъ фонъ Шуленбургъ поѣхалъ вмѣстѣ съ сопровождавщими его штабными офицерами обратно въ Фильсальмъ, гдѣ присутствіе его вслѣдствіе напряженнаго положенія на фронтѣ было крайне необходимо.

Какъ я уже указывалъ въ изложеніи событій 9-го ноября въ Спа, первый генералъ-квартирмейстеръ привелъ, въ качествѣ главнаго свидѣтельства господствующаго на фронтѣ настроенія, мнѣнія, высказанныя собраніемъ фронтовыхъ офицеровъ въ отвѣтъ на предложенныя ему полковникомъ Гейе вопросы.

О характерѣ и ходѣ этого созваннаго верховнымъ командованіемъ «собора» даетъ нѣкоторое представленіе записка, составленная по моему почину однимъ изъ штабныхъ офицеровъ нашего участка фронта, ѣздившимъ тогда вмѣстѣ съ графомъ Шуленбургомъ въ Спа.

Чтобы дать ключъ къ правильному пониманію царившихъ тогда настроеній въ Спа и связанныхъ съ ними событій, я привожу здѣсь эту записку цѣликомъ. Фамилію автора я опускаю въ виду его служебнаго положенія.

. . . . , 14. XI. 19.

Мои воспоминанія о событіяхъ 9./XI. 1918 г. въ ставкѣ верховнаго командованія. (Записано по памяти. Использованы кромѣ того нѣкоторыя замѣтки, сдѣланныя мною и капитаномъ Х... еще 2/XII 18 и находящіяся сейчасъ въ рукахъ графа Шуленбурга).

Въ ночь съ 8-го на 9-ое ноября генералъ фонъ Шуленбургъ былъ по телефону вызванъ майоромъ Штюльпнагелемъ на 9/XI въ Спа. Телефонограмму принялъ майоръ фонъ Блокъ. Мотивы вызова генерала Шуленбурга не были указаны; точно также было неизвѣстно, отъ кого этотъ вызовъ исходитъ. Графъ Шуленбургъ былъ, правда, нѣсколько удивленъ, когда майоръ фонъ Бокъ сообщилъ ему содержаніе телефонограммы, но сейчасъ же назначилъ отъѣздъ на раннее утро 9-го числа. Своими спутниками онъ выбралъ капитана генеральнаго штаба ...., лейтенанта .... и меня. Въ то же утро предполагалось перевести главный штабъ участка фронта изъ Вольсорта въ Фильсальмъ.

9/XI около 8,30 утра мы прибыли въ гостиницу «Британникъ» въ Спа. Намъ бросилось въ глаза, что въ пріемномъ залѣ гостиницы собралось большое число офицеровъ, не принадлежавшихъ къ штабу верховнаго командованія, и что непрерывно прибывали еще новые. Это были исключительно фронтовые офицеры; главнокомандующіе, командующіе корпусами, начальники штабовъ и прочіе штабные офицеры отсутствовали. Графъ Шуленбургъ отправился немедленно въ находившійся въ первомъ этажѣ операціонный отдѣлъ, чтобы узнать о причинѣ вызова. По дорогѣ онъ встрѣтился на лѣстницѣ съ полковникомъ Гейэ, котораго появленіе генерала Шуленбурга, повидимому, удивило. Послѣ краткаго разговора между ними, котораго я не могъ разслышать, Шуленбургъ вернулся ко мнѣ со словами: «Мы здѣсь, повидимому, не прошенные гости и попали не въ свое дѣло. Посмотримъ, однако, что тутъ собственно дѣлается!»

Отъ многочисленныхъ, тутъ уже стоявшихъ офицеровъ мы узнали, что ихъ вызвали на совѣщаніе къ 9-ти часамъ утра. Отъ каждой дивизіи участковъ фронта Рупрехта, Кронпринца и Гальвица было, повидимому, вытребовано по одному выборному офицеру (командиръ дивизіи, полка или бригады), ко-

торые на автомобиляхъ были спѣшно доставлены въ главную штабъ-квартиру. Главныя командованія войсковыми группами объ этомъ вызовѣ не были извѣщены. О цѣляхъ собранія можно было только догадываться. Большинство предполагало, что рѣчь будетъ итти объ ожидаемомъ въ ближайшее время перемиріи. Но съ другой стороны ходили слухи о готовящихся мѣрахъ для подавленія революціонной пропаганды въ Германіи. Не провѣренныя извѣстія о гражданской войнѣ въ Германіи, о продвиженіи мятежныхъ матросовъ черезъ Аахенъ, Боннъ и Кобленцъ на западъ, о пріостановкѣ желѣзнодорожнаго движенія на Рейнѣ и о связанномъ съ этимъ прекращеніи снабженія арміи переходили изъ устъ въ уста. Отъ тѣхъ немногихъ представителей верховнаго командованія, которые мнѣ встрѣчались, нельзя было въ суматохѣ получить болѣе точныхъ справокъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ я видѣлъ, казались подавленными, потерявшими всякую надежду. Я долженъ замѣтить, что главное командованіе участкомъ фронта уже около 2 недѣль не получало ни писемъ, ни газетъ; мы сами были поэтому очень мало освѣдомлены о положеніи въ Германіи; что же касается самаго фронта, то онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пробавлялся одними слухами. Пріѣхавшіе съ фронта офицеры воспринимали поэтому даже самыя неблагопріятныя вѣсти, курсировавшія въ собраніи, безъ всякой критики. Воспріимчивость этихъ людей къ неблагопріятнымъ извѣстіямъ усугублялась еще тѣмъ, что они были доставлены сюда въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ засталъ вызовъ, прямо съ фронта, гдѣ жизнь уже нѣсколько недѣль протекала подъ знакомъ изнурительныхъ, угнетающе дѣйствующихъ арьергардныхъ боевъ. Многіе изъ нихъ были всю ночь въ пути и, проѣхавъ нѣсколько сотъ километровъ въ открытомъ автомобилѣ и въ легкомъ плащѣ, они явились на собраніе озябшіе, не успѣвъ ни умыться ни позавтракать.

Вскорѣ послѣ разговора съ полковникомъ Гейе графъ Шуленбургъ отправился со мной и капитаномъ ...... въ столовую гостиницы. Тамъ собрались офицеры съ фронта. Встрѣча съ нѣкоторыми знакомыми еще усилила у меня впечатлѣніе подавленности состоянія всѣхъ пріѣхавшихъ, вызванной указанными выше причинами. Между тѣмъ въ залъ вошли также генералъ-полковникъ фонъ Плессенъ и генералъ фонъ Маршаль. Ихъ подавленный видъ бросился въ глаза. Какъ только они замѣтили стоявшаго недалеко отъ меня графа Шуленбурга, они тотчасъ же подошли къ нему. Изъ завязавшагося между ними разговора я слышалъ лишь отрывки фразъ и могъ только догадываться о его содержаніи. Въ началѣ бесѣды графъ Шуленбургъ сказалъ довольно рѣзко: «Вы, кажется, всѣ здѣсь сума сошли?!» и затѣмъ подчеркнулъ: «Армія твердо стоитъ за кайзера». Я замѣтилъ, какъ въ разговорѣ съ графомъ Шуленбургомъ генералъ-полковникъ фонъ Плессенъ и генералъ фонъ Маршаль снова пріободрились, и услышалъ слова: «Шуленбургъ долженъ немедленно итти къ кайзеру». Оба генерала увели затѣмъ графа Шуленбурга изъ зала — собраніе еще не открылось — и поѣхали съ нимъ вмѣстѣ къ его величеству. — Капитанъ ......, Лейтнантъ ...... и я остались. Маіоръ ...... и я рѣшили принять участіе въ собраніи, хотя мы и чувствовали, что наше присутствіе считается не желательнымъ.

Около 9 часовъ въ залъ явился генералъ-фельдмаршалъ фонъ Гинденбургъ съ полковникомъ Гейе и нѣкоторыми другими представителями верховнаго командованія. Фельдмаршалъ привѣтствовалъ офицеровъ, пріѣхавшихъ по его зову съ фронта, поблагодарилъ ихъ въ теплыхъ словахъ, за все, что ими до сихъ поръ было сдѣлано и, указавъ на то, что положеніе серьезно, но не безнадежно, перешелъ къ цѣли настоящаго собранія: въ Германіи — говорилъ онъ — вспыхнула революція, въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ уже пролита кровь. Требуютъ отреченія кайзера. Верховное командованіе надѣется оказать этому требованію должное противодѣйствіе, если только фронтъ дастъ ему необходимыя гарантіи. Чтобы выяснить, насколько это возможно, верховное командованіе желаетъ выслушать мнѣніе собранія. Съ этой цѣлью собранію будетъ предложено нѣсколько конкретныхъ вопросовъ, точную формулировку которыхъ дастъ полковникъ Гейе. Далѣе фельдмаршалъ охарактеризовалъ положеніе слѣдующимъ образомъ: для его величества вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли онъ во главѣ всей арміи двинуться на Берлинъ и снова завладѣть тамъ короной германскаго кайзера и прусскаго короля. Для осуществленія этого плана, необходимо, чтобы вся армія, повернувъ фронтъ, двинулась въ боевомъ порядкѣ на Берлинъ. Этотъ походъ будетъ длиться 2—3 недѣли, такъ какъ на желѣзныя дороги разсчитывать нечего. — Не говоря уже о томъ, что перемиріе съ непріятелемъ еще не заключено, и что послѣдній въ случаѣ такого движенія германской арміи немедленно послѣдуетъ за ней, необходимо имѣть ввиду, что такой походъ принесетъ войскамъ новыя лишенія и потребуетъ отъ нихъ новыхъ серьезныхъ усилій; особенно затруднительнымъ будетъ снабженіе арміи, такъ какъ всѣ запасы находятся въ рукахъ повстанцевъ.

Послѣ такой характеристики положенія, данной самимъ фельдмаршаломъ, а не полковникомъ Гейе, Гинденбургъ покинулъ залъ. Мое первое впечатлѣніе, которымъ я немедленно подѣлился съ моимъ сосѣдомъ капитаномъ N, какъ я помню, было приблизительно такое: Какъ жаль, что всѣми почитаемому фельдмаршалу, котораго многіе изъ присутствовавшихъ видѣли тогда впервые, пришлось дебютировать по такому печальному дѣлу и нарисовать картину военнаго положенія, которая въ критическихъ умахъ должна была вызвать серьезное недоумѣніе. Я не

сомнѣвался, что послѣ словъ фельдмаршала можно было разсчитывать только на отрицательные отвѣты.

Исходя изъ словъ фельдмаршала, полковникъ Гейе предложилъ затѣмъ всѣмъ собравшимся нѣсколько вопросовъ. Между тѣмъ число офицеровъ непрерывно увеличивалось, нѣкоторые изъ нихъ прибыли только послѣ обѣда, когда результатъ вопроса уже давно сталъ извѣстенъ его величеству. — Точной формулировки вопросовъ я не помню. Но сущность ихъ сводилась къ слѣдующему: можно ли разсчитывать на успѣхъ, если верховное командованіе отдастъ приказъ фронтовымъ частямъ итти подъ лозунгомъ «за кайзера» на Берлинъ и тѣмъ самымъ начнетъ гражданскую войну, или же армію не удастся подвинуть на такое дѣло? Затѣмъ полковникъ Гейе обратился къ собранію съ просьбой, чтобы каждый изъ присутствовавшихъ самостоятельно, не поддаваясь вліянію другихъ, обдумалъ указанные серьезные вопросы. Онъ прибавилъ, что по истеченіи нѣкотораго времени онъ попроситъ всѣхъ офицеровъ подходить къ нему по очереди, начиная съ правой стороны и группируясь по участкамъ фронта, и изложить свое мнѣніе, которое немедленно будетъ записано.

Каковы были отвѣты, полученные полковникомъ Гейе, мнѣ неизвѣстно. Но учитывая обстановку, въ которой производился опросъ, я не сомнѣваюсь, что большинство отвѣтовъ носило отрицательный характеръ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи фронтовые офицеры должны были обязаться полковнику фонъ Гейе хранить полное молчаніе. Ко мнѣ и къ капитану ...... такого требованія предъявлено не было.

Мое сужденіе о собраніи и объ опросѣ фронтовыхъ начальниковъ сводится къ слѣдующему:

Считаясь съ громаднымъ по своимъ послѣдствіямъ значеніемъ, которое должно было имѣть сужденіе каждаго изъ вызванныхъ въ Спа офицеровъ, было крайне неосторожно и необдуманно опрашивать тѣ-

лесно и душевно измученныхъ людей, не давъ имъ возможности отдохнуть и хоть нѣсколько освоиться съ чуждыми имъ политическими условіями въ тылу. Бросалось въ глаза, какъ измѣнился видъ всѣхъ этихъ офицеровъ, уже черезъ нѣсколько часовъ, когда они, отдохнувъ немного и умывшись, спокойно сидѣли послѣ обѣда, курили свои сигары.

Непонятнымъ упущеніемъ было также то, что на совѣщаніе не пригласили главнокомандующихъ, корпусныхъ командировъ и начальниковъ штаба, мнѣніе же фронтовыхъ офицеровъ заслушали какъ бы за ихъ спиной. Неужели верховное командованіе боялось сужденія первыхъ? Для такой боязни не было никакихъ основаній. Отъ главнаго штаба нашего участка фронта верховное командованіе получало всегда, особенно же въ послѣдніе мѣсяцы и недѣли, самыя правдивыя и неприкрашенныя свѣдѣнія о боеспособности арміи. Къ сожалѣнію, однако, эти сужденія не всегда встрѣчали должное вниманіе.

Картина политическаго и военнаго положенія, на основаніи которой командиры должны были высказать свое сужденіе, была нарисована въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что едва ли можно было разсчитывать на отвѣтъ, благопріятный для его величества. При такой постановкѣ дѣла нельзя было расположить армію въ пользу кайзера. Многимъ изъ фронтовыхъ офицеровъ недоставало, кромѣ того, критическаго смысла, для того, чтобы на основаніи всего слышаннаго составить себѣ правильное и трезвое сужденіе о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Если опросъ офицеровъ имѣлъ, повидимому, своей цѣлью только выяснить, можетъ ли кайзеръ остаться въ арміи или нѣтъ, то все же было непростительнымъ упущеніемъ, что опрашиваемымъ не было указано на возможныя послѣдствія ихъ отвѣтовъ. Слѣдовало также представить имъ подробную оцѣнку того положенія, которое создастся, если кайзеръ не останется

верховнымъ вождемъ арміи. Вопросъ о личной безопасности его величества въ арміи, насколько мнѣ извѣстно, не подымался.

Только въ 4.30 дня вернулся графъ Шуленбургъ въ гостиницу. Капитанъ ......, лейтнантъ ...... и я провели большую часть времени въ ожиданіи, не узнавъ, однако, ничего существенно новаго. Графъ Шуленбургъ былъ глубоко потрясенъ. Полный негодованія онъ въ краткихъ словахъ изложилъ намъ все случившееся за послѣдніе часы. Въ памяти у меня сохранилось изъ его словъ особенно слѣдующее: «У насъ нѣтъ больше кайзера. Только что въ виллѣ генералъ-фельдмаршала обсуждался планъ — еще сегодня ночью отправить его величество въ Голландію. Гренеръ заявилъ, что онъ даже на одну ночь не можетъ ручаться за его безопасность. По его словамъ, большевики двигаются изъ Вервье на Спа. Опросъ фронтовыхъ офицеровъ далъ, согласно сообщенію Гейе, отрицательный результатъ. Мои возраженія, что армія вѣрна королю и присягѣ, Гренеръ отвелъ замѣчаніемъ: вѣрность королю и присяга — это только идеи! Не удалось мнѣ также настоять на томъ, чтобы было заслушано мнѣніе главнокомандующихъ и корпусныхъ командировъ. Его величество обѣщалъ мнѣ еще при моемъ уходѣ остаться королемъ Пруссіи и не покидать арміи». Обо всемъ остальномъ, происшедшемъ тогда въ виллахъ его величества и фельдмаршала, подробныя свѣдѣнія даетъ появившійся въ печати отчетъ о событіяхъ 9-го ноября въ Спа. Я подчеркиваю, что эти свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ сообщилъ графъ Шуленбургъ въ гостиницѣ «Британникъ» и потомъ на обратномъ пути въ Фильсальмъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго.

......, числящійся въ штабѣ главнокомандующаго войсковой группы «Кронпринцъ»

Уже въ слѣдующую ночь я получилъ письмо отъ отца, разрушившее послѣднія надежды на возстановленіе стараго порядка. Послѣ волнующихъ переживаній дня письмо это явилось для меня неожиданнымъ, ибо оно противорѣчило послѣднимъ впечатлѣніямъ, которыя я и начальникъ моего штаба вынесли изъ Спа. Письмо ставило меня предъ совершившимся фактомъ и вынуждало тѣмъ самымъ уклониться отъ того пути, который я до сихъ поръ считалъ единственно правильнымъ, и по которому я, опираясь на свое право и свой долгъ, хотѣлъ направить свои дѣйствія.

Письмо отца гласило:

«Дорогой мальчикъ,

Ввиду того, что фельдмаршалъ не можетъ мнѣ болѣе обезпечить здѣсь личную безопасность и не ручается также за надежность войскъ, я рѣшилъ послѣ тяжелой внутренней борьбы покинуть расшатанную въ своей основѣ армію. Берлинъ для насъ потерянъ; онъ всецѣло находится въ рукахъ соціалистовъ, и тамъ уже образовалось два правительства: одно во главѣ съ Эбертомъ въ качествѣ рейхсканцлера, другое отъ имени независимыхъ. До ухода войскъ на родину предлагаю тебѣ оставаться на своемъ посту и оберегать единство арміи! Коли Богъ дастъ, до свиданія! Генералъ фонъ Маршаль сообщитъ Тебѣ все дальнѣйшее.

Твой глубоко удрученный отецъ
(подп.) Вильгельмъ.

Подробности относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ кайзеръ черезъ нѣсколько часовъ измѣнилъ свое рѣшеніе остаться Прусскимъ королемъ и отказался отъ всего, были намъ неизвѣстны. Оставалось только предположить, что вліяніе тѣхъ лицъ, точкѣ зрѣнія которыхъ я и генералъ Шуленбургъ во время пребыванія въ Спа съ успѣхомъ противодѣй-

ствовали, послѣ нашего отъѣзда снова возобладало и подчинило себѣ волю государя.

Подробности хода событій въ тѣ роковые часы, я узналъ значительно позже отчасти изъ разговоровъ съ его величествомъ и нѣкоторыми изъ его приближенныхъ, отчасти изъ письменныхъ отчетовъ нѣкоторыхъ очевидцевъ. Согласно этимъ даннымъ, послѣ отъѣзда графа Шуленбурга состоялось совѣщаніе у его величества, въ которомъ участвовали фельдмаршалъ, генералы Гренеръ и фонъ Маршаль, фонъ Гинце и фонъ Грюнау. Нѣсколько позже явился также адмиралъ Шееръ. Кайзера усиленно уговаривали объявить о своемъ полномъ отреченіи и уѣхать въ Голландію. При этомъ кайзеру было заявлено, что собраніе пятидесяти офицеровъ изъ всѣхъ частей арміи пришло къ выводу о полной ненадежности войскъ на фронтѣ. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію присутствовавшихъ, государь долженъ покинуть армію и удалиться въ Голландію. Гренеръ подчеркивалъ, что главный штабъ во всемъ своемъ составѣ стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Рѣшающую роль сыграла для его величества позиція генералъ-фельдмаршала. — Окончательное рѣшеніе не было принято. Его величество лишь разрѣшилъ сдѣлать необходимыя приготовленія для отъѣзда въ Голландію.

По окончаніи этого совѣщанія кайзеръ сказалъ графу Дона, вернувшемуся изъ отпуска: «Я Гренеру ясно заявилъ, что у меня съ нимъ все кончено, и что, вопреки всѣмъ предложеніямъ, я остаюсь въ Спа». — Обоимъ дежурнымъ флигель-адъютантамъ онъ сказалъ: «Я остаюсь на ночь въ виллѣ, озаботьтесь на счетъ оружія и снарядовъ. Фельдмаршалъ мнѣ сказалъ, что мы должны быть готовы на случай большевистскаго нападенія».

Только послѣ новаго разговора съ генералъ-полковникомъ Плессеномъ и фонъ Грюнау кайзеръ принялъ рѣшеніе провести ночь не въ виллѣ Френезъ, а

въ поѣздѣ въ Спа, и отдалъ приказъ принять необходимыя къ тому мѣры. Вечеромъ вновь прибыли сообщенія отъ генералъ-фельдмаршала, въ которыхъ послѣднiй указывалъ на усилившуюся опасность большевистскихъ выступленiй со стороны Аахена и Вервье и рекомендовалъ возможно скорый отъѣздъ изъ Германiи. Только подъ вліяніемъ этихъ новыхъ сообщенiй удалось подвигнуть кайзера къ отъѣзду.

Майоръ Ниманъ, бывшій при императорѣ дежурнымъ офицеромъ генеральнаго штаба отъ верховнаго командованія, далъ описаніе всѣхъ этихъ событій. Согласно ему события въ теченіе дня и вечера 9-го ноября, опредѣлившія рѣшеніе его величества, развивались слѣдующимъ образомъ.

«Между четырьмя и пятью часами дня фельдмаршалъ Гинденбургъ и статсъ-секретарь фонъ Гинце сообщили Его Величеству, что положеніе непрерывно ухудшается и просили его обсудить вопросъ объ отъѣздѣ въ нейтральную Голландію, какъ крайнемъ выходѣ изъ положенія. Въ своемъ сообщеніи фельдмаршалъ употребилъ слѣдующія слова: «я не могу взять на себя отвѣтственности и допустить того, чтобы императоръ былъ насильственно уведенъ въ Берлинъ мятежными войсками и въ качествѣ плѣннаго выданъ революціонному правительству». — Его величество согласился съ тѣмъ, чтобы фонъ Гинце предпринялъ подготовительные шаги на случай, если его величеству придется переправиться въ Голландію.

Послѣ этого разговора его величество отдалъ личныя указанія для принятія мѣръ предосторожности для дальнѣйшаго своего пребыванія въ Спа.

Около семи часовъ вечера фонъ Гинце и генералъ-полковникъ Плессенъ вновь явились къ его величеству для того, чтобы, какъ отъ своего имени, такъ и по порученію фельдмаршала, просить его этой же ночью уже уѣхать въ Голландію. Положеніе внутри страны и въ арміи — сказалъ при этомъ статсъ-

секретарь — дѣлаетъ необходимымъ быстрое рѣшеніе его величества. Упомянутая фельдмаршаломъ возможность, что его величество будетъ захваченъ собственными войсками, становится все болѣе реальной. — Сначала его величество уступилъ настояніемъ. Впослѣдствіи, однако, спокойно обсудивъ положеніе, его величество пришелъ къ рѣшенію не уѣзжать, но оставаться при арміи и бороться до конца. По дорогѣ къ придворному поѣзду, въ которомъ помѣщалась большая часть свиты и который служилъ всѣмъ столовой, его величество около 7 ч. 45 мин. вечера сообщилъ объ этомъ своемъ рѣшеніи сопровождавшимъ его флигель-адъютантамъ фонъ Гирщфельду и фонъ Ильземану и по прибытіи къ поѣзду отправился къ генералу фонъ Гонтарду. Ему онъ прямо заявилъ, что онъ не послѣдуетъ данному ему верховнымъ командованіемъ совѣту покинуть армію и удалиться изъ страны, что напротивъ онъ намѣренъ до конца оставаться при арміи, если даже придется пожертвовать жизнью. Обращенное къ нему предложеніе оставить армію онъ считаетъ неслыханнымъ.

То же самое его величество сказалъ генералъ-полковнику Плессену и генералу барону Маршаллю.

Когда около 8 ч. 30 м. вечера сѣли за столъ, то мысль объ отъѣздѣ, казалось, была окончательно оставлена.

Послѣ ужина около 10 часовъ вечера явился по порученію фонъ Гинце баронъ Грюнау, который сообщилъ его величеству, что какъ фельдмаршалъ Гинденбургъ, такъ и статсъ-секретарь пришли къ убѣжденію, что его величеству надлежитъ немедленно выѣхать въ Голландію. Положеніе на ихъ взглядъ стало въ высшей степени критическимъ, такъ какъ возстаніе грозитъ каждую минуту переброситься изъ Аахена и Эйпена въ Спа, и возставшія войска находятся уже по дорогѣ въ Спа. Путь же къ фронту занятъ мятежными тыловыми войсками.

Его величество уступилъ этому повторному категорическому настоянію своихъ отвѣтственныхъ высшихъ военныхъ и политическихъ совѣтчиковъ и назначилъ свой отъѣздъ къ голландской границѣ на 10 ноября въ 5 часовъ утра.

Всѣ эти факты дѣлаютъ, на мой взглядъ, безспорнымъ, что его величество принялъ рѣшеніе удалиться въ Голландію не по собственной волѣ. Напротивъ, до самаго послѣдняго момента онъ противился этой мысли. Но всѣ окружавшія его инстанціи и прежде всего верховное командованіе употребили всѣ средства къ тому, чтобы вынудить у кайзера это рѣшеніе. Даже наиболѣе вліятельныя лица его свиты измѣнили, повидимому, въ теченіе дня свое мнѣніе и тоже высказались предъ его величествомъ за его быстрый отъѣздъ.

Исключительно этимъ и слѣдуетъ объяснить, что мы въ Фильзальмѣ, отстоящемъ отъ Спа только на разстояніи одного часа ѣзды автомобилемъ, узнали объ этомъ рѣшеніи слишкомъ поздно для того, чтобы имѣть еще возможность вмѣшаться и побудить кайзера прибыть къ намъ въ мою войсковую группу. — Конечно, положеніе на фронтѣ было до крайности напряжено, и наше присутствіе въ нашей главной квартирѣ въ Фильзальмѣ совершенно необходимо, но все же было ошибкой, что Шуленбургъ и я не остались въ Спа или не взяли тогда же кайзера съ собой. Мы полагались на обѣщаніе императора и на то, что окружающія его лица, зная нашъ взглядъ и наше отношеніе къ дѣлу, призовутъ насъ, какъ только въ рѣшеніи кайзера произойдетъ какое-либо измѣненіе.

Оглядываясь теперь назадъ, на всѣ эти событія, сопровождавшія отреченіе императора, я думаю, что только однажды и именно въ концѣ сентября былъ еще надлежащій моментъ, когда отреченіе имѣло бы смыслъ. Это было тогда, когда кайзеръ и народъ были захвачены врасплохъ внезапной военной ката-

строфой и требованіемъ верховнаго командованія о немедленномъ предложеніи перемирія. Внезапное открытіе всей правды произвело до того потрясающее впечатлѣніе, что народъ понялъ бы тогда желаніе кайзера взять на себя всю отвѣтственность и пожертвовать собой. Такое отреченіе носило бы дѣйвительно добровольный характеръ, и оно не ослабило бы монархіи. Въ октябрѣ у короны были отняты постепенно цѣлый рядъ существенныхъ ея правъ. Даже верховное командованіе согласилось на то, чтобы въ серединѣ октября у императора — верховнаго вождя арміи — было отнято во время войны начальствованіе арміей. Отреченіе было только послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи и оно тѣмъ настойчивѣе требовалось, чѣмъ болѣе на немъ настаивала агитація въ непріятельскихъ странахъ. Если бы оно послѣдовало тогда подъ вліяніемъ этой пропаганды, то оно съ головой выдало бы монархію абсолютизму парламента и массъ — и все же не задержало бы конца.

Или неужели кто-нибудь еще думаетъ, что можно было бы предупредить паденіе всѣхъ германскихъ династій, если бы кайзеръ отрекся въ первые дни ноября или еще утромъ 9-го ноября? Революція была направлена не противъ личности кайзера, а противъ монархіи.

Уже много мѣсяцевъ до того почва подъ монархіей была подкопана, и враги ея ожидали только удобнаго момента. И моментъ этотъ пришелъ тогда, когда довѣріе народа къ Гинденбургу и Людендорфу было тяжело поколеблено сознаніемъ того, что война проиграна. Народъ сразу какъ то сломился. Сломились массы и стали воспріимчивыми къ революціонному перевороту. Сломилась буржуазія, которая апатично уже стала относиться къ событіямъ. Воля къ войнѣ и сопротивленію оказалась парализованной, и всѣ какъ то повѣрили въ возможность достигнуть лучшаго мира, устранивъ императора.

Поразительно, какъ легко и безъ всякаго сопротивленія совершилась революція! Достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы смести съ ихъ троновъ старинныя династіи и ихъ правительства. Безъ боя и безъ пролитія крови произошелъ переворотъ, — —свидѣтельство того, какъ основательно онъ былъ подготовленъ — отчасти движущими силами нашей несчастной судьбы, отчасти — планомѣрной работой и разсчитанными дѣйствіями революціонеровъ.

Кайзеръ понималъ, что требуемое отъ него отреченіе будетъ означать начало хаоса. Онъ понималъ, что для тяжелаго времени, которое намъ придется пережить, необходимо прежде всего одно: сохраненіе авторитета и боеспособности арміи, дабы мы могли оказать сопротивленіе, если непріятель намъ будетъ навязывать позорный и уничтожающій насъ миръ. Развѣ онъ былъ неправъ? Германскій народъ получилъ самыя широкія демократическія права. Въ моментъ величайшей опасности нельзя было обойтись безъ стараго авторитета, и позорное перемиріе верховное командованіе принуждено было подписать не потому, что мы были уже тогда безоружны, но потому, что фронтъ не могъ продолжать бороться, имѣя въ тылу у себя революцію.

Всю вину за наши несчастья народъ возложилъ на голову своего стараго императора. Въ качествѣ сына, никогда не бывшаго слѣпымъ поклонникомъ своего отца, я вынужденъ здѣсь требовать справедливости въ этомъ судѣ надъ нимъ. Вотъ уже три года, какъ на него сыплются всяческія обвиненія и клевета. Что только ни приписывается ему — и не только партіями, входящими въ составъ нынѣшняго правительства, которое всякую свою неудачу все еще относитъ на счетъ стараго режима и въ особенности кайзера, и не только героями крайней лѣвой, — но и справа. Все это исторически и по человѣчески понятно, но это несправедливо. И мой отецъ также былъ человѣкъ, и онъ также сломился. Развѣ и болѣе сильные,

чѣмъ онъ, не переживали въ эту войну своихъ часовъ слабости?

Чего только не пришлось испытать въ этой войнѣ этому столь поддающемуся чужимъ вліяніямъ и мирнѣйшему изъ всѣхъ государей! Послѣдній годъ войны только и приносилъ, что одно разочарованіе за другимъ. Послѣдніе мѣсяцы были какой то сплошной цѣпью печальнѣйшихъ вѣстей, и въ послѣдніе дни и часы все вокругъ него сразу рушилось. Онъ принялъ твердое рѣшеніе пойти по пути долга и либо побѣдить, либо пасть на этомъ пути. При этомъ онъ опирался на верховное командованіе, которое вплоть до 6 ноября еще рѣшительно отстаивало его всей силой своего авторитета. И вотъ въ рѣшительный часъ, когда народъ, войско въ странѣ и флотъ его покинули, ему отказалъ въ помощи также и тотъ человѣкъ, который какъ для него, такъ и для всего народа обладалъ наибольшимъ авторитетомъ и которому также и онъ — императоръ — подчинился.

Развѣ удивительно, что мой отецъ вѣрилъ этому человѣку и своимъ отвѣтственнымъ совѣтчикамъ больше, чѣмъ мнѣ и начальнику моего штаба? Развѣ удивительно, что въ томъ состояніи крайняго волненія и напряженія, въ которомъ онъ находился, онъ, неохотно и сопротивляясь, въ концѣ концовъ уступилъ всеобщимъ настояніямъ, такъ какъ его великій фельдмаршалъ съ своей стороны употребилъ для этого всѣ мѣры? Развѣ не понятно само собой, что его страшила кровавая борьба на два фронта, къ тому же борьба, на которую, по отзыву генералъ-фельдмаршала, нѣмецкая армія морально была уже неспособна? Какія громадныя трудности заключались уже въ одномъ томъ обстоятельствѣ, что непріятельскія державы были готовы вступить въ переговоры о перемиріи только съ т. н. народнымъ правительствомъ! Несомнѣнно, въ случаѣ конфликта непріятель поставилъ бы условіемъ продолженія переговоровъ о перемиріи и мирѣ выдачу кайзера. Неу-

жели мой отецъ долженъ былъ поставить армію и страну передъ ужасной перспективой такого раскола? — Такъ онъ подчинился судьбѣ и рѣшилъ пожертвовать собой, не желая ввергнуть свой храбрый и истрадавшійся народъ и войско въ гражданскую войну. И вполнѣ логично, что, отказавшись отъ борьбы съ революціей, онъ удалился за границу.

Я требую только справедливости въ сужденіяхъ и человѣческаго отношенія къ кайзеру. И все же я боюсь, что мнѣ не удастся убѣдить враговъ: тѣхъ враговъ, которые теперь бросаютъ въ него каменьями за то, что онъ уѣхалъ въ Голландію, и которые точно такъ же побили бы его каменьями, если бы послѣ своего отреченія онъ вмѣстѣ съ арміей вернулся назадъ въ Германію. Но я надѣюсь, что мнѣ удастся своими словами вызвать больше пониманія къ моему отцу у тѣхъ національно настроенныхъ нѣмцевъ, которые, оглядываясь на прошлое, имѣютъ мужество, бія себя въ грудь, сказать: кто чувствуетъ себя безъ вины!

Май 1921 г.

Рано утромъ 10-го ноября я въ своемъ штабѣ обсуждалъ съ графомъ Шуленбургомъ создавшееся въ силу отъѣзда кайзера новое положеніе и мои ближайшія перспективы. Все побуждаетъ меня къ сопротивленію.

Итакъ, борьба съ революціей? Но только одинъ человѣкъ, которому императоръ вручилъ верховное командованіе надъ всѣми войсками на фронтѣ и въ тылу и которому я самъ, какъ солдатъ и командующій моей войсковой группой, подчиненъ, имѣетъ право призвать къ этой борьбѣ: Гинденбургъ.

И въ то время какъ мы высказываемъ свои предположенія о томъ, что сдѣлалъ онъ и что онъ рѣшитъ, приходитъ извѣстіе изъ Спа, что генералъ-

фельдмаршалъ отдалъ себя въ распоряженіе новаго правительства!

Всякая мысль о борьбѣ тѣмъ самымъ была въ корнѣ подрѣзана, всякая попытка сопротивленія новой власти заранѣе осуждена на неудачу. Имѣя за собой Гинденбурга и лозунги порядка и мира, можно было бы, пожалуй, еще многое спасти; но противъ него можно было только еще больше потерять: братскую кровь и надежду на перемиріе и миръ.

Тѣмъ самымъ для меня естественно отпадало всякое искушеніе добиваться силою оружія принадлежавшей мнѣ по праву рожденія власти, и мнѣ оставалось только одно: исполненіе моего долга воина, давшаго своему императору присягу вѣрности и обязаннаго повиновеніемъ назначенному самимъ кайзеромъ себѣ въ замѣстители лицу. Итакъ, я рѣшаю оставить за собой командованіе своей войсковой группой съ тѣмъ, чтобы въ порядкѣ и дисциплинѣ отвести порученныя мнѣ войска домой. Графъ Шуленбургъ соглашается съ этимъ моимъ рѣшеніемъ и къ тому же взгляду присоединяются также командующіе подчиненныхъ мнѣ армій — фонъ Эйнемъ ,фонъ Гутье, фонъ Эбергардтъ и фонъ Бенъ, съ которыми я сговариваюсь частью по телефону, частью лично въ теченіе первой половины дня въ штабѣ своей войсковой группы. Среди нихъ нѣтъ никого, кто не былъ бы глубоко потрясенъ случившимся, никого, кто не понималъ бы глубокой трагедіи событій, разыгравшихся въ Берлинѣ и въ Спа. У всѣхъ все тотъ же вопросъ; а что Гинденбургъ? И все одинъ и тотъ же отвѣтъ: генералъ Гренеръ.

Послѣ новаго продолжительнаго обсужденія того же вопроса я днемъ уѣзжаю изъ Фильсальма. Шуленбургъ рекомендуетъ мнѣ отправиться на время переговоровъ съ Берлиномъ поближе къ фронту и тамъ, въ сторонѣ отъ разрухи тыла, переждать дальнѣйшихъ событій. Съ другой стороны я долженъ находиться въ такомъ мѣстѣ, чтобы со мной можно

было снестись по телефону. Въ концѣ концовъ мы соглашаемся на то, что я отправляюсь въ штабъ третьей арміи.

Этой поѣздки я никогда не забуду во всю свою жизнь. Меня сопровождаютъ мой ординарецъ-офицеръ Цобельтицъ и офицеръ службы связи моей войсковой группы, капитанъ Анкеръ, тогда какъ оба моихъ адъютанта Мюльднеръ и Мюллеръ остаются въ Фильсальмѣ, чтобы вести дальнѣйшіе переговоры съ правительствомъ.

При проѣздѣ одного мѣстечка мой автомобиль окружаютъ сотни молодыхъ солдатъ, забрасывающихъ меня вопросами и возгласами. Это отрядъ новобранцевъ гвардейскаго полка. Всѣ эти молодцы не хотятъ вѣрить въ революцію и просятъ меня повести ихъ домой для наведенія порядка. Они хотятъ покончить съ мятежниками! Но когда я говорю имъ, что Гинденбургъ также предоставилъ себя въ распоряженіе новаго правительства, они затихаютъ. Эта вѣсть какъ то не укладывается въ ихъ головы. Я пожимаю имъ руки и долго еще слышу ихъ молодые голоса, кричащіе мнѣ: до свиданія! Милые, вѣрные нѣмецкіе юноши! Теперь вы уже всѣ зрѣлые нѣмецкіе мужи.

Нашъ автомобиль мчится далѣе по непроходимымъ проселочнымъ и лѣснымъ дорогамъ, и, наконецъ, около девяти часовъ вечера мы, усталые, достигаемъ цѣли поѣздки. Въ сумеркахъ наступающей ночи не видно никакого штаба. Вдругъ въ темнотѣ появляется какой то военный ветеринаръ, который намъ заявляетъ, что здѣсь еще никогда не стояло никакого штаба: по недосмотру — наименованіе мѣстечка, въ которомъ помѣщается штабъ третьей арміи, встрѣчается дважды — намъ на картѣ указали не то мѣсто. Но ветеринаръ предлагаетъ намъ свои услуги. Здѣсь неподалеку стоялъ вчера штабъ фонъ Шметтова, и онъ готовъ указать намъ дорогу.

Мы ѣдемъ опять дальше сквозь громадный окутанный во тьму лѣсъ и черезъ часъ пріѣзжаемъ къ одному замку, въ которомъ всѣ уже, повидимому, легли на ночь спать. На наши крики и стуки появляется наконецъ офицеръ, который объясняетъ мнѣ, что въ замкѣ помѣщается сейчасъ школа прапорщиковъ, а отрядъ фонъ Шметтова ушелъ уже дальше. Молодой офицеръ этотъ до трогательности внимателенъ и милъ — какъ будто бы онъ виноватъ въ томъ, что Шметтовъ уже уѣхалъ. Онъ проситъ насъ остаться на ночь. Гдѣ стоитъ сейчасъ штабъ третьей арміи, онъ не знаетъ, но по его соображеніямъ недалеко отсюда вблизи отъ маленькаго городка Ларошъ долженъ сейчасъ находиться штабъ Эйнема.

И такъ мы ѣдемъ дальше уже ночью и, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ находимъ Ларошъ. Это узловая желѣзнодорожная станція. Безотрадная картина развертывается передъ нами: гикающіе, въ безпорядкѣ слоняющіеся отпускные, шумъ и крики, поѣзда, берущіеся съ бою. У коменданта мы наконецъ узнаемъ, что штабъ третьей арміи стоитъ здѣсь совсѣмъ неподалеку въ одномъ замкѣ.

И вотъ мы ѣдемъ опять. Въ одномъ мѣстѣ испорченной заѣзженной проселочной дороги намъ приходится проѣзжать по узкому временному мосту. Здѣсь столкнулись и не могутъ разъѣхаться одна австрійская автомобильная батарея и германскій обозъ. Къ тому же непроглядная тьма, мелькаютъ факелы, люди кричатъ, въ воздухѣ висятъ проклятія. Нашъ автомобиль все глубже погружается въ грязь, и мелкій холодный дождь пронизываетъ насъ насквозь. Въ теченіе двухъ часовъ сидимъ мы въ безпомощномъ положеніи посреди всего этого хаоса. Шумъ и гиканье доносятся до насъ со стороны вокзала. Мимо насъ проходятъ кучки грязныхъ ободранныхъ дезертировъ и тыловыхъ солдатъ, недовѣрчиво и злобно осматривающихъ насъ. И мы сидимъ такъ два часа

послѣ только что пережитаго потока ужасныхъ событій съ сердцемъ, исполненнымъ муки и горечи. И въ качествѣ символа ужаснаго конца нашей геройской и почти пятилѣтней борьбы, вся эта окружающая насъ картина: неразбериха, безуміе, преступленіе!

Нѣтъ, и своему злѣйшему врагу не пожелаю я пережить этихъ мучительныхъ часовъ.

Уже послѣ полуночи достигаемъ мы наконецъ штаба арміи. Фонъ Эйнемъ и начальникъ его штаба подполковникъ фонъ Глевицъ встрѣчаютъ насъ съ сердечнымъ дружелюбіемъ. Они ожидали насъ въ теченіе цѣлаго дня и уже боялись, что имъ такъ и не придется насъ увидѣть, что съ нами приключилось вѣроятно какое-либо несчастье.

Вскорѣ мы идемъ спать. Но въ эту ночь и сонъ измѣняетъ мнѣ.

Весь слѣдующій день, одиннадцатаго, моросить дождь. Холодно. Въ штабѣ третьей арміи никакихъ слѣдовъ революціи. Отъ начальника штаба до послѣдняго ординарца-офицера всѣ безупречны, и глазъ радуется при видѣ бодрой выправки и дисциплины нижнихъ чиновъ. Если бы все то ужасное, что пришлось пережить въ послѣдніе дни, не запечатлѣлось совершенно незабываемымъ образомъ въ моемъ мозгу, въ моемъ сердцѣ, то здѣсь, при видѣ этого совершеннаго порядка и дисциплины, можно было бы подумать, что ты очнулся отъ какого то безотраднаго сна. — Впрочемъ, Глевицъ мнѣ разсказалъ, что у его телефонистовъ также образовался совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, но что онъ быстро съ нимъ прикончилъ: солдаты сами явились къ нему потомъ съ повинной.

Въ теченіе утра меня посѣщаютъ начальникъ первой гвардейской дивизіи генералъ Эдуардъ фонъ Іена и начальникъ его штаба капитанъ фонъ Штебенъ. Оба они производятъ впечатлѣніе превосходныхъ, видавшихъ всякіе виды людей. Мы всѣ трое потря-

сены случившимся, и, когда прощаются со мной, они не могутъ удержаться отъ слезъ.

Днемъ я соединяюсь по телефону со своими адъютантами въ Фильсальмѣ, чтобы узнать отъ нихъ о результатахъ ихъ переговоровъ съ правительствомъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что изъ Берлина еще до сихъ поръ не пришло никакихъ извѣстій. Я прошу ихъ на всякій случай объ одномъ: чтобы безъ меня они не принимали никакихъ окончательныхъ рѣшеній, что я желаю оставить за собой послѣднее слово.

Итакъ, опять ждать. Ждать? Но чего? Развѣ изъ всего того, что я уже знаю и что кроется слишкомъ уже явно подъ формой проволочекъ и переговоровъ, не вытекаетъ совершенно ясно, что господа положенія въ Берлинѣ уже рѣшили вопросъ и рѣшили его для меня отрицательно? И развѣ могутъ они сами рѣшить его иначе, если только хотятъ утвердить за собой похищенную ими власть? Могу ли я оказать противодѣйствіе этому ихъ отказу, если только самъ хочу мира для бѣдной своей, столь много уже пережившей потрясеній родины?

Вотъ еще одно незабываемое впечатлѣніе того же дня.

Вечеръ, и я иду одинъ, погруженный въ свои тяжелыя думы, по парку замка. Иду одинъ, чтобы собраться съ мыслями, подготовиться къ тому, что неминуемо должно сейчасъ совершиться.

Если отказъ, который вѣдь непремѣнно придетъ, лишитъ тебя твоего поста, твоихъ товарищей, отвѣтственности и обязанности активнаго воина, — что дѣлать тогда? Вѣдь не оставаться же при войскахъ и вызвать тѣмъ неизбѣжные безпорядки, а если нѣтъ, то неужели въ Льежѣ или Гербесталѣ прицѣпиться къ тыловому поѣзду и уѣхать въ Берлинъ? И сидя тамъ на досугѣ въ качествѣ частнаго лица пассивно созерцать, какъ они тамъ въ безумномъ ослѣпленіи издѣваются и оскорбляютъ все то, что для тебя

было великимъ и священнымъ преданіемъ. Или и тамъ опять рискнуть попытаться бороться?

Нѣтъ. Однако одинъ путь открывается тебѣ съ того момента, когда ты по принужденію новыхъ властителей вынужденъ отказаться отъ намѣренія вернуться домой во главѣ своихъ войскъ, съ того момента, когда ты отставленъ новыми властителями отъ своей службы: это путь за границу.

Тамъ, на той сторонѣ, вдали отъ шума этой внутренней распри ты обождешь двѣ-три недѣли, пока не пройдетъ волна безумія, и разумъ и сознаніе не наведутъ опять покоя. Тогда, въ крайнемъ случаѣ по заключеніи мира, ты сможешь опять вернуться къ женѣ, къ дѣтямъ, къ новой работѣ, которая у нихъ ожидаетъ тебя такъ же, какъ и всякаго нѣмца.

Я думаю объ отцѣ, котораго я тогда опять увижу.

И всего меня охватываетъ горечь предстоящей разлуки и изгнанія.

Утро занимается надъ оголившимися, пожелтѣвшими отъ осенней непогоды деревьями. Идетъ снѣгъ въ перемежку съ дождемъ, и пронизывающій холодъ подымается изъ мокрой, вянущей листвы и оголенной земли.

А тамъ, за паркомъ, на дорогѣ проходитъ рота солдатъ, и люди поютъ. Поютъ нашу старую милую солдатскую пѣсню «Какъ хотѣлъ бы я домой на родину пойти —». И поютъ и идутъ.

Боже мой, думаю я, и я удерживаюсь, насколько могу, но это сильнѣе меня, и я не могу этого побороть.

А они все поютъ и поютъ. Уже тише, дальше.

До этого момента я все сдерживался. Но тутъ въ темнотѣ, въ одиночествѣ, гдѣ меня никто не могъ видѣть, я не выдержалъ.

Поздно вечеромъ прибыло заявленіе правительства. Правительство сообщало, что на основаніи отзыва военнаго министра генерала Шейха, оно вынуждено

отклонить мою просьбу объ оставленіи меня командующимъ моей войсковой группой.

Новому верховному главнокомандующему я не нуженъ. И мнѣ ничего не остается, какъ написать свое прощальное письмо.

Вотъ оно:

«Главная квартира войсковой группы
«Германскій кронпринцъ», 11-го ноября 1918 г.

Дорогой генералъ-фельдмаршалъ!

Въ эти для моего отца и для меня столь тяжелые дни нашей жизни позвольте мнѣ проститься хотя бы письменно съ Вашимъ Превосходительствомъ. Глубоко потрясенный, я долженъ былъ рѣшиться воспользоваться разрѣшеніемъ Вашего Превосходительства сложить съ себя обязанности главнокомандующаго и переѣхать на первое время на жительство въ сосѣднюю нейтральную страну. Только послѣ упорной внутренней борьбы я рѣшился на этотъ шагъ, хотя вся душа моя протестуетъ при мысли о томъ, что мнѣ такъ и не придется отвести домой мою войсковую группу и мои храбрыя войска, которымъ отечество такъ безконечно многимъ обязано.

Однако въ этотъ часъ я считаю важнымъ для себя изложить еще разъ Вашему Превосходительству, хотя бы вкратцѣ, свое отношеніе къ событіямъ и прошу Ваше Превосходительство сдѣлать изъ этихъ моихъ словъ то употребленіе, которое Вы сочтете нужнымъ.

Вопреки всѣмъ тѣмъ несправедливымъ голосамъ, старающимся выставить меня военнымъ шовинистомъ и реакціонеромъ, я съ самаго начала стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что эта война для насъ есть оборонительная война. Уже въ 1916, 1917 и въ 1918 годахъ я неоднократно устно и письменно выражалъ свой взглядъ, что Германія должна стремиться къ окончанію войны и должна быть рада, если ей удастся

отстоять противъ цѣлаго міра status quo. Что касается внутренней политики, то я менѣе всего противился либеральнымъ преобразованіямъ нашего государственнаго строя. Еще нѣсколько дней тому назадъ я въ письменной формѣ представилъ изложеніе этихъ своихъ взглядовъ рейхсканцлеру, принцу Максу Баденскому. Тѣмъ не менѣе, когда тяжесть событій свергла моего отца съ престола, я не только не былъ выслушанъ, но былъ прямо таки обойденъ, какъ кронпринцъ и престолонаслѣдникъ, какъ будто меня не существовало.

Я прошу поэтому Ваше Превосходительство принять къ свѣдѣнію, что я долженъ заявить протестъ противъ такого насилія надъ моей личностью, моими правами и законными притязаніями.

Несмотря на это я держался всетаки той точки зрѣнія, что мнѣ слѣдуетъ остаться на своемъ посту. Послѣ тяжелыхъ потрясеній, которыя армія испытала вслѣдствіе утраты своего кайзера и верховнаго вождя, а также вслѣдствіе позорныхъ условій перемирія, мнѣ хотѣлось ее избавить отъ новаго разочарованія — увидѣть и кронпринца отставленнымъ отъ должности главнокомандующаго. При этомъ мною руководила мысль сохраненіемъ единства ввѣренныхъ мнѣ армій уберечь отечество, которому мы всѣ служимъ, отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, даже если бы мнѣ пришлось подвергнуть себя изъ-за этого самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ и конфликтамъ. Я переносилъ бы ихъ въ сознаніи, что оказываю услугу отечеству. Однако для дальнѣйшаго пребыванія на моемъ военномъ посту рѣшающее значеніе должно было имѣть отношеніе настоящаго правительства къ этому вопросу. Отъ правительства я получилъ отвѣтъ, что оно не нуждается дальше въ моихъ услугахъ на военномъ поприщѣ, хотя я былъ согласенъ на какое угодно назначеніе. Я полагаю поэтому, что остался на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока мнѣ это предписывала моя честь офицера и воина.

Прошу также Ваше Превосходительство принять къ свѣдѣнію, что копіи этого письма мною разосланы господину министру королевскаго двора, прусскому министерству, г-ну вицепредсѣдателю ландтага, г-ну президенту палаты господъ, господину начальнику гражданского кабинета, господину начальнику военнаго кабиинета и, наконецъ, нѣкоторымъ близко мнѣ стоящимъ военнымъ начальникамъ.

Прощаясь съ Вашимъ Превосходительствомъ, я позволю себѣ высказать горячее пожеланіе, чтобы наше дорогое отечество послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ нашло опять путь къ внутреннему оздоровленію и къ новому лучшему будущему.

(подп.) Вашъ Вильгельмъ
Кронпринцъ Германской имперіи
и Пруссіи.

Его Превосходительству генералъ-фельдмаршалу фонъ Гинденбургу, начальнику главнаго штаба полевой арміи.

Вскорѣ послѣ этихъ событій я выразилъ желаніе, чтобы весь ходъ переговоровъ, происходившихъ во время моего пребыванія въ штабѣ 3-й арміи между главной квартирой моего участка фронта въ Фильсальмѣ и правительствомъ въ Берлинѣ, былъ зафиксированъ въ краткомъ протоколѣ. Этотъ документъ, составленный и подписанный начальникомъ моего штаба генералъ-майоромъ фонъ Шуленбургъ и обоими моими адъютантами, которые вели переговоры — Мюллеромъ и Мюльднеромъ, я привожу здѣсь какъ дополненіе къ моему собственному изложенію:

Протоколъ событій 10-го и 11-го ноября 1918 г.

Начальникъ главнаго штаба войсковой группы «Германскій Кронпринцъ», генералъ-майоръ графъ Шуленбургъ настоятельно совѣтовалъ 10/XI 18 его импера-

торскому высочеству кронпринцу остаться во главѣ ввѣренныхъ ему армій. Командующіе арміями фонъ Эйнемъ, фонъ Бёнъ, фонъ Эбергардтъ и фонъ Хутье, изъ которыхъ нѣкоторые лично явились въ главную квартиру войсковой группы, поддержали эту точку зрѣнія и высказали ее, каждый въ отдѣльности, кронпринцу. Кронпринцъ отправился днемъ 10/XI на фронтъ въ штабъ 3-й арміи, чтобы не столкнуться преждевременно съ нѣкоторыми явленіями, вызванными разложеніемъ въ арміи.

11-го ноября въ Фильсальмѣ, главной квартирѣ участка фронта, состоялось совѣщаніе съ его превосходительствомъ фонъ Гинце, въ которомъ участвовали графъ Шуленбургъ и оба личныхъ адъютанта кронпринца майоры фонъ Мюллеръ и фонъ Мюльднеръ. Графъ Шуленбургъ отстаивалъ здѣсь тотъ взглядъ, что кронпринцъ долженъ остаться во главѣ своей войсковой группы. Онъ указалъ на то, что фельдмаршалъ и генералъ Гренеръ раздѣляютъ его точку зрѣнія. Оба личныхъ адъютанта въ общемъ согласились съ этимъ мнѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнили присутствовавшимъ, что передъ своимъ отъѣздомъ въ Голландію кайзеръ высказался въ томъ смыслѣ, что ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ вызывать гражданскую войну. Послѣ перехода кайзера на Голландскую территорію виновникомъ таковой, при сложившихся обстоятельствахъ, неминуемо станетъ кронпринцъ, хочетъ ли онъ того или не хочетъ.

Но даже если бы удалось избѣжать этого, можно съ увѣренностью предположить, что новое правительство возможно скорѣе постарается удалить кронпринца съ такого отвѣтственнаго поста, какой онъ занимаетъ. Это случится никакъ не позже того момента, когда войска достигнутъ Рейна, и кронпринцъ тогда уже будетъ лишенъ возможности свободно располагать своей судьбой. Онъ будетъ вѣроятно вынужденъ подчиниться продиктованнымъ ему условіямъ, каковы бы они ни были, и ему не предоставлено даже будетъ

свободно избрать свое будущее мѣстопребыванie. Если онъ не покинетъ Германiи, онъ будетъ средоточieмъ политическихъ волненiй, послѣдствiя которыхъ не поддаются никакому учету. — Его превосходительство фонъ Гинце заявилъ, что этотъ вопросъ — уѣзжать кронпринцу или оставаться — долженъ быть рѣшенъ отвѣтственными военными лицами. Всѣ сошлись на томъ — обратиться съ запросомъ къ правительству, и его превосходительство фонъ Гинце предложилъ свои услуги для передачи запроса по телефону. фельдмаршалъ и генералъ Гренеръ раздѣляютъ его Онъ попросилъ рейхсканцлера подойти къ телефону. Но тотъ оказался занятымъ на засѣданiи. Вмѣсто него отвѣчали гг. фонъ Притвицъ и Бааке. Пока его превосходительство фонъ Гинце говорилъ съ этими господами, графъ Шуленбургъ продиктовалъ майору фонъ Мюльднеру запросъ кронпринца правительству: «Кронпринцъ желаетъ остаться во главѣ ввѣреннаго ему участка фронта и въ это тяжелое время исполнить свой долгъ, какъ всякiй другой солдатъ. Онъ приведетъ свои войска въ строгомъ порядкѣ и дисциплинѣ обратно на родину и обязуется въ это время не предпринимать ничего противъ новаго правительства. Какъ относится правительство къ этому вопросу?» Его превосходительство фонъ Гинце передалъ этотъ запросъ по телефону господину Бааке, который его записалъ и провѣрилъ. Во время этихъ переговоровъ кронпринцъ вызвалъ графа Шуленбургга и его превосходительство фонъ Гинце къ телефону и потребовалъ, чтобы они воздержались отъ окончательныхъ рѣшенiй, такъ какъ онъ оставляетъ послѣднее слово за собой.

Поздно вечеромъ майоръ фонъ Мюльднеръ получилъ по телефону сообщенie, что правительство на основанiи доклада военнаго министра Шейха, вынуждено отвѣтить на запросъ кронпринца отрицательно, и что оно не намѣрено оставить его въ должности главнокомандующаго.

После этого кронпринцъ съ разрѣшенія фельдмаршала Гинденбурга сложилъ съ себя командованіе войсковой группой и рѣшился послѣ тяжелой борьбы на отъѣздъ въ Голландію, считая, что онъ обязанъ принести отечеству эту жертву, такъ какъ послѣ принятыхъ рѣшеній его дальнѣйшее пребываніе на родинѣ не можетъ измѣнить положенія, а приведетъ лишь къ новымъ затрудненіямъ и осложненіямъ.

Отъѣздъ состоялся утромъ 12/XI.

Берлинъ, 4 апрѣля 1919 г.

фонъ Мюллеръ Мюльднеръ фонъ Мюльгеймъ
майоръ майоръ

Графъ фонъ деръ Шуленбургъ
генералъ-майоръ».

Эту ночь я не зналъ ни сна, ни покоя. Одна сплошная пытка и для сердца, которое въ тяжелыхъ мукахъ должно оторваться отъ всего, съ чѣмъ срослось, и для ума, который безнадежно терзается исканіемъ иного, лучшаго разрѣшенія вопроса.

Въ итогѣ остается только одно яснымъ: изъ-за меня и ради меня не должно быть дальнѣйшаго кровопролитія въ странѣ, я не долженъ быть помѣхой тому, чтобы она получила внутренній покой и пріемлемый миръ.

Мы собираемся выѣхать рано утромъ. Наша цѣль — переходъ границы Голландіи. Два автомобиля, только самый необходимый багажъ. Цѣлыми днями мы говорили объ этомъ, ночами ни о чемъ другомъ не думали, а теперь, когда это стало суровой дѣйствительностью, оно все-таки непостижимо.

Тихо, безъ лишнихъ словъ хочу я покинуть штабъ третьей арміи. Все, что можно было сказать, уже сказать. И въ служебномъ отношеніи всѣ обязанности исполнены до самой послѣдней минуты. Главное командованіе ввѣренныхъ мнѣ армій я передалъ съ момента перемирія генералъ-полковнику фонъ Эйнему. — И вотъ настала тяжелая, неизбѣжная минута прощанія. Къ чему же еще усугублять ея тяжесть?

Я спускаюсь внизъ въ пріемный залъ. Тамъ собрался штабъ 3-й арміи въ полномъ составѣ, всѣ въ служебной формѣ и въ шлемахъ. Явились даже писцы и ординарцы. Впереди, опираясь на эфесъ сабли, стоялъ престарѣлый, великолѣпный генералъ-полковникъ фонъ Эйнемъ, рядомъ съ нимъ его начальникъ штаба, мой добрый Клевицъ — прекрасный солдатъ, никогда не унывавшій, какъ бы плохо ни шли дѣла. Только теперь въ его суровыхъ чертахъ есть что-то, чего я раньше никогда не видѣлъ.

Эйнемъ говоритъ. Бодрящія, глубоко прочувствованныя слова: вѣра въ новое будущее! — Троекратное ура въ честь главнокомандующаго участкомъ фронта оглашаетъ залъ.

Главнокомандующаго ли? Да развѣ я занимаю еще этотъ постъ? Быть можетъ, въ эту минуту генералъ-фельдмаршалъ уже держитъ въ рукахъ мое письмо.

Я не въ силахъ говорить, отвѣчать. Жму старымъ, испытаннымъ въ бояхъ воинамъ руку и вижу слезы на щекахъ у солдатъ.

Мимо — мимо.

Еще одна остановка въ штабѣ первой арміи, расположившемся въ живописномъ замкѣ въ Арденнахъ недалеко отъ Намюра. Тамъ у генерала Эбергардта, бывшаго долгое время однимъ изъ лучшихъ начальниковъ на моемъ участкѣ фронта, я долженъ встрѣтиться со своимъ начальникомъ штаба. Итакъ, мнѣ предстоитъ еще тяжелое прощаніе съ тѣмъ человѣкомъ, который въ самыя трудныя времена войны былъ моимъ ближайшимъ военнымъ помощникомъ и совѣтчикомъ и которому я за все, что онъ мнѣ давалъ какъ солдатъ и человѣкъ, обязанъ глубокой благодарностью. Мы всѣ глубоко тронуты, когда я подписываю свой послѣдній приказъ по фронту:

Моимъ арміямъ!

Послѣ того, какъ его императорское величество сложилъ съ себя званіе верховнаго вождя, обстоятельства вынудили и меня послѣ заключенія перемирія от-

страниться отъ командованія ввѣреннымъ мнѣ участкомъ фронта. Какъ и раньше всегда, такъ и теперь, я приношу моимъ храбрымъ арміямъ и каждому бойцу въ отдѣльности глубокую благодарность за ту геройскую самоотверженность, съ которой они встрѣчали всѣ опасности, терпя ради отечества всяческія лишенія въ хорошіе и дурные дни.

Силою оружія наши арміи не побѣждены! Насъ взяли измoромъ и голодомъ. Гордо, съ приподнятою головой могутъ мои арміи покинуть французскую территорію, завоеванную лучшей нѣмецкой кровью. Ихъ щитъ, ихъ воинская честь незапятнана и чиста. Пусть каждый позаботится, чтобы она такой осталась, здѣсь на чужбинѣ и потомъ на родинѣ.

Четыре долгихъ, тяжкихъ года я дѣлилъ со своими арміями побѣды и неудачи, четыре года я всей душой своей принадлежалъ моимъ вѣрнымъ войскамъ. Глубоко потрясенный я разстаюсь сегодня съ ними, преклоняясь передъ величіемъ ихъ подвиговъ, о которыхъ когда-нибудь огненными словами исторія будетъ вѣщать грядущимъ поколѣніямъ.

Будьте вѣрны вашимъ начальникамъ, какъ были вѣрны до сей поры, пока они возвратятъ васъ родинѣ и домашнему очагу. Богъ съ Вами и съ нашимъ отечествомъ!

Главнокомандующій
Вильгельмъ
Кронпринцъ Германской Имперіи
и Пруссіи

Затѣмъ снова наступаетъ моментъ разлуки.

Какъ трудно было прервать прощаніе!

Но что же дѣлать, — меня торопятъ. И Мюльднеръ уже стоитъ съ приготовленной для меня шапкой: съ сѣрой походной фуражкой; онъ надѣется, повидимому, что поглощенный мукой прощанія я ничего не замѣчу и думаетъ меня запрятать въ нее для большей безопасности, считая, что въ этомъ необычномъ нарядѣ меня не такъ легко будетъ узнать.

«Нѣтъ, я хочу надѣть свою гусарскую шапку въ эту послѣднюю поѣздку. Меня ужъ никто не тронетъ!»

Они дѣлаютъ видъ, что не находятъ ея. Но я жду. Наконецъ ее достаютъ, мою черную шапку съ черепомъ, и я нахлобучиваю ее на затылокъ — еще одинъ послѣдній разъ!

Еще одинъ взглядъ — послѣдній кивокъ — слова застываютъ въ горлѣ. Шуленбургъ начинаетъ: «если вы тамъ въ Голландіи увидите моего кайзера и господина» — и вдругъ обрываетъ.

Запыхтѣлъ моторъ и мы поѣхали.

Мы ѣдемъ по тыловой области двухъ распыляющихся армій. Съ невѣроятной быстротой они утрачиваютъ прочную организацію, созданную четырьмя годами войны.

Два сѣрыхъ автомобиля: я и мои три вѣрныхъ — Мюллеръ и Мюльднеръ впереди, я съ захворавшимъ Цобельтицемъ позади.

Повсюду солдаты — козыряютъ, привѣтствуютъ возгласами. Нѣтъ, я правъ: меня никто не тронетъ.

И я отвѣчаю имъ на привѣтствія, киваю имъ и думаю все время: ребята, развѣ вы знаете, какъ тяжело у меня на душѣ?!

Путь идетъ черезъ Анденнъ въ Тонгернъ. Бельгійская территорія, — повсюду развѣваются бельгійскіе флаги въ городахъ, и населеніе ликуетъ.

Мѣняется также обликъ нашихъ солдатъ, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ тылъ. Безпорядочныя толпы людей, которые когда-то были солдатами и теперь, утративъ всякую дисциплину, шатаются по странѣ. Крики, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни привѣтливости.

Постоянное повтореніе глупыхъ лозунговъ тѣхъ дней, лозунговъ бунта и неповиновенія, которыми одинъ хвастаетъ передъ другимъ: «Въ ножи!» «Бей его!»

Насъ нигдѣ не задерживаютъ.

Однажды мы проѣзжаемъ мимо транспорта скота, который гонятъ солдаты изъ ландштурма. Старый ландштурмистъ, идущій рядомъ съ нашимъ автомобилемъ, размахивая краснымъ флагомъ надъ своими быками, громко ругаетъ меня: офицеры-де во всемъ виноваты, — они веселились, а онъ чуть съ голоду не подохъ. — Это переполнило чашу моего терпѣнія, и я такъ раздѣлываю этого молодца, что онъ, дрожа и блѣднѣя отъ испуга, разсыпается передо мною въ выраженіяхъ своего почтенія. — Сволочь, никогда не видѣвшая непріятеля, а теперь играющая въ революцію!

У Вронговена мы останавливаемся передъ проволокой на голландской границѣ.

Какъ удары молота ощущаю я біеніе сердца, когда выскакиваю изъ автомобиля. Мнѣ ясно, что эти нѣсколько шаговъ рѣшаютъ все. И сосредоточенные въ одномъ мгновеніи передо мною еще разъ проносятся суровыя картины послѣднихъ дней: Спа — кайзеръ — фельдмаршалъ, лицо Гренера, — мой Шуленбургъ, до послѣдней минуты непоколебимый, протестующій, умоляющій — письмо моего отца и наконецъ отвѣтъ изъ Берлина, положившій конецъ моей солдатской службѣ и лишившій меня послѣдней почвы.

Нѣтъ, не миновать мнѣ этой чаши — другого выхода нѣтъ.

И вдругъ мнѣ вспоминается изъ далекаго прошлаго поговорка генерала Фалькенгайна, который одобрялъ меня, когда приходилось брать какое-нибудь серьезное препятствіе: «возьми его сначала сердцемъ, — и все остальное образуется!»

И я дѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ.

Дальнѣйшія впечатлѣнія смутны и неясны, точно подернуты дымкой.

Вокругъ меня люди, товарищи, Мюллеръ серьезный какъ смерть, Мюльднеръ, дѣльный, какъ всегда, по солдатски спокойный и увѣренный, и чужіе.

Молодой очень прекрасный голландскій офицеръ, который отъ удивленія не можетъ придти въ себя и не знаетъ, что съ нами дѣлать. Онъ понимаетъ только одно: что намъ здѣсь нельзя оставаться. Насъ ведутъ мимо караула, отдающаго намъ честь, въ небольшую харчевню, гдѣ привѣтливые хозяева, безъ лишнихъ словъ ставятъ передъ нами нѣсколько чашекъ горячаго кофе. Между тѣмъ телефонируютъ въ Маастрихтъ.

Молодой офицеръ снова возвращается, подавленный возложеннымъ на него порученіемъ: потребовать выдачи нашего оружія. Минута несказанной горечи, выносимая только благодаря безупречному такту голландца.

Изъ Маастрихта пріѣзжаютъ баронъ фонъ Гюнефельдъ и баронъ Гроте. Вскорѣ послѣ нихъ жандармскій полковникъ Шредеръ со своимъ адъютантомъ. Судьба нашего дальнѣйшаго путешествія теперь въ его рукахъ. Онъ энергично берется за дѣло. Трещатъ телефонные звонки, летятъ во всѣ стороны телеграммы. Сообщенія — запросы — предписанія. И судьба наша постепенно начинаетъ вырисовываться болѣе опредѣленно.

Предварительно насъ отправляютъ въ префектуру въ Маастрихтѣ; тамъ въ домѣ губернатора провинціи Лимбургъ мы должны ждать рѣшенія голландскаго правительства.

Мы снова ѣдемъ. И здѣсь все имѣетъ военный видъ. Улицы города заграждены проволокой, рогатками и охраняются караульными. И все-таки повсюду толпа народа, глазѣющія, непривѣтливыя лица. Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ съ непостижимой быстротой облетѣла весь городъ: пріѣхали боши! Кронпринцъ!

Около часа мы входимъ въ префектуру.

На площади внизу бушующая, гикающая толпа, преимущественно бельгійцы.

Съ истиннымъ человѣческимъ благородствомъ и съ полнымъ пониманіемъ нашего положенія насъ принимаетъ баронъ ванъ-Ховель-тотъ-Вестерфлиръ и при-

лагаетъ всѣ усилія, чтобы облегчить намъ нашу печальную участь. Онъ заявляетъ намъ, что нашъ переходъ голландской границы явился для правительства полной неожиданностью. Поэтому необходимо ждать дальнѣйшихъ инструкцій. Затѣмъ онъ оставляетъ насъ однихъ въ большомъ залѣ губернаторскаго дома съ его холоднымъ великолѣпіемъ.

Какъ ни тактичны и сдержанны голландскія власти въ обращеніи съ нами, — мы все-таки чувствуемъ себя плѣнниками. Мы уже не располагаемъ свободно нашей судьбой, а должны, по требованію другихъ, либо уходить, либо оставаться.

Ко всѣмъ остальнымъ мученіямъ присоединяется еще тягостное чувство, будто мы скованы какими-то невидимыми оковами.

На причудливо торжественныхъ стульяхъ сидимъ мы вокругъ длиннаго стола, ходимъ взадъ и впередъ, смотримъ въ высокія окна.

Что будетъ дальше?

Стрѣлки комнатныхъ часовъ какъ будто замедлили свой ходъ; порою кажется, что онѣ неподвижны.

У добраго Цобельтица къ тому же приступъ судорогъ въ желудкѣ. Скорчившись, лежитъ онъ на скамейкѣ, обтянутой краснымъ плюшемъ и стонетъ. Бѣдняга!

Иногда кто-нибудь заговоритъ, больше обращаясь къ самому себѣ, чѣмъ къ другимъ, и выскажетъ одну изъ тѣхъ мыслей, которыя засѣли въ головѣ и все-таки непостижимы. Но отвѣта никто не даетъ.

Изрѣдка стучатся, и дверь отворяется. Всѣ въ напряженіи — но напрасно. Это — губернаторъ справляется, не желаемъ ли мы чего, или же жандармскій комендантъ сообщаетъ, что онъ все еще ждетъ рѣшенія.

И мы опять одни, внутренно еще связанные съ прошлымъ, отъ котораго пространственно отдѣлились, безъ всякихъ перспективъ на будущее. И все снова спрашиваемъ себя; что происходитъ тамъ поза-

ди насъ, между тѣмъ какъ мы здѣсь заперты какъ звѣри въ клѣткѣ? Что дѣлается на фронтѣ, у тѣхъ людей, которые были нашими товарищами въ теченіе четырехъ лѣтъ? — Что дома? въ моей семьѣ?

«Соболь» (какъ мы зовемъ Цобельтица) съ трудомъ поднимается со скамейки и, сгорбившись, бродитъ по залу. Иногда взглядываетъ на меня своими темными добрыми глазами; ему хочется сдѣлать мнѣ что-нибудь пріятное, несмотря на мученія, которыя ему причиняетъ желудокъ, уже давно нуждающійся въ операціи. Нѣкоторое время онъ стоитъ молча передъ бѣлымъ бюстомъ Вильгельма III Оранскаго, съ самодовольнымъ достоинствомъ глядящаго со своего колонообразнаго цоколя, и, кивая головой, замѣчаетъ съ философскимъ спокойствіемъ: «Да, да, мой милый Ванъ Гутенъ, этого тебѣ и во снѣ не снилось —!»

Какъ веселая шутка, сказанная въ моментъ глубочайшаго отчаянія, смягчаетъ горечь самыхъ тягостныхъ минутъ!

И намъ мука ожиданія стала какъ будто легче.

По распоряженію барона намъ сервируютъ даже обѣдъ. Настоящій обѣдъ, несмотря на нашъ рѣшительный отказъ. И все это дѣлается отъ добраго сердца. Но мы слишкомъ подавлены. Съ трудомъ проглатываемъ мы нѣсколько кусковъ.

Наконецъ, около полуночи наша судьба выясняется: впредь до дальнѣйшихъ распоряженій мы получаемъ пріютъ въ замкѣ Гилленрадтъ графа Меттерниха.

Снова мы сидимъ въ открытыхъ автомобиляхъ. Рядомъ съ нами жандармскій офицеръ. Улицы, по которымъ мы проѣзжаемъ, оцѣплены патрулями, всѣ мѣропріятія полковника Шредера цѣлесообразны и разумны.

Холодный туманъ окутываетъ всю мѣстность, и дѣлаетъ глубокую ночь еще болѣе непроницаемой. Только прожектора вонзаютъ бѣлыя воронки лучей въ окружающій насъ мракъ. И кажется, что эти воронки каждый разъ готовы насъ поглотить, и по-

томъ снова отступаютъ передъ нами назадъ. Такъ продолжается два часа.

Наконецъ мы останавливаемся у графскаго замка, который находится около Рурмонда.

Мы раздѣваемся въ большой пріемной, слабо освѣщенной свѣчами. Озябшіе отъ холода, съ удрученною душой — безъ корней на чужбинѣ.

Но вотъ появляется, спускаясь съ лѣстницы, хозяйка дома. Молодая, бѣлокурая, вся въ черномъ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ. Сердечное, полное сочувствія выраженіе ея глазъ сразу заставляетъ насъ забыть, что мы здѣсь чужіе.

Въ теченіе десяти несказанно тяжелыхъ дней, проведенныхъ нами въ замкѣ Гилленрадтъ, эта добрая женщина заботится о насъ съ исключительной чуткостью и вниманіемъ. Онъ дѣлается моимъ другомъ, съ которымъ я дѣлюсь многими своими горестями и заботами. Графиня — вѣрующая католичка и глубоко удручена бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; кромѣ того, она безпокоится о мужѣ, который находится какъ разъ во время революціи въ Берлинѣ.

Десять дней тянутся переговоры съ голландскимъ правительствомъ о нашей дальнѣйшей судьбѣ, — десять дней, въ теченіе которыхъ съ фронта и съ родины приходятъ одна несчастная вѣсть за другой. Во время этихъ переговоровъ выясняется, что Голландія, вынужденная къ тому политическимъ давленіемъ Антанты, должна поставить условіемъ моего пребыванія на своей территоріи мое интернированіе. Только гарантируя другимъ странамъ выполненіе этого условія, Голландія можетъ мнѣ оказать гостепріимство, какъ нейтральное государство, и устоять противъ требованія моей «выдачи», о которой уже заговорили. Такой оборотъ дѣла явился для меня полной неожиданностью. Въ виду того, что перемиріе вступало въ силу уже 11-го ноября въ 12 часовъ дня, никто изъ участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса о моемъ отъѣздѣ въ Голландію не допускалъ и мысли объ этой возможно-

сти: ни я, ни мой начальникъ штаба, ни лица моей свиты, ни статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ Гинце, ни наконецъ верховное командованіе. Всѣ были твердо увѣрены, что я буду пользоваться въ Голландіи тѣми же правами, какія были предоставлены всѣмъ безъ исключенія лицамъ свиты его величества; т. е. буду имѣть возможность свободнаго передвиженія по странѣ. Какъ ни тяжелы и мучительны были эти переговоры, представители голландскаго правительства ведутъ ихъ въ духѣ подлинной гуманности. Всѣ тѣ лица, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, оказываются, въ полномъ соотвѣтствіи съ характеромъ голландскаго народа, людьми справедливыми, нелицепріятными, готовыми постоять за свои убѣжденія и независимость.

Наконецъ мы получаемъ нѣкоторую точку опоры для нашего будущаго. Полковникъ Шредеръ сообщаетъ намъ, что голландское правительство назначило мнѣ какъ мѣсто моего пребыванія островъ Вирингенъ.

Вирингенъ? Островъ Вирингенъ?

Никто въ домѣ не знаетъ, гдѣ этотъ островъ находится.

Вирингенъ?

Въ первый разъ въ жизни я слышу это названіе и, слыша его, ничего не могу себѣ представить.

А теперь, когда я пишу эти строки моихъ воспоминаній, я живу уже почти три года на этомъ кусочкѣ земли, затерянномъ среди моря.

Эта послѣдняя часть моего путешествія въ изгнаніе также полна мелкихъ затрудненій, непріятностей, козней.

Рано утромъ мы прощаемся съ нашей доброй графиней, въ семь часовъ поѣздъ отходитъ отъ маленькаго вокзала въ Рурмондѣ, сопровождать насъ назначенъ голландскій капитанъ.

Около часа пополудни мы въ Амстердамѣ, — на вокзалѣ масса любопытныхъ, войска, оцѣпляющія по-

ѣздъ, — а въ три — мы прибываемъ въ Энкхуйзенъ, небольшое мѣстечко на берегу Зюдерзэ. Здѣсь, какъ мы узнаемъ еще въ пути, насъ будетъ ждать паровая яхта управленія морскихъ сооруженій, которая и перевезетъ на островъ Вирингенъ.

Однако, яхта сѣла въ туманѣ на мель, — и не появляется. Во время этой вынужденной остановки населеніе Энкхуйзена изощряется въ крикахъ, свисткахъ и ругани по моему адресу. Весьма убѣдительный жестъ по направленію къ шеѣ и выше, который съ соотвѣтствующей мимикой мнѣ все снова и снова показываютъ изъ толпы, убѣждаетъ меня лишній разъ, какъ глубоко пустилъ корни, даже въ нейтральныхъ странахъ, карикатурный образъ кронпринца, созданный и распространенный военной пропагандой Антанты. Все это, конечно, не можетъ способствовать повышенію моего настроенія.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, мы рѣшаемъ сѣсть на небольшой буксиръ и отправиться на поиски нашей яхты.

Итакъ, впередъ! На Зюдерзэ стоитъ такой густой туманъ, что еле видно на разстояніи 20 метровъ, съ открытаго моря дуетъ ледяной вѣтеръ. Мы стоимъ на палубѣ сильно качающагося буксира и смотримъ въ сѣрую мглу. — Долгіе безнадежные часы!

Наконецъ мы находимъ яхту. Но пользы отъ нея мало; винтъ ея сломанъ. Нашъ пароходикъ снимаетъ ее сначала съ мели, затѣмъ беретъ на буксиръ, ведя рядомъ съ собой — и наконецъ мы снова держимъ курсъ на Вирингенъ.

Если бы мы только знали, гдѣ этотъ островъ находится! Въ туманѣ и все возрастающемъ мракѣ, при сильномъ вѣтрѣ и волненіи наши сказочные мореплаватели часами розыскиваютъ островъ, — и не могутъ его найти. Онъ исчезъ, словно поглощенный моремъ и туманомъ. Наконецъ, около десяти часовъ, мы прекращаемъ поиски и рѣшаемъ на ночь

стать на якорь. Однако и это рѣшеніе оказывается сомнительною мудростью; ибо волненіе настолько сильно, что оба парохода непрерывно сталкиваются бортами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже лопнула обшивка и, если это будетъ такъ дальше продолжаться, всѣ шансы утонуть. Итакъ, мы снова подымаемъ якорь!

Теперь мы разыскиваемъ портъ Медембликъ, находящійся на материкѣ. И такъ какъ у отважныхъ мореплавателей иногда бываетъ больше счастья, чѣмъ разсчета, мы находимъ наконецъ этотъ портъ около полуночи.

А Вирингенъ? Весь этотъ день былъ какъ бы преддверіемъ къ нему, знаменіемъ того, что многаго ожидать отъ нашего новаго пребыванія не приходится.

Но на слѣдующій день намъ везетъ! Утромъ, когда волненіе улеглось, мы снова садимся на пароходъ и въ спокойную зимнюю погоду добираемся до острова.

Никогда не забуду того часа, когда я впервые вышелъ на берегъ этого маленькаго острова.

Въ гавани опять толпы народа; мѣстные жители, съ молчаливымъ недовѣріемъ встрѣчающіе новыхъ пришельцевъ, болтливые репортеры, ловкіе фотографы.

Я чувствую, что для нихъ я рѣдкій звѣрь, котораго наконецъ удалось поймать. И каждому изъ этихъ хлопотливыхъ господъ мнѣ хочется сказать: Не распрашивайте и не лѣзьте ко мнѣ съ вашимъ аппаратомъ. Я хочу покоя, только покоя, чтобы собраться, сосредоточиться послѣ всѣхъ пережитыхъ несчастій, — больше ничего!

Въ допотопной каретѣ — несомнѣнно самой лучшей, которая имѣется на островѣ, мы продолжаемъ нашъ путь въ деревню Оостерландъ. Рыбьимъ жиромъ и старой кожей отдаетъ эта почтенная колымага. Даже сейчасъ, закрывая глаза и вспоминая

наше путешествіе, я слышу этотъ характерный запахъ.

У маленькаго запущеннаго пастората насъ выгружаютъ. Все кругомъ голо и пустынно. Немного старой и расшатанной мебели. Холодъ и одиночество гнѣздятся тамъ, точно призраки. На улицѣ передъ домомъ поварачиваетъ съ сильнымъ скрипомъ старая карета и, трясясь по грязи, скрывается въ туманѣ.

Я — дома!

Эта мысль меня душитъ.

Дни и недѣли проходятъ безъ малѣйшаго просвѣта, тяжелые какъ свинецъ, едва выносимые.

Подобно плѣннику, объявленному внѣ закона преступнику, живу я въ тѣсномъ кругу этихъ людей, которые при встрѣчѣ со мной мрачно и пугливо отворачиваются, и лишь изрѣдка изъ-за полузакрытыхъ глазъ рѣшаются бросить на меня любопытный взглядъ. Для нихъ — я кровопійца, дѣтскій палачъ — они возмущены правительствомъ, которое позволяетъ мнѣ свободно ходить по острову и навязало этому почтенному мѣстечку такого непріятнаго гостя.

У бургомистра Пееребоома много хлопотъ, чтобы успокоить возбужденные умы.

А съ родины доходятъ понемногу вѣсти о ходѣ событій, отъ которыхъ сердце обливается кровью. Нѣмецкихъ газетъ здѣсь нѣтъ. По голландскимъ газетамъ, уже устарѣвшимъ въ моментъ ихъ полученія, я возстанавливаю съ трудомъ текстъ Лондонскихъ, Парижскихъ и Амстердамскихъ телеграммъ: Кровопролитіе и возстанія. Разбитый снарядами и разграбленный дворецъ, — деспотія матросовъ, бои съ спартаковцами — угрозы Антанты.

Хочется кричать о помощи этой бѣдной странѣ, съ которой я связанъ всѣми фибрами души, для

спокойствія и спасенія которой я готовъ на всякую жертву!

На жертву? Да, одну жертву они требуютъ отъ меня, о которой я еще разскажу.

По порученію Германскаго посольства въ Гаагѣ, исполняющаго этимъ требованіе новаго Германскаго правительства, 1-го декабря является на островъ секретарь посольства фонъ Паннвицъ. Это мой товарищъ по корпораціи съ добрыхъ студенческихъ временъ въ Боннѣ. Видно, нелегкимъ было для него это путешествіе; онъ согласился на него, вѣроятно, только потому, что вѣсть, которую онъ везъ, легче услышать изъ дружескихъ устъ, чѣмъ отъ чужаго человѣка. Ему дано порученіе: добиться отъ меня формальнаго отказа отъ моихъ личныхъ правъ.

Отказа? — Почему? и для чего? Господа въ Берлинѣ, держащіе въ своихъ рукахъ всю власть и считающіе себя выразителями воли большинства, до сихъ поръ, казалось, не отличались особенно педантичностью и мелочностью, когда дѣло шло о правахъ Гогенцоллерновъ. Развѣ они не огласили 9-го ноября отреченія его величества и мой отказъ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія кайзера и не предупредивъ меня обо всемъ ни словомъ?

Развѣ не тѣ же лица, которые присягали его величеству въ вѣрности, провозгласили черезъ нѣсколько недѣль безъ зазрѣнія совѣсти республику? Какое значеніе можетъ имѣть мой отказъ для этихъ господъ? Заниматься такими мелочами — какъ будто совсѣмъ не соотвѣтствуетъ стилю ихъ политики!

Впрочемъ возможны и слѣдующія соображенія: если державный государь и его престолонаслѣдникъ дѣйствительно считаютъ себя первыми слугами государства, то что собственно является истинной основой присущихъ имъ правъ? Только традиція и узаконенныя и унаслѣдованныя притязанія? Или же живое содержаніе этого права пріобрѣтается ими каж-

дый разъ черезъ довѣріе всего народа, который добровольно подчиняется водительству носителя этихъ традицій? Не является ли одно безъ другого чѣмъ-то пустымъ и половинчатымъ? А если такъ, то развѣ я могу разсчитывать на довѣріе и преданность большинства нѣмецкаго народа — теперь, послѣ крушенія, въ моментъ величайшаго несчастія и униженія, когда сотни тысячъ людей знаютъ только искаженный и опороченный образъ моего истиннаго существа. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!

Неужели мнѣ передъ родиной упорно настаивать на своемъ правѣ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что она, быть можетъ, мнѣ отказываетъ именно въ томъ, наиболѣе цѣнномъ, что связано съ этимъ правомъ: въ любви и довѣріи? Неужели мнѣ дать нашимъ сторонникамъ монархизма, — новый лозунгъ борьбы — борьбы въ такое время, когда, по моему глубочайшему убѣжденію, отечество требуетъ отъ всѣхъ — отъ республиканцевъ одинаково какъ отъ монархистовъ, — только одного: внутренняго единенія для противодѣйствія хищническимъ вожделѣніямъ «побѣдителей» и затѣмъ: работы, работы и работы!? — Конечно, нѣтъ. И наконецъ: если я въ минуту великаго несчастія отказываюсь отъ своихъ законныхъ правъ ради блага народа въ цѣломъ, неужели я теряю тѣмъ самымъ высшее другое свободное право — послѣдовать зову народа, если зовъ этотъ когда нибудь будетъ исходить отъ воли большинства. Никто не посмѣетъ мнѣ поставить мой отказъ въ упрекъ; онъ продиктованъ только любовью къ отечеству и служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что я вѣрно понялъ требованіе момента: въ виду внѣшней и внутренней опасности уберечь родину отъ пагубнаго дробленія силъ.

Итакъ, я исполнилъ нѣсколько запоздалое желаніе новаго правительства. Я повторяю еще разъ: я сдѣлалъ это не ради этого правительства и не потому, чтобы я призналъ свои освященныя традиціей права

упраздненными насиліемъ революціи. Нѣтъ, я поступилъ такъ, потому что я, какъ всякій настоящій нѣмецъ, хочу сдѣлать все возможное, чтобы устранить всякій поводъ къ внутреннимъ распрямъ и дать отечеству возможность послѣ пережитыхъ имъ тяжелыхъ испытаній снова оправиться и окрѣпнуть. Эта жертва — все, что я могу сдѣлать для отечества, — пока не настанетъ тотъ часъ, когда я вновь вернусь на родину къ творческой работѣ среди своихъ соотечественниковъ.

Сентябрь 1921 г.

Я снова перелисталъ страницы, повѣствующія о моемъ путешествіи въ Голландію и на островъ, о первыхъ тяжелыхъ, едва выносимыхъ недѣляхъ изгнанія, — и страданія прошлаго снова ожили во мнѣ.

А между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло уже три года! Тѣ люди, которые меня тогда встрѣтили съ глубокимъ недовѣріемъ, чуждаясь и избѣгая меня, стали теперь моими друзьями, дѣлящими со мной свои малыя и большія радости и горести, и облегчающими мнѣ проявленіями искренней преданности мое одиночество.

И всетаки, какъ ни радушно гостепріимство этого простого, прямого и справедливаго народа, и какъ ни обогатился и углубился мой внутренній опытъ въ уединеніи острова, я ни на минуту не могъ забыть своей родины. Старая любовь и тоска по отечеству и соотечественникамъ столь же сильны и живы во мнѣ, какъ и раньше.

Правда, еще не насталъ тотъ часъ, когда мечта моя исполнится, и я смогу проявить эту любовь дѣятельнымъ участіемъ въ работѣ по возстановленію родины, и мнѣ остается только терпѣливо ждать, сдерживая себя и не поддаваясь тяжелому гнету одиночества и разлуки.

Я записалъ на этихъ листкахъ главнѣйшія событія моей жизни и сознательно ничего существеннаго не обошелъ молчаніемъ.

Я кончилъ.

Мнѣ хочется только моимъ нѣмецкимъ читателямъ, сопровождавшимъ меня на пути моихъ воспоминаній, высказать на прощаніе все то, что я желаю отъ всей души и имъ, и намъ всѣмъ и священному нашему отечеству, которое насъ родило и въ которомъ мы навѣки укоренены, какъ бы ни складывались его судьбы.

Чтобы изъ нашего теперешняго униженія и несчастья подняться снова до прежней высоты, мы нуждаемся въ тѣсномъ единеніи на почвѣ самоотверженной любви къ отечеству: только тогда возродится наше національное самосознаніе и національное достоинство.

Долой всѣ лозунги партійной травли, которые лишь усугубляютъ и затягиваютъ внутренній разладъ. Наша задача — не во взаимныхъ обвиненіяхъ и спорахъ о разбитыхъ горшкахъ; намъ нужны новые вмѣсто осколковъ! Такъ или иначе виноваты мы всѣ.

Пусть каждый, кто теперь считаетъ себя призваннымъ руководить судьбами нѣмецкаго народа, будетъ сознавать всю тяжесть своихъ обязанностей! Пусть лозунгъ: «Способности и таланты впередъ», которымъ такъ часто злоупотребляли, дѣйствительно будетъ осуществленъ! Только лучшіе должны стоять у кормила власти! Самыхъ испытанныхъ спеціалистовъ; самыхъ дѣльныхъ и твердыхъ людей на первыя мѣста! Не то существенно, правые они или лѣвые, съ «прошлымъ» или безъ «прошлаго», республиканцы или монархисты, предприниматели или рабочіе, христіане или іудеи, — важно лишь то, чтобы они какъ честные, патріотически настроенные нѣмцы были готовы объединить всѣ свои силы для

работы надъ возстановленіемъ родины: внутренне единые — сильные передъ внѣшнимъ міромъ.

Скованная невыполнимымъ преступнымъ Версальскимъ договоромъ, Германія уже третій годъ изнемогаетъ въ полной безпомощности подъ возложеннымъ на нее непосильнымъ бременемъ. Она безпомощна, потому что растрачиваетъ свои силы на внутреннія распри, потому что значительная часть нашего народа все еще прислушивается къ мелодіямъ тѣхъ мечтателей и обманщиковъ, которые соблазняютъ ее сказкой о всемірномъ братствѣ въ интернаціоналистическомъ раю. Какъ долго это уже продолжается? И какъ долго еще будетъ продолжаться? Откройте глаза и оглянитесь кругомъ: весь окружающій міръ — примѣръ того, что здѣсь считаются только съ тѣмъ, кто самъ себя уважаетъ, и что братской руки никто вамъ не протягиваетъ. Будьте нѣмцами, и еще разъ повторяю: не покидайте суровой почвы міра реальной политики, и сохраните свою романтику на лучшія времена, когда культъ ея будетъ менѣе опаснымъ для отечества въ цѣломъ.

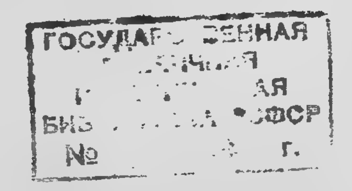
Повѣрьте мнѣ: нѣмецкій народъ, который похоронитъ свои партійныя распри, который избавится отъ безплоднаго матеріализма послѣднихъ лѣтъ и поведетъ борьбу за свободу, объединенный любовью къ своему обѣднѣвшему и всетаки прекрасному отечеству, который проникнется непреклонной рѣшимостью сбросить свои оковы, — такой нѣмецкій народъ сумѣетъ добиться своего освобожденія!

Но вы должны быть тверды, и вы должны бороться съ тѣмъ неистовствомъ, которое твердитъ только одно: Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня!

Не къ реваншу я призываю, и не къ оружію.

Я хочу пробудить нѣмецкій духъ; пусть онъ снова окрѣпнетъ: Только духъ созидаетъ все великое и вершитъ судьбу народовъ; внѣ духа — всѣ орудія и матеріальныя сред-

ства лишены смысла и значенія. — Въ этой истинѣ, быть можетъ, слѣдуетъ искать ключа къ той судьбѣ, которая въ послѣднія десятилѣтія направляла нашу жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она предуказываетъ и ту иную судьбу, которая позволитъ намъ въ будущемъ одолѣть всѣхъ противниковъ, если только мы сумѣемъ собрать свои лучшія силы!

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

